

Усятская россыпь

РЕГИОНАЛЬНАЯ
ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ГАЗЕТА. АЛЬМАНАХ

Выпуск №9 Октябрь 2012 года

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

- 1 – 70 лет со дня образования Кемеровской области стр. 1;
2 – Леонид Губин – «Первопроходец», проза стр. 2–4;
3 – Татьяна Эмих – «Урок художественной штопки», проза стр. 5;
4 – «Жизнь, творчество, любовь Ф.М. Достоевского и «Народный проект» стр. 6–9;
5 – Любовь Никонова – «Евангелие» – настольная книга Ф.М. Достоевского», проза и стихи стр. 10–11;
6 – Николай Подсевалов, лирические стихи стр. 12–13;
7 – Людмила Лукьянцева – «Серебрянная метка», проза стр. 14–15;
8 – Геннадий Алхонин, лирические стихи стр. 16–17;
9 – Анатолий Гуляев – «Калтанский богатырь»..., «Зарисовки на военно-педагогическую тему», проза стр. 18–27;
10 – Владимир Неунывахин – «Всполохи памяти», проза стр. 28–33;
11 – Владимир Дегтярёв, лирические стихи стр. 34;
12 – Сергей Ерофеев – «Моему комусу» и другие стихи, поэзия стр. 35;
13 – Геннадий Морозов – «Легенда о Вараве», поэзия стр. 36–37;
14 – «Достоевский: смерть и бессмертие», проза (информаш. о выставке) стр. 37–38;
15 – Владимир Шишкин, лирические стихи стр. 38–39;
16 – Людмила Танкова – «Камни не лопаются от боли», «День приходящего клошара», проза стр. 40–43;
17 – Аделья Мачкова – «Крымский дневник», проза стр. 44–46;
18 – Песня «Огромное небо» (история песни, авторы, исполнители), проза стр. 47;
19 – Елена Трухан – «Живая память» (отзыв о книге Владимира Неунывахина «Всполохи памяти»), проза стр. 48–49;
20 – Людмила Танкова – «Чистый поток понимания» (отзыв о книге Сергея Ерофеева «Акт веры»)/ «Облака шифона», проза стр. 49;
21 – «Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи», проза стр. 50–52;

Свидетельство о регистрации ПИ ФС 12-1286, выдано Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Сибирскому федеральному округу 12.02.2007 г.

Учредитель и издатель: 000 «Редакция литературно-художественной газеты-альманах «Усятская россыпь».

Директор, гл. редактор: Гуляев А.Н. Т. 8-906-987-19-55.

Технический редактор: Танкова Л.А.

Корректора: Еськовой И.Е.

Адрес редакции и учредителя: 653 013, ГСП, Кемеровская область, г. Прокопьевск, ул. Алмазная, 56. Телефон для связи: 8-913-327-82-98.

Газета распространяется на территории Кемеровской области.

Газета отпечатана офсетным способом на типографской базе МУП ТРК «Киселевск». Адрес издательства: г. Киселевск, ул. Унжакова, 14.

Объём 13,0 п.л. Заказ №2018. Тираж 1000 экз.

Время подписания в печать по графику и фактическое в 16-00

Цена договорная.

70 лет Кемеровской области

«Административное состояние территории современной Кемеровской области» (с момента основания города Кузнецка, по данным разработки новокузнецкой Центральной городской библиотеки имени Гоголя Н.В.):

- 1618 год – «Кузнецкий уезд Сибирского края» (центр в городе Тобольске);
1629 год – «Кузнецкий уезд Томского разряда» (с общим подчинением г. Тобольску);
1710 год – «Сибирская губерния» (центр в городе Тобольске);
1719 год – «Тобольская провинция»;
1724 год – «Томское воеводство Енисейской провинции»;
1779 год – «Кузнецкий округ Колывановской области Тобольского генерал-губернаторства»;
1783 год – «Кузнецкий уезд Колывановской губернии Томской области Тобольского наместничества»;
1804 год – «Кузнецкий округ Томской губернии»;
1822 год – «Кузнецкий округ Томской губернии Западно-Сибирского генерал-губернаторства»;
1898 год – «Кузнецкий и Мариинский уезды Томской губернии»;
1917 год – «Кузнецкий и Мариинский уезды Томской губернии»;
1918 год – «Кузнецкий, Мариинский и Щегловский уезды Томской губернии»;
1921 год – «Кольчугинский, Мариинский и Щегловский уезды Томской губернии»;
1924 год – «Кузнецкий округ» (с центром в городе Кольчугино, затем в Щегловске);
1925 год – «Томский округ Сибирского края»;
1930 год – «Западно-Сибирский край» (с центром в городе Новосибирске);
1937 год – «Новосибирская область» (с центром в городе Новосибирске);
С «26» января 1943 года – «Кемеровская область» (с центром в городе Кемерово).

Как это было:

К концу 1942 года положение на фронтах Великой Отечественной войны остаётся тяжёлым: стратегическое превосходство на стороне противника (гитлеровской Германии и её сателитов), отбито лишь их наступление на Москву, Донбасс на оккупированной противником территории, гитлеровцы рвутся на Кавказ – Сталинградская битва (17 июля 1942 года – 2 февраля 1943 года) продолжается, впереди Курское сражение (5 июля 1943 года – 23 августа 1943 года).

Советской стране как воздух требуется много угля и металла, в связи с чем возникла острая необходимость создания мощного промышленного потенциала в Кузбассе и эффективное централизованное управление им из центра. В руководстве страны вырабатывается судьбоносное решение на создание и выделение Кемеровской области из состава Новосибирской

26 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была создана Кемеровская область.

Первооткрыватель

О биографии Михайлы Волкова существует две разных версии. Согласно одной из них, Михайло Волков тобольский казачий сын, согласно другой - крестьянин помещицы Переяславль-Рязанской провинции Феклы Селивановой.

Михайло Волков, вероятнее всего, прибыл в Красномысскую слободу (ныне село Красномыльское Курганской области), вместе с отцом в 1690-1700 гг. В период между 1710 и 1717 гг. он переселился вместе с братьями и отцом в Коркину слободу (ныне город Ишим), а затем, в 1716 или 1717 г. в Томский уезд, где его приписали к Чаусскому острогу. В 1720 г. Михайло Волков подал доношение «о прииске руд в Томском уезде ниже Томска верст семьдесят ...и во всем Томском уезде по рекам же». Из Тобольска вместе с рудным мастером Федором Инютиным его послали в Томск, оттуда в Чаусский острог, где он занимался поисками руды. Тогда же они отправились «вверх по реке Томи до Красной горы, и у той горы руды приискали, и, взяв сверху той горы горелой земли», вернувшись, сообщили о находке, т.е. нашли и сообщили о месторождении каменного угля на территории нынешнего Рудничного района г. Кемерово.

Собственно, доношение Михайлы Волкова о поиске руд (январь 1721 г.) является первым официальным документом, извещающим о месторождении каменного угля на территории будущего г. Кемерово. Берг-коллегия, обратила внимание на каменный уголь. Она тут же выдвинула вопрос о практическом использовании найденного Волковым минерального топлива и потребовала представления подробных данных о возможности транспортировки каменного угля для промышленных целей на Уктусские заводы и рудники.

Стояла поздняя осень 1717 года. Хлеба давно убрали, обмолотили. Урожай хороший, да не про господских холопей. Тяжело, увесисто плывут над рязанской землей серые тучи, и уж крупа из них сеется снежная, сахарится на межах, у лесов, под скирдами.

В такую пору приказчик помещицы Феклы Селивановой доставил своей госпоже из Рязанской воеводской избы, поступившее туда распоряжение Берг-коллегии: отправить в Тобольск к сибирскому губернатору «се, Селивановой, крестьянина Михайлу Волкова» в качестве государева рудознатца.

Помещица хотела было разгневаться, да вовремя вспомнила строгое государево распоряжение: «Рудознатцам в сыскании руд помещательства не чинить. Ежели они пожелают руды сыскивать, давать им отпускные письма без задержания». Велела позвать к себе холопа Михайлу - тот, тряхнув русыми кудрями, отмахнул ей поясной поклон.

- В Тобол вот велят тебя отправить, - сказала, поджав губы.

- Отпусти, матушка! - У Волкова от радости глаза засверкали.

Фекла-помещица знобко двинула плечом - и насмешливо:

- Что они нашли в тебе?.. Ну, уж так тому и быть. Половинная с тебя доля оброка, Михайла, и гуляй хоть на край света.

- Что ты, матушка! Разоряешь.

Помещица вспыхнула:

- Впору мне с холопами торговаться, хоть они и рудознатцы. В послушники захотелось?

- Будь по-твоему, матушка, - поспешно согласился Михайла.

И вот уж мчится он за Волгу синюю, за Урал-Камень, в студеный сибирский город Тобольск, где вольнее дышится и легче живется. Версты. Версты. Реки. Леса. Тайга. Горы. Распадки. Несутся от яма к яму почтовые лошади...

Напарил Михайла на груди под рубашкой пассе-порт, сиречь проезжий лист, тепло вспомнил, что и бумага эта, и поездка - дело рук главы российской Казенной команды рудознатцев Василия Михайловича Лодыгина. Еще с прошлых лет приметил его, Волкова, Василий Михайлович. Доверял ему, посылал в Сибирь искать серебряные да железные руды, пытался сделать его членом Казенной команды, да не смог: помешало холопское звание Михайлы, а в команду велено было принимать только вольных, свободных людей.

Хотел было Михайла в Москве самолично поклониться Лодыгину, да узнал, что Казенная команда и весь Рудный

„Горелая гора“
Михайлы Волкова

приказ, переименованный в Берг-коллегию, спешно перебрался в новую столицу на Неве. Узнал и о том, что перед самым отъездом в Санкт-Петербург в Казенную команду поступило доношение из Сибири - двое тамошних рудоведцев сообщали, что нашли на речке Алей руду «признаку медную», и вот теперь тщательно проверить это доношение посылают именно его, Волкова. На этом, конечно же, настоял сам Василий Михайлович. Жаль только, что в его отсутствие Волкову не выдали подлинный пассе-порт, а дали лишь копию, закрепленную (подписанную) простым канцеляристом.

Синее небо, ослепительно атласные снега, могучие на горных увалах кедры. Наконец вот он - Тобольск, столица сибирского губернатора.

В губернской канцелярии неожиданно повстречал своих давних дружок, местных, сибирских рудоведцев Степана Костылева и Федора Комарова - приехали бить челом губернатору про медную руду. «Дак это, значит, вы и есть те доносители?» - ахнул Михайла.

Так все трое и предстали перед князем Матвеем Петровичем Гагариным. Поддали с поклоном общую челобитную. Князь долго не держал просителей. К их немалому удивлению, не кричал, не затопал ногами - шибко начертал на челобитной дорожку достающиеся простолюдным

слова: «Дозволяется искать всякого рода руды и в курганах вещей».

Через несколько дней - вот оно в чем дело-то! - худородный гвардейский офицер Лихарев, прискакавший в Тобольск по именному указу царя, посадил князя Матвея Петровича в простые сани и повез с великим бережением в столицу. За чем повез, никому не было ведомо. Догадывались догадливые - уж больно князь нагловат был, плохо различал, где свое, а где державе надлежало...

А Михайла Волков, да Степан Костылев из Коркинской слободы, что у Чеужского острога - поселения на Оби (севернее нынешнего Новосибирска), да Федор Комаров из острога Белоярского на Оби же (возле современного Барнаула) подались, пока зима, к верховьям бурной алтайской речки Алей - там, как значилось в доношении Костылева и Комарова, есть в недрах «прибыльная» медная руда. За такую, не скупясь, платит казна отменные денежки. Костылев с Комаровым хорошо знали те рудные места, потому что жили от них недалеко. Много дней добивались все трое из Тобольска в Томск. Шли на восход и на восход - сибиряки все ближе к своим домам, а Михайла все дальше и дальше от родимой Рязанщины.

Не доезжая до Бердска, Степан Костылев с друзьями завернул в родную Кор-

кинскую слободу на денек-другой отогреться. Местный приказчик Константин Захаров «удержал было их челобитную у себя и руд искать не велел». Но, узрев подпись губернатора, сказал:

- Что ж, ваяйте, коли охота есть. А по мне, ребята, не совались бы вы на Алей, пока лихо вас обходит.

Не послушали. До места, которое хорошо знал Степан, было еще несколько дней санныго пути. Добрались. Кругом горы, долина в обильном снегу, глушь, вековая дремь. Алей здесь стиснут крутыми увалами. У озера нашли искомое место. Работали споро. Вырыли трехсаженную ямудудку. Когда добрались до самого, как показалось, добротного минерала, отколунил Степан увесистый изжелта-зеленый кусок, протянул Волкову:

- Ты, Михайла, в столичных рудоведцах ходишь, не нам чета. Говори, гожд ли камень, что под ногами у нас? Не зря шли?

А тут и говорить нечего было. Михайла узнал ее, руду медную, по надежному признаку - зеленой гуре. Повертел кусок в руках и приместил, что руда действительно богатая да еще и с примесью какой-то, на серебро схожей. Улыбнулся:

- Гожа! Ох, гожая, друзяки! И шли не зря.

К весне - вот-вот половодье - вернулись в Томск. Предъявили руду в канцелярии томскому воеводе, иначе коменданту, Василию Козлову. И новую челобитную подали с описанием, где нашли, и с просьбой немедленно отправить добытое в Тобольск, а там и дальше - в Петербург, в Берг-коллегию. А лучше бы, дескать, свелел бы комендант их самих послать в столицу с той рудой... Козлов разгневался не на шутку, будто его собственной чести было нанесено оскорбление. На самом же деле он понял: прибылям его наступает конец. Он отлично знал те рудные места.

Оттуда, от местных приказчиков, старост и воевод, от приказных людей и даже крепких алтайских крестьян получал он немалую мзду лишь за то, что не пускал в те места государевых рудознатцев. И вот тебе на! Эти трое сумели обойти его, Козлова, и содять свое лихое дело. В беспамятстве он прогнал рудознатцев вон.

Отпела птичьим щебетом весна, отошло половодье, на Томи четче обозначились берега. Жили впроголодь, ютились на постоялом дворе, оставленные про запас деньжата таяли - что делать? Степану и Федору еще куда ни шло - местные ведь, сибиряки! - а ему каково, Михайле Волкову?

- Вы, ребята, как хотите, а мне жить скоро будет не на что. Пойду по Томи,

может найду что. Чем зря сидя сидеть. Тогда можно будет в Тобольск обратно податься.

Помолчали. Ехать по Томи - лишние расходы. Но и друга в беде оставлять немислимо.

Наняли лодку и гребца, подались вверх по Томи, против течения. За городом берега топкие, низменные. Затем пошли обрывы. На склонах круч - словно книга рисованная: сверху лента чернозема, под ней глины, затем лента песка, дикого камня - шифера, а потом и вовсе пояса темных, рыжих, коричневых, желтоватых и прочих оттенков. Тянутся извилисто, в иных местах вдруг круто уходят в воду, в неимоверную жуть - поди узнай, на сколько саженой сгигают те ленты в нутро земли.

В Верхо-Томском остроге (верст двести по реке выше Томска) пристали к крутой отвесной скале. Рядом, из распадка, вливалась в Томь бурная речка, тут же узнали - Чесноковкой зовется. На вершине скалы виднеется бревенчатый часток, за ним - серые кровли строений и затейливая лукавка церкви.

- Теперь, ребята, стон, - сказал Михаил. - Дальше - неши. Пусть гребец с лодкой остается, а мы - айда.

Взяли кайлина, веревки, лопату, поднялись в селенье помолиться богу и показаться волостному старосте, затем отправились гусяком по берегу Чесноковки к ее истоку. Тропка то вверх, то вниз. Лесная поросль. Кедровый бор. Михаила пристально смотрел на берег, приседал, заметив минерал или голыш. Справа в Чесноковку впадал ручей, на берегу все чаще попадались куски аспидного камня.

- Уголье, ребята. Тут недалеко должно быть его покоище. Вода его подмывает и осколки несет вниз по течению.

Пошли по ручью, вышли к жилию - две-три избышки да юрта, за ними снова широкий плес Томи, с обрывистого берега далеко видны заречные леса.

- Можно было гребца не оставлять, а на лодке сюда по Томи добраться, - задумчиво обронил Степан. - Околесили-то сколько.

- Конечно, можно, - согласился Михаил. - Да ведь как ничего и не увидели бы. Рудознатцу, ребята, семь раз окоlescить и только раз найти. В том наука.

Из юрты вышел человек, по раскосым глазам признали - татарин.

- Эй, деревенька-то как кличется? - шумнул Михаил, подходя к нему. - Да ты нас не бойся, мы - с миром.

- Я и не боюсь, - ответил тот. - А деревеньку мы зовем Ким-рва.

- Про что он лопочет? Что значит ким-рва?

- По-ихнему, - сказал Федор, морща лоб, - по-татарски, значит, «горелая гора» (С точки зрения топонимики, подобное толкование происхождения названия сначала деревеньки, а затем и города Кемерово наиболее вероятное).

- Горелая?

- Да. Тут она, должно быть, и есть, на берегу. Вот тропка.

Направились вниз, по реке. Татарин подался было им вслед, что-то закричал, замахал руками. На крик вышли из ветхих избенок мужики, урюмо поглядели в их сторону, перекрестились с сожалением и страхом.

Вызывала та гора у тамошних жителей суеверные чувства. Много лет подряд горела тут сама земля. Несло по окрестностям вонючий смрад. Бежали ночами по склонам огненные струйки. Кочующие и оседлые татары говорили, что это разгневался некогда на людей всемогущий шайтан; русские мужики связывали этот огонь с проделками нечистой силы. Но вот за несколько лет до описываемых событий гора вдруг перестала пылать, отгорела, погасла (Именно по

этой причине «горелую гору» не заметили ни Мессершмидт со Стралленбергом в 1721 году, ни Гмелин с Миллером в 1734-м, ни Фальк в 1771-м, проплывавшие мимо нее по Томи. Они видели и картинно описали только «огнедышащую гору», пылавшую огнем в районе Кузнецка, за триста верст от «горелой горы» Михаила (Волкова), улетучился смрад, но подходить к ней по-прежнему боялись. И только эти трое рискнули подойти - что ж, пусть их накажет дьявол...

Тропа неожиданно исчезла. По откосу спустились к воде, осмотрелись. Почти на треть гора была сожжена, превратилась в багрово-оранжевую. Казалось, что порола, камни и огненно-рыжая осыпь у самой воды все еще накалены. Михаила притронулся к одному такому камню - нет, оранжевый осколок был холоден. Поднял глаза. Вверху, за четко отмеченной огнем чертой, тянулся кустарник. Ближние кусты обожжены, на них мертво висят свернувшиеся листья, далее, к вершине, зелень все сочнее и сочнее.

Набрался смелости, взмошел - будь что будет! - на багровый бок горы. Ткнул лопатой - из глубины угрожающе отозвалась пустота. Степан с Федором ожидали внизу, у самой воды. Взглянул на них, потом снова посмотрел вверх. И тут заметил на отвесе пеньельно-серую полосу. Вскрабкаясь к той полосе и стал неистово грести лопатой, потом тукать кайлом. Вскоре достал из ямы аспидные комья. Нагреб в суму, спустился к Федору и Степану.

- Уголье, ребята! Земляное!

Те переглянулись: сроду о таком не думали. Михаила пояснил:

- Это, други мои, дорогой минерал. Приходилось видеть в столице, как жгут его в горах. Только не наше уголье жгут - привозное, иноземное. И платят за него много, ох, много, друзьяки!

- Зачем же платят, коль его тут?.. Ответа не было.

Ночевали. Долго не могли заснуть. Чудилось разное. С рассветом Федор отправился за гребцом в Верхо-Томский острог - верст семь. Михаила и Степан полезли на «горелую гору» копать, чтобы добраться до самого отменного минерала - для пробы...

В Томске, когда Михаила показал Козлову аспидные куски, комендант вновь раскричался, в гнев грозился запереть рудознатцев в холодный подклет, сгноить и забыть. На комья земляного уголья и бровью не повел, будто и вовсе их не было.

И тогда Михаилу окончательно охватило отчаяние.

Наутро, одержимые неким пришедшим за ночь решением, пришли они на городское торжище. Когда народу собралось изрядно - торговцы, крестьяне, солдаты, разный толкучий люд, Михаила взобрался на пустую бочку под позорным столбом, крикнул страшные слова: - Слушайте все! Мы, вот я, да Степан, да Федор, объявляем за собою «слово и дело государево»! Вяжите нас, ведите куда следует - за нами «слово и дело государево».

И протянул первому бросившемуся к нему солдату руки - вязать. Теперь перед Василием Козловым стояли связанные не просто рудознатцы, государевы люди. Они провозгласили в толкучем месте грозные слова, и он обязан был, не тронув их, препроводить в Тобольск, а затем - дальше, в Москву и даже в Санкт-Петербург. Василий Козлов понял, что пропал, и пошел на хитрость. Он велел тут же отправить тех двоих - Костылева и Комарова - в Тобольск, Волкову же сказал:

- А тебя, касатик, не отпускаю, поскольку не верю этим, - кивнул за окошко, где во дворе у простых телег собирались в долгий путь Степан с Федором. - Те - местные людишки, в науке рудоведческой могут и ошибиться. А ты рудознатец

столичный, ты мне докажешь истинно, есть ли в наших краях руда или нетути ее. Вот сошлюсь с вице-губернатором его превосходительством Александром Кузьмичом Петровым-Соловым - небось слышал про такого? - и пошлю тебя к рудным местам с нашим умельцем - есть и у нас не хуже тебя, а ты посидишь пока у меня смиренненько. Заодно и поостынешь маленько...

Смертная угроза слышалась в словах коменданта. И сомнение взяло Михаилу - в самом ли деле руда голая, ведь она с примесью? Да нет же, ошибки быть не может: голая. И уголье отменное. Но комендант настаивает на своем. Что ж, он поедет снова. Поедет и докажет Козлову, какая это руда, а потом и за уголье примется. - И тогда казна заплатит мне за находку? Ибо пропадая безденежно голодной смертью. Им тоже, друзьякам моим. - Ты о тех меньше заботься. Подумай прежде о себе. Тебя покамест кормить буду. А там, гляди, и плату получишь. Ежели заработаешь, конечно.

До зимы держали Михаилу в Томске. Зимой же прибыл в Томск обещанный Козловым местный умелец. Прибыл он с Урала, с Каменского государственного завода (ныне город Каменск-Уральский Свердловской области), и назвался Федором Инютиным. Это действительно был славный умелец - Михаила слышал о нем - и пришлось, когда познакомились, Михаилу по душе. Человек этот был скуп на слово, тих и благообразен.

- Проверь сани, голубь, - обронил он как-то Михаилу. - Посдем на Алсей-речку сызнова...

Те же места, где были вместе со Степаном и Федором. Встречался Инютин с теми же людьми, но видел Михаила - были те люди теперь ласковей, говорливей с рудознатцами. У того же приказчика Коркинской слободы Константина Захарова прожили чуть ли не месяц. В сладости прожили и сытости. К рудному месту Федор Инютин как будто остыл, в разговорах поминал его редко. Михаила вежливо напомнил, Инютин промолчал, подождал день-другой, наконец посхали.

Больших трудов набрать руды на известном месторождении не представляло. Вскоре вернулись в Томск. Тут и комендант Козлов стал поприветливей, не кричал больше на Михаилу, не грозился - напротив, распорядился выдать Михаилу жалованье - хлебом, мукою и деньгами. И даже - как в насмешку - стал называть Михаилу «казачьим сыном» и повелел всем иным людям в приказной палате называть и «писать его в бумагах» тем же прозвищем. Михаилу сказал, что делает это с ведома вице-губернатора Петрово-Солового.

Догадывался Михаил: обжигоривают его. А может, не только его? - поди узнай. Здесь на тысячи верст кругом один хозяин, Василий Козлов. И, чувствуется, сам вице-губернатор с ним заодно. И этот - Федор Инютин - тоже. «Что ж, - подумал Михаил, - плетью обуха не перешибешь - иной инструмент для этого нужен, а его покамест нету». Решил покориться. И деньги, и хлебное жалованье, и новое, пусть шутейное, прозвище «сына казачьего» - все с руки человеку подневольному. Надежно припрятал Михаила часть заработка, помня ежечасно: дома из каждого угла глядят пустыми глазницами проклятая нужда. Жил в Томске на постоялом дворе будто бы вольно, однако чувствовал себя словно скованным по рукам и ногам. Дважды намекал Козлову о том, что пора бы, дескать, и домой возвратиться - помещица Фекла Селиванова может разгневаться, да комендант лишь посмеивался над его страхами.

Тем временем в далекой Москве крепко пытались доставленных туда по «слову и делу» Степана Костылева и Фе-

дора Комарова. Они стояли на своем, помня Михайлово: «Руда голая, ох, голая, друзьяки!» - и показывали в доказательство образцы той руды своим попытчикам. Судьи вертели в руках ту руду и так и сяк, призывали на помощь московских знающих пробиреров, верили и не верили. Иные из пробирных мастеров хвалили минерал, другие сомневались - уж больно необычной выглядела сибирская руда.

А она и не могла выглядеть иначе. Все трое, Степан Костылев, Федор Комаров и Михаил Волков, открыли знаменитое месторождение медно-серебряных колыванских руд, которое со временем (с 1726 года) приберет к рукам частный уральский горнопромышленник Демидов (кстати, выдаст ему это месторождение Ф. Инютин), а затем отнимет его у Демидова сама государыня-императрица Анна Иоанновна. Она так и напишет в инструкции Татищеву, который будет послан сю на Урал: «Ежели усмотрите, что заводы и рудные места Демидова, особенно колывано-воскресенские, где есть серебро, для пользы нашей надобно взять на нас, государыню-императрицу, то оные заводы и рудные места у него, Демидова, отнять». Руда и в самом деле была необычна, и ее в реестрах числили «рудой железной из Томского уезда заявителя Волкова».

Но это еще будет. А покамест шел к исходу 1719-й. В Петербурге уж два года велось тайное следствие по делу сибирского губернатора М. П. Гагарина. В конце концов вина его была доказана. На его место был назначен новый губернатор князь Алексей Михайлович Черкасский, «человек честный и неподкупный», как значилось в царских документах.

Алексей Михайлович в Сибирь не спешил. Он долго оформлял свой отъезд и только в марте 1720-го прибыл из Петербурга в Москву. Вслед за ним 4 апреля сюда же прибыл и первый управляющий казенными железными заводами на Урале и в Сибири, посланный туда Петром-1, капитан артиллерии Василий Никитич Татищев. К А. М. Черкасскому, как к новому губернатору, и обратились теперь московские судьи с «делом сибирских обывателей» Костылева и Комарова. А тот, в свою очередь, переотправил руды и рудознатцев к Татищеву.

С огромным желанием выполнить задание Петра-1 и искоренить зло счал на Урал Василий Никитич. Он вез туда лучших мастеров, каких только мог выхлопотать для себя с других заводов и мануфактур страны - царь приказал отпустить всех, кого потребует Татищев. В Сибирь сжали (назовем лишь несколько имен): Иван Патрушев, бергшрейбер с Олонца, мастер весьма опытный и талантливый - он отлично знал немецкий язык, ибо еще за два десятилетия до этого сздил в Саксонию учиться горному и счетному делу; Петр Клушин - этот был взят Татищевым в Москве на должность младшего подьячего и отдан в помощники Патрушеву; Иоганн-Фридрих Близер, берг-инженер, иноземец, работник толковый и добросовестный (за 500 рублей в год); толмак переводчик, давно приглашенный в Россию, Яган-Пауль Приффен, которого русские тотчас же обратили в Павла Бривцына. Вместе с ними, ближайшими своими помощниками, вез Василий Никитич на Урал и в Сибирь плавильщиков, рудных мастеров, горнорабочих, штейгс-ров и даже «для науки тому рудному делу артиллерийских школьников из цареворцев». Он и по пути следования - в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Вятке, Перми - продолжал вербовать и подбирать нужных умельцев из русских и нерусских жителей России, а также из плененных шведов.

В Москве перед ним и предстали Сте-

пан Костылев с Федором Комаровым. Они без утайки рассказали капитану всю правду о Василии Козлове, о своих мытарствах, о Михаиле Волкове и его каменисто-угольном из «горелой горы» и показали образцы руды, добытой в верховьях Алей, на Колывани. И руда и сообщение об угле Татищева заинтересовали. Руда тогда была испытана в пробырне Каппера Вейса, на берегу Москвы-реки, «ниже Спасских ворот, за караульней». В ней оказалось более 30 процентов (!) чистого металла. Какого? Ни Вейс, ни тем более сами рудознатецы покамест еще не догадывались. Но сердцем Василий Никитич почувствовал, что перед ним руда серебряная, по крайней мере, близкая к этому. Он потребовал от Костылева и Комарова, чтобы те написали подробное доношение, самолично отправил документ в Петербург в Берг-коллегия, попросив разрешения взять с собою на Урал и самих рудознатецев, не томить их без толку под караулом. Получив положительный ответ и благополучно прибыв на Урал в Кунгур (здесь было «заводов правление»), он тотчас вознамерился послать Костылева и Комарова снова на Алей, выдав им на дорогу по два рубля.

Но за несколько дней до их отправки Татищеву пришло письмо из Тобольска от вице-губернатора полковника А. К. Петрово-Солового. К письму были приложены два куска руды с пометой: «Из Томска» - без указания месторождения. И письмо и руда были доставлены капитану «с нарочным курьером, казачьим сыном Михайлой Волковым». Тепло встретились друзья - Михаила, Степан и Федор. Случилось это 11 октября 1720 года.

Привезенные образцы тут же были опробованы. Оказалось, что это не руда, а дресва - камни пустейшей породы, по цвету близкие к руде. Татищев догадался о подлоге, тут же расспросил Михайлу Волкова, не вдаваясь в розыск, о месте, где была руда обнаружена (это совпало с показаниями Костылева и Комарова), и о том, кто из местных мастеров-рудознатецев ездил на Алей вместе с Волковым второй раз. Тот назвал Федора Инютину с Каменского завода. Татищев написал письмо на имя А. М. Черкасского, в котором прямо предупредил князя о подлоге, и отправил его в Тобольск с тем же Михайлой Волковым.

Назад возвращался Михаил с тяжелыми предчувствиями: он понимал, что Татищев догадывается о неблагоприятной «деятельности» местного начальства, убеждался, что сам попал в такие тенета, выпростаться из которых чрезвычайно трудно, если и дальше поступать столь опрометчиво. Его душила бессильная ярость: он, подневольный человек, едва существует на белом свете, а местные старосты и восводы, малые и большие начальники люди творят что хотят. Выход был один: открыть всю правду князю Черкасскому. Весь поглощенный этими раздумьями, Михаил не заметил, как в Каменском заводе, где жил Инютин, пока отдыхали и кормили лошадей, один из солдат, сопровождавших его, «нарочного курьера», ненадолго отлучился...

По приезде в Тобольск Волков написал доношение на имя губернатора (канцелярия поместила его 17 февраля 1721 года). В этом документе, не назвав лишь имен восводы Козлова и вице-губернатора Петрово-Солового, ибо те нашли бы скорый способ избавиться от ненужного свидетеля, Михаил уличил рудного мастера Федора Инютину «в неприесте (утайке. - Л. Г.) в Томском уезде руд и о взятках его с жителей того уезда Чеужского острога». Инютин потребовал от жителей через приказчика Константина Захарова взятку 400 рублей, дабы только о рудах, имеющих в приапейских недрах, перед властями умолчать. Местные жи-

тели пошли на это, потому что «издавна выкапывали здесь серебряные самородки и сплавляли (плавляли) их у себя скрытно, делясь с властями, начиная с волостного старшины».

Налицо была повсеместная круговая порука, устоять перед которой, а тем более искоренить ее одиночке-рудознатецу было не по силам. Но она тормозила государственную политику Петра, и начать с ней борьбу, равно как и с частным уральским заводчиком Демидовым, реально выступившим против распространения казенных (государственных) заводов на Урале и в Сибири, суждено было В. Н. Татищеву. К описываемому времени он перенес свою канцелярию из Кунгура в Уктус и заложил город Екатеринбург (Уктус в наше время оказался в черте Свердловска). Узнав о том, что Михаила Волков объявил сибирскому губернатору всю правду, Федор Инютин бежал с Каменского завода в Невьянск, к Демидову, а оттуда, как писал Петру Татищев, «выдачи не бывает».

Тогда в Уктус привезли из Каменска жену Инютину, Мавру. Она показала следующее: «Слышала-де, что муж воротился из Томска (после поездки с Михайлой Волковым на Алей. - Л. Г.) богат и в Тобольске одаривал кого-то, что на расспросы ее, откуда взялись такие пожитки, муж ответил: занял-де в Тобольске у доброго человека денег ста два рубля и на те деньги торговал и получил-де прибыль вдвое». После этого ее пытали в застенке, под пыткой она сказала, что «солдат, везший доносителя (то есть рудознатца. - Л. Г.) Волкова, на обратном пути (от Татищева. - Л. Г.) заходил к нам в дом и мужу ее сказал якобы поклон от Волкова, прибавив, что тот готов донести на мужа». И добавила, что «муж ее очень дружен с крещеным шведом Захарием Аполовым и брал у него денег под заклад».

Спросили крепко шведа Аполова. Тот подтвердил сказанное Маврой и, в свою очередь, добавил, что Инютин доверял не только жене своей, но и подьячему Петру Клушину, помощнику Патрушева из канцелярии самого Татищева...

Несколько дней результаты дознания по делу Федора Инютину не показывали Василию Никитичу - боялись. Наконец показали. Поразмыслив, осторожный Татищев на первых порах не тронул ни Клушину, ни Козлова, ни тем более Петрово-Солового. Не тронул он и Михайлу Волкова, поняв, что тот прислужился местному восводу по принуждению. Больше того, к лету 1721 года он приказал Михаилу Волкову снова отправляться на Алей с обязательной зимовкой, дабы открытое месторождение обследовать досконально. А заодно доставить на пробу и камень-уголь с «горелой горы». С ним велено было ехать тем же Степану Костылеву и Федору Комарову, а также заводскому приказчику из Уктуса Никите Петрову и уже известному нам Ягану-Паулю Прифцену, то есть Павлу Бривцыну. Это уже была целая экспедиция. Она отправлялась из Уктуса тщательно подготовленной.

С огромным желанием собирався на Алей Михаил Волков в третий раз. Но... Стояло жаркое, засушливое лето - такого в Сибири не помнили, все было сожжено солнцем, обозленные толпы кочевников металась по степям в поисках корма для скота. В таких условиях ехать на Алей было рискованно. Решили отложить поездку. А чтобы не терять времени напрасну, Михаил еще раз съездил на свою «горелую гору» - от Томска до нее рукой подать - и привез оттуда свежего камень-уголя на пробу. После этого послал в Уктус за подписью своей, Костылева и Комарова такое доношение: «Не поехали с Бривцыным и Петровым, опасаясь орды колмыков, кочевавших по Алей; и

степи выгорели, корму мало, зимовать нельзя...»

Волков заявил: «по Томи, в семи верстах от Верхо-Томского острога, горелую гору от 20 сажень высоты...» Этим строчкам нет цены. Они прямо указывают, что первооткрывателем кузбасских углей является русский рудознатец Михаил Волков. В отправленном документе рудознатецы спрашивали Татищева, как им поступить дальше. Ждать ли будущего лета в Томске, чтобы потом отправиться на Алей, или вернуться в Уктус? Не знали они, что в Уктусе происходят такие события, которые непременно могут сказаться (и сказались) на их судьбах.

В декабре Татищев, оклеветанный заводчиком Демидовым, неожиданно был отозван в Москву. За него остались Иоганн Близер и Иван Патрушев. Они отозвали экспедицию из Томска.

Возвратившись 12 февраля 1722 года в Уктус, Михаил Волков предъявил свежие куски земляного угля со своей «горелой горы». Помня наставления Татищева, Патрушев и Близер отправили в столицу 7 мая 1722 года подробный, из 29 пунктов, отчет о работе в «Ресстр рудам». В ресстре значилось: «№ 1. Уголь каменный из Томска доносителя Михаила Волкова. № 2. Руда железная из Томского уезда - его же, Волкова...»

Пока этот документ шел в Петербург, а затем следовал с ответом Берг-коллегии обратно, всех членов экспедиции, возвратившихся из Томска в Уктус, приобщили к делам. Никита Петров и Павел Бривцын вернулись в свои канцелярии, Федор Комаров по неведомой причине был отправлен домой, в Белоярский острог, а Михайлу Волкова и Степана Костылева определили «до отвста Берг-коллегии к горной работе на Подволошный рудник... с жалованьем по рублю в месяц».

Это была жуткая яма, открытая два года назад. В ней добывали свинец. Она находилась в тридцати верстах от Уктуса, по правому берегу реки Чусовой, у деревни Подволошной (отсюда и название). В шахте глубиной до 20 сажень работали приписные крестьяне, гулящие люди, воры и каторжане.

Месяцы работы на руднике - что годы. Пока пришел долгожданный ответ, много сил оставил рудознатец в яме. «В том ресстре, - писала Берг-коллегия, - примера первого показан уголь каменный из Томска доносителя Михаила Волкова».

Об оном угле осведомить, невозможно ль оттуда (от «горелой горы») воляным путем к заводам или рудным каким промыслам возить, и о том рапортовать». Михайлу затребовали в Уктус, в контору «заводов правления», подробно расспрашивали, где находится та гора, способно ли в ней добывать каменное уголь и удобно ли возить его в Томск. К лету 1723 года, хорошо наградив, рудознатца снова направили в Томск осваивать «горелую гору».

На исходе был пятый год, как Волков покинул свою Рязанщину. За эти пять лет его не согнули ни хитрый умелец Федор Инютин, ни восвода Василий Козлов, ни вице-губернатор Петрово-Соловый.

Достала помещица Фекла Селиванова. В то время, когда рудознатец прибыл в Томск, чтобы затем отправиться в Верхо-Томский острог к своей «горелой горе», она подала в Берг-коллегию жалобу на своего пропавшего холона. Обеспокоенная не судьбой Михайлы, а тем, что за него его близкие перестали платить оброк - нечем было, помещица потребовала от высшего горного ведомства России вернуть ей ревизскую душу.

Мы теперь и Феклу-то эту знаем лишь потому, что имя ее словно незримой цепью приковано к имени выдающегося рудознатца. Тогда же она была полновластной владелицей Михайловой души. Поэтому ее жалоба рассматривалась на

официальном заседании Берг-коллегии под председательством вице-президента Алексея Зыбина.

26 мая 1724 года рядовой канцелярист записал: «Слушали доношение вдовы Федоровской жены Селиванова Феклы Петровой дочери...» Что здесь к чему? Кто же она, Селиванова или Федоровская? Этот документ заслуживает нашего внимания по одной очень важной причине: он дополняет и без того скудные данные о рудознатце.

В старину, оказывается, наши фамилии не произносились и не писались так, как мы пишем и произносим их сегодня. В них отмечалось прежде всего семейное положение человека, затем указывалась местность, откуда тот человек родом, и уж после всего писалось имя, отчество и фамилия. Так что Берг-коллегия слушала, говоря современным языком, «доношение вдовы-помещицы из села Федоровского Рязанской провинции Селивановой Феклы Петровны».

В «Большом всемирном настольном атласе Маркса» (СПб., 1905) на листе № 24 оно значится в 30—35 верстах южнее Рязани. Это и есть родина Михайлы Волкова.

Но для Берг-коллегии это был прежде всего холоп, а не выдающийся мастер. Она не колеблясь приняла сторону помещицы и вынесла по делу Михайлы Волкова жестокое определение: «Велеть ее, Селивановой, крестьянина Михайлу Волкова сыскать и взять у него подлинный, данный в Берг-коллегии указ и освидетельствовать, за чью крепкою (подписью) он выдан... Если же он, Волков, данного ему подлинного указа не предъявит, а подаст лишь копию с него, тогда велеть его, Волкова, для допроса прислать в Москву за караулом».

Можно не сомневаться, что с рудознатцем так и поступили. На том и кончилось с трудом прослеживаемая по архивным документам биография Михайлы Волкова, первостатейного рудознатца Петровской эпохи, открывателя Кузнецкого каменноугольного бассейна.

Для справки:

Именем М. Волкова названы улица, 2 переулка Рудничного района и одна из площадей г. Кемерово. В 1968 г. на площади имени М. Волкова в Кемерово открыт памятник первооткрывателю кузнецкого угля работы скульптора Г.Н. Баранова. В городе Березовском одна из улиц названа в честь М. Волкова и в 2006 г. открыт памятник Михайле Волкову (скульптор В.Г.Вавилин). Администрацией Кемеровской области в 2003 г. учреждена медаль «За служение Кузбассу» с позолоченным изображением памятника «Михайло Волков». Кемеровский городской Совет народных депутатов в 2004 г. утвердил эмблему города, положив в основу памятник Михайле Волкову. Свердловская киностудия выпустила художественный фильм о Михайле Волкове: «Тайна Золотой горы» в 1985 году режиссера Николая Гусарова.

Памятник Михайле Волкову бескорыстно подарил родному городу Георгий Баранов. Баранов узнал о М. Волкове в 1946 году, когда в Томске в университетской библиотеке прочитал статью профессора А. Зворыкина о Кузбассе и сразу же загорелся идеей вылепить рудознатца.

Татьяна ЭМИХ

Урок художественной штопки

Семейная хроника

Память рисует картинку: единственная комната в низкой избе, глубоко в центр выдается огромная печь с лежанкой наверху. Посреди комнаты под голой лампочкой стол, заваленный тряпками. Здесь же здоровые портновские ножницы, катушки ниток, различные иголки, среди них моя любимая «цыганская» с большим ушком. За столом сидит старуха и, чертыхаясь от того, что иголка так и норовит выскользнуть из искривленных пальцев, ставит заплатку на мои детские штаны. Я сижу рядом тоже с иголкой в руках. Изредка она покрикивает: «Татьяна, дай вот тот лоскут в клетку! Татьяна, подай нитки и лампочку перегоревшую, я её на окошко положила! Вот криворучка, ты как иголку держишь!» Мы с ней тёзки, я и моя бабушка.

Годы пролипли, пока я по скудным словам и случайным оговоркам родни, по шепоту в углах, по окрикам в спину смогла размотать спутанный клубок её простой и страшной судьбы. А тогда в детстве я только всему удивлялась. В пять лет у меня вдруг появилась бабушка. Именно, вдруг. Изначально считалось, что маминной мамы нет. Но однажды прозвучали слова: «Вот твоя бабушка». И перед глазами появилась грузная старуха с лицом Бабы Яги, в костлявых с распухшими суставами руках палка, совершенно седые реденькие волосы закрывал темный платок, на ногах вечные валенки, в распухшую и летом к ним прибавлялись галоши. Странно смотреть на неё, не то что подойти. Сообщение, что тебя назвали в честь этой кари, показалось злой и непонятной шуткой мамы.

Собственно, никто внуков к бабушке и не подгалкивал. Взрослые сами обходили её стороной, стараясь свести общение к минимуму. Сын-военный и три дочери, среди которых была моя мама Валентина, сбросились и купили внезапно появившейся в Алтайском крае старухе-матери маленький дом в деревне под Бийском. Привезли кое-какую утварь, закупили дрова и уголь, убедились, что документы в порядке и пенсия начислена. Начали навещать мать. Изредка. Хотя две старшие дочери жили в той же деревне, лишней раз проведать домик их не тянуло.

Понимание ситуации пришло к бабушке постепенно. Бабушка, оказывается, сидела в тюрьме! Подробности выживала из подслушанных разговоров взрослых. Первый раз Татьяну посадили еще до войны в 1938 году за то, что сделала и без того многодетной соседке аборт. Та, язык без костей, рассказала об этом мужу, который донес в милицию. В один момент семья деда, колхозного коноха Николая Юдина, осталась без хозяйки, которой дали шесть лет срока и отправили в Сыктывкар на строительство дороги. Глава семьи сперва заил, потом, куда деваться, занялся хозяйством и четырьмя детьми. Когда началась Великая Отечественная война, у него по малолетству детей была бронь, но как только старшей дочери исполнилось шестнадцать лет (всё, взрослая!), деда Николая отправили на фронт. В 1943 году он погиб на «невском пятчке» под Ленинградом.

Через полгода после похоронки Татьяна снова появилась в деревне. Выпустили её досрочно, но задержалась она в родных местах лишь на несколько месяцев. В колхозной кошаре, где работала, пропала овца. Дом Юдиных обыскали и в лопухах в конце огорода нашли кости и куски овечьей шерсти. Напрасно подозреваемая доказывала, что не такая дура, чтобы ворованное в дом тащить и даже не припрятать толком. Новый срок и отправка уже на военный завод в Челябинск. Ту овцу она до самой смерти будет помнить и говорить: «Много

грехов на мне, но этот - не мой!»

В 1946-м после Победы и амнистии Татьяна в очередной раз пришла в деревню. Дети выросли, а моя мама уже училась в городском педучилище. Однажды она присехала к старшей сестре погостить и увидела в углу седую старуху (37 лет всего было!). Мать и дочь не узнали друг друга. Пришлось старшей дочери знакомить их заново. Два тюремных срока не убили жажду жить, и жить хорошо! Татьяна затеяла новое дело: они будут со старшей дочерью изготавливать дефицитное тогда мыло и продавать на базаре.

Через год «коммерсанток» осудили за спекуляцию. Тетка по молодости отделалась условным сроком, а бабушку как рецидивистку отправили на Колыму. Там, сначала в лагерях, потом на поселении и уже просто из-за невозможности выехать она прожила 25 лет. На родину бабушка Таня вернулась лишь незадолго до смерти.

В деревне её не любили. На улице отворачивались и шептались, ребятки дразнились, взрослые дети старались липнуть раз в дом не заходить. Однако моей маме, к тому времени городской учительнице, волей-неволей приходилось к матери притыкаться. Я, Татьяна младшая, была болезненным «недетским» ребенком. Дома возиться было некому, потому большую часть времени я проводила у Татьяны старшей. Помню, как тётки шипели на маму, упрямая в том, что она не думает о дурном влиянии «уголовницы» на ребёнка. Однако вечно сопливую племянницу привечать в собственном доме никому не хотелось, и всё оставалось по-прежнему.

Привыкнув к страшным пятнам обмороженной кожи на лице, к скрюченным рукам и хриплому голосу, я обнаружила, что с бабушкой жить интересно. Шить она не умела, портновское искусство безграмотной деревенской женщине не давалось, а вот штопать она любила и умела великолепно. Этим пользовались и тетки, и соседи. На столе лежали кучи изодранных детских штанов, кофточек и носков. Безобразные дыры и потертости зашивались так, что потом трудно, а часто и невозможно было обнаружить, где же спрятались штопка. Учила этому делу она и меня, правда, я наловчилась уроки переводить на рассказы о старой жизни и песни.

Песни в домике моего детства были особенные, тюремные, но не те воровские, которые сейчас расхлебанным голосом с подвыванием поют по кабакам или слушают на старых магнитофонных лентах. Бабушка пела старые «ссылочные» и «каторжанские» песни: «По диким степям Забайкалья», «Безжал бродяга с Сахалина», «Священный Байкал», «Слышен звон кандалный» и другие. Там было и про злых часовых, и про впающую грудь невинного парнишки, и про солнце в клеточку. Особенно мне нравилась песня «Сиж за решеткой в темнице сырой», которую низким хриплым голосом очень проникновенно исполняла моя бабуля. Её обычно заканчивались наши посиделки у стола с шитьем. Тогда я искренне считала, что всё исполняемое - это сочинения самих заключенных. Помню, я испытала настоящее потрясение, когда в пятом классе в учебнике литературы обнаружила бабушкину песню под названием «Узник», указывался и автор - Александр Пушкин. Уверена, что бабушка моя и не подозревала, что ею выстраданные слова принадлежат великому поэту.

Наши «штопальные» посиделки нечасто, но и не раз проходили в расширенном составе. Людей, которые заходили к нам всегда в темноте, бабушка называла распространённым в деревне, а потому не подозрительным словом - «кумовья». Потом уж я сообразила,

что этих 5-6 человек объединяло общее тюремное прошлое. Бог знает, по каким обвинениям их когда-то отправили в лагеря. В деревне же они были старыми больными людьми, в одиночку или в окружении родни доживавшими свою жизнь. В наш домик они приходили, как сейчас говорят, «общаться», то есть вспомнить прошлое и конечно, выпить под немудреную закуску. Бабушка моя среди них была единственной женщиной, да еще с тремя «ходками» и пользовалась авторитетом. Не помню, чтобы во время таких посиделок были драки и скандалы. Однако тетки мои не раз врывались в разгар беседы и чуть ли не силой выгоняли «уголовную шпунеру». Приходил и деревенский участковый, который не ругался, зато устраивал обыск и «проводил беседу». На педсело-другую визиты гостей прекращались, а потом в окно снова робко стучались, и с какой-нибудь рваной рубашкой (для оправдания своего появления) входил привычный гость.

Случаев из тюремного прошлого было не счесть, но я, разумеется, внимательно всех слушала бабушку, тем более что у неё был «коронный» номер, который частенько просили повторить гости. Случай этот произошел уже в третью её «отсылку» в одном из колымских лагерей для женщин. Штопать вещи она и тогда умела замечательно, и через какое-то время после прибытия в лагерь это её умение стало всем известно. Бабушку перестали гонять на физические работы, а засадили за починку одежды не только зэчек, но и самого лагерного начальства (тогда охранники зачастую богатством похвастаться не могли). У нескольких человек, в том числе и у начальника лагеря были семьи, которые жили в Магадане. Бабушка утверждала, что ей специально несколько раз даже привозили в починку дамское белье, неведомые хозяйки которого оставались ремонтом довольны. Высшим признанием своего мастерства бабушка считала то, что когда охране приходила охота избить женщин-заключенных, все помнили, что по рукам её бить было нельзя.

Еще-то в 1951 году по колымским лагерям ездила с инспекцией большая комиссия, которую встречали с большой помпой. У начальника лагеря был новенький, но единственный мундир, надевал он его редко, все больше ходил в старом френче. За несколько дней до приезда комиссии началька отсчитал свой день рождения и по этому случаю был в мундире. После ему, пьяному, почему-то вздумалось прогуляться по лагерю и подразнить злобного сторожевого пса. Пёс не стерпел, сорвался с цепи и сильно потрепал обидчика за правый бок. Кобеля потом пристрелили, но вся правая сторона форменной одежды была превращена в лохмотья.

- Вызвал меня к себе и сказал: «Сделай так, чтобы и следов не видно было, иначе...» И мундир мне сует в руки. Ох, и пришлось же повозиться», - рассказывала бабушка. Перво-наперво мундир надели на чучело и ваты и тряпок. Целый день она только и делала, что сшивала-склеивала клочки друг к другу и к подложенному с изнанки материалу. Клеила, кстати, рыбьим клеем. На следующий день выдерганными из незаметных мест мундира «родными» нитками стала клочить сшивать по настоящему. «Начальник забегит, начнет вокруг нервно бегать, а я и голову к нему не поворачиваю! Мол, не мешай, никогда мне. Он и уйдет тихонечко», - смеялась бабушка.

Аккуратная штопка продолжалась полных двое суток. Сейчас и представить невозможно, как же удалось спать между собой равные полосы, что места разрывов даже не были видны. Вот только в стиге рукава получилась складка. Но выход из положения был най-

ден. Рука у начальника после собачьих клыков сильно болела. Решили, что он будет держать её на перевязи, а комиссия скажет, что разболелись старые раны. Опять же двигаться в склеенном мундире налобно было очень осторожно, и больная рука будет оправдывать медлительность движений.

- Комиссию-то я видела, как по территории ходили, как началька перед ними форс держал, - рассказывала бабка. От выпитого она раскраснелась, обмороженные пятна налились багровым, смотреть на неё было страшно. - Потом они подпили хорошо, и начальник степенно их в машину усадил и в Магадан отправил. А как уехали, так он на радостях с охраной начал в футбол гонять прямо в мундире. За час моя работа опять в лохмотья превратилась.

По моему мнению, дальше было неинтересно, но гости ждали продолжения рассказа. На следующий день после приезда комиссии началька отдал ей клочки мундира, не все конечно, только рваную боковину. Сказал: «Найдешь куда приспособить». И бабка, не долго думая, стала ставить заплатки из мундира началька на штаны заключенных. В этом месте рассказа неизменно раздавался хохот. Бывших зэков безумно веселил тот факт, что на задницах заключенных красовались заплатки от мундира началька. «Ну, ты учудила! Вот дура!» - подраживали они бабушку. Она легко соглашалась: «А что, конечно, дура. Не сообразила». Что она не сообразила, я поняла годы спустя. Из-за этих заплаток, в которых усмотрели оскорбление и насмешку над лагерным начальством, бабушку держали в колонии дольше положенного срока.

Она и в Магадане на поселении подрабатывала штопкой. После зашивания дыр на штанах одного из таких же «поселенцев» вдруг получила предложение руки и сердца, а вместе с ним и первое «настоящее» украшение: на железной цепочке девять бусин из горного хрусталя. Сейчас на эти неровно сколотые грани, все в пузырьках и крапинках, модницы бы и не посмотрели, но тогда это был невообразимо шикарный свадебный подарок. С этими бусами она вернулась на родину после смерти второго мужа.

Штопать я так и не научилась. Сначала мала была, потом началась нитка, некогда было с иголками возиться. А вскоре бабушка Татьяна в жаркий июльский день умерла на собственном огороде. После столько лет на северах алтайский климат для неё оказался губительным. Забылись уроки штопки, забылось и бабушкино лицо. В альбомах нет ни одной её фотографии.

До войны в деревне некому фотографировать было, потом некогда, хотя в личных делах наверное были её фото в анфас и профиль... В старости она сама отказывалась фотографироваться, стеснялась лица, изуродованного морозом и непосильным трудом. Всё, что осталось в семье, - это старые побитые бусы да воспоминания. Были сомнения: а надо ли рассказывать эту историю, интересно ли будет, не покоробит ли кого. Может, кто и скажет, что не писать об этом надо, а стыдиться. Только не стыдно, нет.

Обидно, что так жизнь сложилась уродного человека. Да и не у него одного. Много их было таких...

Разработка данной публикации произведена на основе материала представленного в редакцию прокопчанином Эдуардом Робертовичем Вистерманом, который является автором и инициатором разработки «Народного проекта «Фёдор Михайлович Достоевский в Сибири – Навстречу любви!», координатором организационного комитета.

Федор Михайлович Достоевский: жизнь, творчество, любовь...

Основными целями проекта являются:

- Организация и установка памятников Ф.М. Достоевскому и его любви в городе Новокузнецке (возможно и в городе Прокопьевске).

- Организация и установка двенадцати памятных верстовых пирамид. Прежде всего, возле дома музея Ф.М. Достоевского в городе Новокузнецке; а также в населённых пунктах Кемеровской области: Бунгур, Калачёво, Карагайла, Бачаты; а так же в городах Семипалатинск, Змеиногорск, Барнаул, станция Новоялихинская, через которые проезжал Ф.М. Достоевский, следуя в город Кузнецк навстречу со своей любовью.

- Переиздание более солидным тиражом и распространение книги «Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского», автором которой является ново-

кузнецкий краевед, историк и исследователь Шадрин А.С.

Планируются и другие мероприятия, и добрые дела...

Безусловно, скептики и противники планируемого будут говорить, что пока ещё точно не доказано то, что именно этим маршрутом все три раза сездил Достоевский в Кузнецк, поскольку и в те времена были и иные пути, и дороги из Барнаула в Кузнецк. К примеру: через Бунгур и Томский завод; или через Кузнецово и Бийск...

Тем не менее, есть источники, к примеру: книга «Иртыш и Нева», автором которой является Павел Косенко, изданной в 1971 году, на 90-й странице которой сказано: «... Из Барнаула через станции Новоялихинскую, Бочатскую, Карайгалинскую Фёдор Михайлович помчался в Кузнецк...». Тот же самый

маршрут указывается и в книге «Достоевский в Сибири», автором которой является Н. Якунина, изданной Кемеровским книжным издательством в 1960 году.

Конечно, можно сказать и то, что любой приличный исследователь или писатель начав заниматься каким-то вопросом или какой-то темой, прежде всего — досконально исследует её. То есть изучает то, что наработано в этом вопросе предшественниками, поэтому одна и та же истинность или ошибка может «перетекать» из одной книги в другую.

Тем не менее, Ф.М. Достоевский в городе Кузнецке был и...как-то сюда добирался. Поэтому, пусть названный маршрут его приезда будет чисто символическим — маршрут нужно проложить: Великий писатель, вошедший в список

десяти самых выдающихся людей мира, живших во втором тысячелетии, заслуживает того, чтобы был изучен и отмечен каждый прожитый им день в отдельности. А уж двадцать два прожитых им дня и тем более... И тем более - в Кузнецке, на нашей Кузбасской земле...

Разработка названного проекта посвящена 190-летию со дня рождения Ф.М. Достоевского. Но, вероятнее всего, продлится и до двухсотлетнего юбилея писателя, поскольку: дело это не простое, дело это дорогое... Тем не менее проект имеет перспективы и думается, будет жить и развиваться...

Редакция альманаха солидарна с авторами проекта, членами оргкомитета проекта и желает им всяческих успехов, а данную публикацию рассматривает как свой вклад в пачатое поистине всенародное дело.

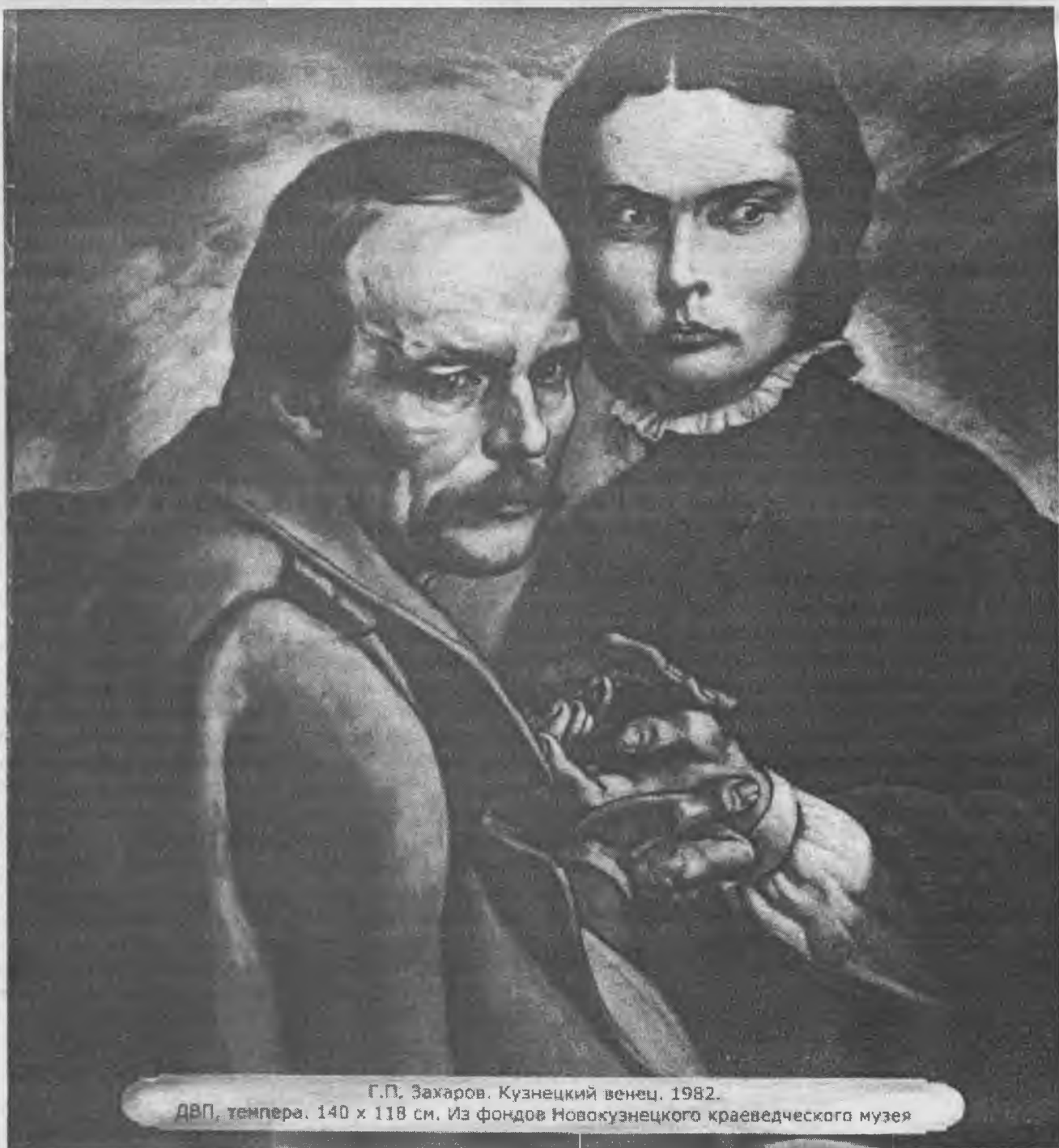
Добро пожаловать в историю Кузбасса!

Пришло время осознать, по-новому взглянуть на замечательный исторический факт пребывания Федора Михайловича Достоевского в Сибири и в Кузнецком крае в частности. Известно, что главной причиной посещения писателем Кузбасса стала любовь. Трижды в 1855-1857 годах он приезжал на встречу со своей любовью — Марией Дмитриевной Исаевой. 6 февраля 1857 года в Кузнецке она стала его женой. Подробно это счастливое событие отражено в книге краеведа и исследователя Альбины Степановны Шадринной «22 дня из жизни Ф.М. Достоевского». Каждый кузбассовец должен иметь возможность знать её и по праву гордиться своей причастностью к имени и судьбе великого писателя.

Федор Михайлович Достоевский (1821-1881) — русский писатель, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1877). Родился 30 октября (11 ноября) 1821 года, в Москве. Скончался 28 января (9 февраля) 1881 года, в Петербурге, похоронен в Александро-Невской лавре.

Федор Достоевский был вторым ребенком в большой семье (шестеро детей). Отец, сын священника, врач московской Мариинской больницы для бедных (где и родился будущий писатель), в 1828 году получил звание потомственного дворянина. Мать писателя — из купеческой семьи, женщина религиозная, ежегодно возила детей в Троице-Сергиеву лавру, учила их читать по книге «Сто четыре священные истории Ветхого и Нового Завета» (в романе «Братья Карамазовы» воспоминания об этой книге включены в рассказ старца Зосимы о своем детстве). В доме родителей читали вслух «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина, произведения Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. С особым воодушевлением Достоевский вспоминал в зрелые годы о знакомстве с Писанием: «Мы в семействе нашем знали Евангелие чуть не с детства». Ярким детским впечатлением писателя стала ветхозаветная «Книга Иова».

С 1832 года семья ежегодно проводила лето в купленном отцом селе Даровое (Тульской губернии). Встречи и разговоры с мужиками навсегда отложились в памяти Достоевского и служили в дальнейшем творческим материалом (рассказ «Мужик Ма-

Г.П. Захаров. Кузнецкий венец. 1982.
ДВП, темпера. 140 x 118 см. Из фондов Новокузнецкого краеведческого музея

рси» из «Дневника писателя» за 1876 год).

Начало учения

В 1832 года Федор Достоевский и его старший брат Михаил начали заниматься с приходившими в дом учителями, с 1833 года обучались в пансионе Н. И. Драшусова (Сушара), затем в пансионе Л. И. Чермака. Атмосфера учебных заведений и оторванность от семьи вызывали у Достоевского болезненную реакцию (автобиографические черты героя романа «Подросток», переживающего глубокие нравственные потрясения в «пансионе Тушара»). Вместе с тем годы учебы отмечены пробудившейся страстью к чтению. В 1837 году умерла мать писателя, и вскоре отец отвез Достоевского с братом Михаилом в Петербург для продолжения образования. Больной писатель не встретился с отцом, скончавшимся в 1839 году (по официальным сведениям, умер от апоплексического удара; по семейным преданиям, был убит крепостными). Отношение Достоевского к отцу, человеку мнительному и болезненно подозрительному, было двойственным.

В Инженерном училище (1838-1843 гг.)

С января 1838 года Федор Достоевский учился в Главном инженерном училище (впоследствии всегда считал, что выбор учебного заведения был ошибочным). Он страдал от военной атмосферы и муштры, от чуждых его интересам дисциплин и от одиночества. Как свидетельствовал его товарищ по училищу, художник К. А. Трутовский, Достоевский держался замкнуто, однако поражал товарищей начитанностью, вокруг него сложился литературный кружок. В училище оформились первые литературные замыслы будущего писателя. В 1841 году на вечере, устроенном братом Михаилом, Достоевский читал отрывки из своих драматических произведений, которые известны только по названиям — «Мария Стюарт» и «Борис Годунов», — рождающим ассоциации с именами Ф. Шиллера и А. С. Пушкина, по-видимому, самыми глубокими литературными увлечениями молодого Достоевского. Он зачитывался также Н.В. Гоголем, Э. Гофманом, Вальтером Скоттом, Жоржем Санд, В. Гюго. По окончании училища, прослужив меньше года в Петербургской инженерной команде, летом 1844 года Достоевский уволился с военной службы в чине поручика, решив полностью отдаться литературному творчеству.

Начало литературного труда

Среди литературных пристрастий Федора Достоевского той поры был Оноре де Бальзак: переводом его повести «Евгения Гранде» (1844 год, без указания имени переводчика) писатель вступил на литературное поприще. Одновременно Ф. Достоевский работал над переводом романов Эжена Сю и Жорж Санд (в печати не появились). Выбор произведений свидетельствовал о литературных вкусах начинающего писателя: ему не чужды были в те годы романтическая и сентименталистская стилистика, нравились драматичные коллизии, крупно выписанные характеры, остросюжетное повествование. В произведениях Жорж Санд, как вспоминал он в конце жизни, его «поразила... целомудренная, высочайшая чистота типов и идеалов, и скромная прелесть строгого сдержанного тона рассказа».

Триумфальный дебют

Зимой 1844 года Федор Достоевский задумал роман «Бедные люди», работу над которым он начал, по его словам,

«вдруг», неожиданно, но отдался ей безраздельно.

Еще в рукописи Д.В. Григорович, с которым он в то время делил квартиру, доставил роман Н.А. Некрасову, и они вместе, не отрываясь, ночь напролет читали «Бедных людей». Под утро они пришли к Достоевскому, чтобы выразить ему восхищение. Со словами «Новый Гоголь явился!» Некрасов передал рукопись В.Г. Белинскому, который сказал П.В. Анненкову: «... роман открывает такие тайны жизни и характеров на Руси, которые до него и не снились никому».

Реакция кружка Белинского на первое произведение Федора Достоевского стала одним из самых известных и имеющих продолжительный резонанс эпизодов в истории русской литературы: почти все участники, включая Достоевского, позднее возвращались к нему и в воспоминаниях, и в художественных произведениях, описывая его и в прямой, и в пародийной форме.

Роман был издан в 1846 году в «Петербургском сборнике» Некрасова, вызвав шумные споры. Рецензенты, хотя и отмечали отдельные просчеты писателя, почувствовали громадное дарование, а Белинский прямо предрекал Достоевскому великое будущее.

Первые критики справедливо заметили генетическую связь «Бедных людей» с гоголевской «Шинелью», имея в виду и образ главного героя полунищего чиновника Макара Девушкина, восхитивший

к героям Гоголя, и широкое воздействие гоголевской поэтики на Достоевского.

В изображении обитателей «петербургских углов», в портретировании целой галереи социальных типов Достоевский опирался на традиции натуральной школы (обличительный пафос), однако сам подчеркивал, что в романе сказалось и влияние пушкинского «Станционного смотрителя».

Тема «маленького человека» и его трагедии нашла у Достоевского новые повороты, позволяющие уже в первом романе обнаружить важнейшие черты творческой манеры писателя: сосредоточенность на внутреннем мире героя в сочетании с анализом его социальной судьбы, способность передавать неуловимые нюансы состояния действующих лиц, принцип исповедального самораскрытия характеров (не случайно избрана форма «романа в письмах»), система двойников, «сопутствующих» главным героям.

В литературном кругу

Войдя в кружок Белинского (где познакомился с И.С. Тургеневым, В.Ф. Одовским, И.И. Панаевым), позднее Достоевский, по его признанию, «страсно принял все учение» критика, включая его социалистические идеи. В конце 1845 года на вечере у Белинского он читал главы повести «Двойник» (1846 г.), в которой впервые дал глубокий анализ расколотого сознания, предвещающий

его великие романы. Повесть, сначала заинтересовавшая Белинского, в итоге его разочаровала, и вскоре наступило охлаждение в отношениях Достоевского с критиком, как и со всем его окружением, включая Некрасова и Тургенева, высмеивавших болезненную мнительность Достоевского. Угнетающе действовала на писателя необходимость соглашаться почти на любую литературную поленницу. Все это мучительно переживалось Достоевским. Он стал «страдать раздражением всей нервной системы», появились первые симптомы эпилепсии, мучившей его всю жизнь.

Достоевский и петрашевцы

В 1846 году Федор Достоевский сблизился с кружком братьев Бекетовых (среди участников — А. И. Плещеев, А. И. и В. Н. Майковы, Д. В. Григорович), в котором обсуждались не только литературные, но и социальные проблемы.

Весной 1847 года Достоевский начал посещать «пятницы» М.В. Петрашевского, зимой 1848-1849 годов — кружок поэта С. Ф. Дурова, состоявший также в основном из петрашевцев. На собраниях, носивших политический характер, затрагивались проблемы освобождения крестьян, реформы суда и цензуры, читались трактаты французских социалистов, статьи А.И. Герцена, запрещенные тогда письмо Белинского к Гоголю, вынаши-

вались планы распространения литографированной литературы.

В 1848 году Достоевский вошел в тайное общество, организованное наиболее радикальным петрашевцем Н.А. Спешневым (имевшим значительное влияние на Достоевского). Общество ставило своей целью «произвести переворот в России». Достоевский, в этом сомневался. По воспоминаниям А.П. Милюкова, он «читал социальных писателей, но относился к ним критически».

Под утро 23 апреля 1849 года в числе других петрашевцев писатель был арестован и заключен в Алексеевский равелин Петропавловской крепости.

Под следствием и на каторге

После 8 месяцев, проведенных в крепости, где Федор Достоевский держался мужественно (опубликовал рассказ «Маленький герой» в 1857 году), он был признан виновным «в умысле на ниспровержение... государственного порядка» и приговорен к расстрелу, замененному уже на эшафоте, после «ужасных, безмерно страшных минут ожидания смерти», четырьмя годами каторги с лишением «всех прав состояния» и последующей сдачей в солдаты.

Каторгу отбывал в Омской крепости, среди уголовных преступников («это было страдание невыразимое, — вспоминал он

позднее, — бесконечно... всякая минута тяготела как камень у меня на душе»). Пережитые душевные потрясения, тоска и одиночество, «суд над собой», «строгий пересмотр прежней жизни», сложная гамма чувств от отчаяния до веры в скорое осуществление высокого призвания, — весь этот душевный опыт острожных лет стал биографической основой «Записок из Мертвого дома» (1860–1862 гг.), трагической исповедальной книги, поразившей современников мужеством и силой духа писателя.

Отдельной темой «Записок» оказался глубокий сословный разрыв дворянина с простолюдином. Хотя Аполлон Григорьев преувеличивал в духе собственных убеждений, когда писал, что Достоевский «достиг страдательным психологическим процессом до того, что в «Мертвом доме» слился совсем с народом», однако шаг к такому сближению — через сознание общности судьбы — был сделан.

Сразу после освобождения Федор Достоевский писал брату о вынесенных из Сибири «народных типах», знании «черного, горемычного быта» и опыте, которого «на целые томы достанет».

В «Записках» отражен наметившийся на каторге переворот в сознании писателя, который он характеризовал позднее как «возврат к народному корню, к знанию русской души, к признанию духа народного». Достоевскому ясно предста-

вила утонченность революционных идей, с которыми он в дальнейшем остро полемизировал.

Встреча и потеря любви:

поездки в Кузнецк, женитьба и...похороны

С января 1854 года Федор Достоевский служил рядовым солдатом в городе Семипалатинске, который ныне располагается в восточной части независимого Казахстана (в то время территория Российской империи), в приграничной полосе с российским Алтайским краем (вблизи городов Змеиногорска и Рубцовска).

Так получилось, что до каторги Федору Достоевскому не довелось испытать чувства большой любви. Было у него тогда небольшое любовное увлечение к А.Я. Панасовой, но оно было кратким, безответным и «книжным». Поэтому свой запоздалый первый и сильный любовный роман он испытал в Сибири и именно в Семипалатинске. «Предметом» его восторженной любви оказалась замужняя женщина, имевшая к тому времени уже одного ребенка — Исаева Мария Дмитриевна. Которая по своему происхождению была орусевшей французской, в девичестве «носила» фамилию Констант. Родилась Мария Дмитриевна и выросла в городе Астрахань, где ее отец — Дмитрий Констант, работал директором Кантинного дома. В Астрахани она получи-

ла образование, в частном пансионе.

В Астрахани же Мария Дмитриевна вышла замуж за чиновника особых поручений начальника Астраханского таможенного округа — Исаева А.П., в 1847 году у них родился сын Павел. А в 1851 году Исаева А.П. перевели по службе на место чиновника особых поручений при начальнике Сибирского таможенного округа сначала в Петропавловск, а затем в Семипалатинск.

Мария Дмитриевна была «довольно красивая блондинка среднего роста, очень худощавая, по натуре страстная и экзальтированная. Она была начитана, довольно образована, любознательна, добра, жива и впечатлительна...»

Федор Достоевский, хотя и служил в Семипалатинске рядовым солдатом (можно сказать, исправляемым штрафником), тем не менее, прежняя писательская известность (да и бывшее офицерское звание и происхождение из дворянства), способствовали тому, что он имел некоторые послабления по службе, по сравнению с другими своими сослуживцами, солдатами. Поэтому имел возможность посещать местные литературные сообщества и другие места, где встречались люди по внутреннему своему содержанию близкие к его собственному. На одной из таких встреч он и познакомился с Марией Дмитриевной.

Между ними возникли отношения, близкие к любовным.

О том, какой увидел ее Достоевский, говорят строки из его письма своему другу Врангелю, от «14» июля 1856 года: «...Если б Вы знали, что это за ангел, друг мой! Вы никогда ее не знали; что-то каждую минуту вновь оригинальное, здравомыслящее, остроумное, но и парадоксальное, бесконечно доброе, истинно благородное — у нее сердце рыцарское: сгубит она себя. Не знает она себя, а я ее знаю!...»

В мае 1855 года мужа Марии Дмитриевны перевели на новое место службы в город Кузнецк, расположенный в пятистах верстах от города Семипалатинска. Отчего влюбленным казалось, что они разлучились навсегда.

Но так случилось, что через три месяца после приезда в город Кузнецк, в августе того же года, муж Марии Дмитриевны внезапно умер. Она осталась с малолетним сыном без средств, к существованию. Узнав об этом, Достоевский как мог начал помогать вдове.

В связи с чем, вскоре, почти инкогнито (рискуя всем и вся) он впервые съездил в город Кузнецк для встречи со своей возлюбленной, буквально на два дня.

После этой поездки он усиленно начал хлопотать о возвращении себе офицерского чина и звания, поскольку без этого условия женитьба его на Марии Дмитриевне не могла быть осуществлена.

В ноябре этого же года, став унтер-офицером, он уже легально вновь приехал к Марии Дмитриевне в Кузнецк, где пробыл пять дней: определился в вопросе бракосочетания, назначил день свадьбы.

В начале февраля 1857 года, он вновь (в третий раз) приехал в Кузнецк и пробыл на этот раз пятнадцать дней.

Венчание состоялось «6» февраля 1857 года в Кузнецке, в Одигитриевской церкви.

Молодожены были счастливы, ходили в гости к знакомым Марии Дмитриевны, гуляли по городу...

В обратный путь Федор Михайлович и Мария Дмитриевна Достоевские съездили вместе. По дороге в Семипалатинск останавливались в Барнауле у Семёнова-Тяньшанского, давнего товарища Федора Михайловича, известного русского путешественника и исследователя. В Семипалатинске Достоевские снимали домик из четырех комнат. Быт ссыльного писателя более-менее налаживался.

Повторно выйдя в отставку на армейской службе, он начал усиленно работать в

области литературы, готовился к возвращению в центральную часть России, поближе к столицам.

Вскоре ему разрешили поселиться в Твери, а затем и в Петербурге.

К этому времени здоровье Марии Дмитриевны начало резко ухудшаться, усилилась чахотка, которой она страдала на протяжении нескольких последних лет своей жизни. В связи с чем, Фёдор Михайлович перевёз её сначала во Владимир, а немногим позднее и в Москву. Сам поселился вместе с ней...

Мария Дмитриевна Достоевская умерла 15 апреля 1864 года, пробовав немногим более семи лет женой своего второго — великого мужа: «...Маша лежит на столе. Увижу ли с Машей?..» (рассуждая о жизни и смерти, смерти и бессмертии, одиночестве человека...), — записал тогда в своей рабочей тетради Фёдор Михайлович.

В литературе о Достоевском Ф.М. доминирует мнение, что брак Фёдора Михайловича и Марии Дмитриевны не был счастливым. Однако ж, сам Достоевский через год после смерти жены, в апреле 1865 года, вновь в письме своему другу Врангелю, напишет: «...О, друг мой, она любила меня беспредельно, я любил её тоже без меры, но мы не жили с ней счастливо... несмотря на то, что мы были с ней положительно несчастны вместе (по её страстному, мнительному и болезненно фантастическому характеру), — мы не могли перестать любить друг друга; даже чем несчастнее мы были, тем более привязывались друг к другу. Как ни странно это, а это было так.

Это была самая честнейшая, самая благороднейшая и великодушная женщина из всех, которых я знал во всю жизнь. Когда она умерла — я хоть и мучился, видя весь год как она умирает, хоть и ценил и мучительно чувствовал, что я хороню с нею, — но никак не мог вообразить, до какой степени стало больно и пусто в моей жизни, когда её засыпали землёю. И вот уж год, а чувство всё то же, не уменьшается...»

Штрихи внешности, характера и судьбы Марии Дмитриевны отразились в какой-то мере в образах Наташи Ихменевой («Униженные и оскорблённые»), Катерины Ивановны Мармеладовой («Преступление и наказание») и Катерины Ивановны Верховенской («Братья Карамазовы»).

Возвращение в литературу

С января 1854 года Фёдор Достоевский служил рядовым в Семилатинске, в 1855 году произведен в унтер-офицеры, в 1856 году в прапорщики. В следующем году ему было возвращено дворянство и право издаваться. Тогда же он женился на М.Д. Исаевой, принимавшей ещё до брака горячее участие в его судьбе.

В Сибири Достоевский написал повести «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели» (обе опубликованы в 1859 г.)

Центральный герой последней, Фома Фомич Опискин, ничтожный приживальщик с притязаниями тирана, лицедей, ханжа, маниакальный себялюб и утонченный садист, как психологический тип стал важным открытием, предвещавшим многих героев зрелого творчества Достоевского. В повестях намечены и основные черты знаменитых романов-трагедий Достоевского: театрализация действия, скандальное и, одновременно, трагическое развитие событий, усложненный психологический рисунок. Современники остались равнодушными к «Селу Степанчиково...», интерес к повести возник значительно позднее, когда Н. М. Михайловский в статье «Жестокый талант» дал глубокий анализ образа Опискина, тенденциозно отождествляя его, однако, с самим писателем. Много споров вокруг «Села Степанчиково...» связано с предположением Ю.Н. Тынянова о том, что в монологах Опискина пародиру-

ются «Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя. Идея Тынянова провозгласила исследователей на выявление объемного пласта литературного подтекста в повести, в т. ч. иллюзий, связанных с произведениями 1850-х гг., за которыми Достоевский жадно следил в Сибири.

Достоевский-журналист

В 1859 году Фёдор Достоевский выпел в отставку «по болезни» и получил разрешение жить в Твери. В конце года он пересехал в Петербург и совместно с братом Михаилом стал издавать журналы «Время», затем «Эпоха». Сочетая огромную редакторскую работу с авторской: писал публицистические и литературно-критические статьи, полемические заметки, художественные произведения. В это время им были написаны «Униженные и оскорблённые» (1861 г.) и «Записки из подполья» (1864 г.)

На страницах журнала «Время», стремясь укрепить его репутацию, Фёдор Достоевский печатал свой роман «Униженные и оскорблённые», само название которого воспринималось критикой 19 в. как символ всего творчества писателя и даже шире — как символ «истинно гуманистического» пафоса русской литературы. Насыщенный автобиографическими иллюзиями и обращенный к основным мотивам творчества 1840-х гг., роман написан уже в новой манере, близкой к поздним произведениям: в нем ослаблен социальный аспект трагедии «униженных» и углублен психологический анализ. Обилие мелодраматических эффектов и исключительных ситуаций, нагнетание таинственности, хаотичность композиции побуждали критиков разных поколений низко оценивать роман. Однако в следующих произведениях Достоевскому удалось те же черты поэтики поднять на трагедийную высоту: внешняя неудача подготовила взлеты ближайших лет, в частности, изданную вскоре в «Эпохе» повесть «Записки из подполья», которую В.В. Розанов считал «красотой камнем в литературной деятельности» Достоевского; исповедь подпольного паралокалиста, человека трагически разорванного сознания, его споры с воображаемым оппонентом, так же как и нравственная победа героини, противостоящей болезненному индивидуализму «антигероя», — все это нашло развитие в последующих романах, лишь после появления которых повесть получила высокую оценку и глубокое истолкование в критике.

Семейные катастрофы и новая женитьба

В 1863 году Фёдор Достоевский совершил вторую поездку за границу, где познакомился с А.П. Сушовой (страстным увлечением писателя в 1860-е гг.); их сложные отношения, а также азартная игра в рулетку в Баден-Бадене дали материал для романа «Игрок» (1866г.).

В 1864 году умерла жена Достоевского, он тяжело пережил потерю. Вслед за ней внезапно скончался брат Михаил. Достоевский взял на себя все долги по изданию журнала «Эпоха», однако вскоре прекратил его издание из-за падения подписки и заключил невыгодный договор на издание своего собрания сочинений, обязавшись к определенному сроку написать новый роман.

Лето 1866 года провел в Москве и на подмосковной даче, все это время работая над романом «Преступление и наказание», предназначенным для журнала «Русский вестник» М.Н. Каткова (в дальнейшем все наиболее значительные его романы печатались в этом журнале). Параллельно Фёдору Достоевскому пришлось работать над вторым романом («Игрок»), который он диктовал стенографистке А.Г. Сниткиной, которая не просто помогала

писателю, но и психологически поддерживала его в сложной ситуации. После окончания романа (зима 1867) Достоевский на ней женился и, по воспоминаниям Н.Н. Страхова, «новая женитьба скоро доставила ему в полной мере то семейное счастье, которого он так желал».

«Преступление и наказание» (1865-66)

Круг основных идей романа писатель вынашивал долгое время, возможно, в самом туманном виде, — еще с каторги. Работа над ним шла с увлечением и душевным подъемом, несмотря на материальную нужду. Генетически связанный с неосуществленным замыслом «Пьяненькие», новый роман Достоевского подводил итог творчеству 1840-50-х гг., продолжая центральные темы тех лет. Социальные мотивы получили в нем углубленное философское звучание, неотделимое от нравственной драмы Раскольникова, «убийцы-теоретика», современного Наполеона, который, по словам писателя, «кончат тем, что принужден сам на себя донести... чтобы хотя погибнуть и в каторге, но примкнуть опять к людям...».

Крах индивидуалистической идеи Раскольникова, его попытки стать «владельцем судьбы», подняться над «тварью дрожащей» и одновременно ослепить человечество, спасти обездоленных — философский ответ Достоевского на революционные настроения 1860-х гг. Сделав «убийцу и блудницу» главными героями романа и вынеся внутреннюю драму Раскольникова на улицы Петербурга, Достоевский поместил обыденную жизнь в обстановку символических совпадений, надрывных исповедей и мучительных сновидений, напряженных философских диспутов-дуэлей, превращая нарисованный с топографической точностью Петербург в символический образ призрачного города. Обилие персонажей, система героев-двойников, широкий охват событий, чередование гротесковых сцен с трагическими, парадоксалистски заостренная постановка моральных проблем, поглощенность героев идеей, обилие «голосов» (различных точек зрения, скрепленных единством авторской позиции) — все эти особенности романа, традиционно считающегося лучшим произведением Достоевского, стали основными чертами поэтики зрелого писателя. Хотя радикальная критика истолковала «Преступление и наказание» как произведение тенденциозное, роман имел огромный успех.

Мир великих романов

В 1867-68 гг. написан роман «Идиот», задачу которого Фёдор Достоевский видел в «изображении положительно прекрасного человека». Идеальный герой князь Мышкин, «Князь-Христос», «пастырь-добрый», олицетворяющий собой прощение и милосердие, с его теорией «практического христианства», не выдерживает столкновения с ненавистью, злобой, грехом и погружается в безумие. Его гибель — приговор миру. Однако, по замечанию Достоевского, «где только он ни прикоснулся — везде он оставил неисследимую черту».

Следующий роман «Бесы» (1871-72) создан под впечатлением от террористической деятельности С.Г. Нечаева и организованного им тайного общества «Народная расправа», но идеологическое пространство романа много шире: Фёдор Достоевский осмысливал и декабристов, и П. Я. Чаадаева, и либеральное движение 1840-х гг., и шестидесятничество, интерпретируя революционное «бесовство» в философско-психологическом ключе и вступая с ним в спор самой художественной тканью романа — развитием сюжета как череды катастроф, трагическим движением судеб героев, апокалипсическим отсветом, «брошенным» на события.

Современники прочитали «Бесов» как рядовой антиинициалистический роман, пройдя мимо его пророческой глубины и трагедийного смысла.

В 1875 издан роман «Подросток», написанный в форме исповеди юноши, сознание которого формируется в «безобразном» мире, в обстановке «всобщего разложения» и «случайного семейства». Тема распада семейных связей нашла продолжение в итоговом романе Достоевского — «Братья Карамазовы» (1879-80 гг.), задуманном как изображение «нашей интеллигентской России» и вместе с тем как роман-житие главного героя Алёши Карамазова.

Проблема «отцов и детей» («детская» тема получила обостренно-трагедийное и вместе с тем оптимистическое звучание в романе, особенно в книге «Мальчики»), а также конфликт бунтарского безбожия и веры, проходящей через «горнило сомнений», достигли здесь апогея и предопределили центральную антитезу романа: противопоставление гармонии всеобщего братства, основанного на взаимной любви (старец Зосима, Алёша, мальчики), мучительному безверию, сомнениям в Боге и «мире Божьем» (эти мотивы достигают кульминации в «поэме» Ивана Карамазова о Великом инквизиторе). Романы зрелого Достоевского — это целое мироздание, пронизанное катастрофическим мироощущением его творца. Обитатели этого мира, люди расколотого сознания, теоретики, «придавленные» идеей и оторванные от «почвы», при всей их неотделимости от российского пространства, с течением времени, в особенности в 20 веке, стали восприниматься как символы кризисного состояния мировой цивилизации.

«Дневник писателя». Конец пути

В 1873 году Фёдор Достоевский начал редактировать газету-журнал «Гражданин», где не ограничился редакторской работой, решив издавать собственные публицистические, мемуарные, литературно-критические очерки, фельетоны, рассказы. Эта пестрота «искупалась» единством интонации и взглядов автора, ведущего постоянный диалог с читателем. Так начал создаваться «Дневник писателя», которому Достоевский посвятил в последние годы много сил, превратив его в отчет о впечатлениях от важнейших явлений общественной и политической жизни и изложив на его страницах свои политические, религиозные, эстетические убеждения. В 1874 году он отказался от редактирования журнала из-за столкновений с издателем и ухудшения здоровья (летом 1874, затем в 1875, 1876 и 1879 годов он ездил лечиться в Эмс), а в конце 1875 года возобновил работу над «Дневником», имевшим огромный успех и побудившим многих людей вступить в переписку с его автором (всё «Дневник» с перерывами до конца жизни).

В обществе Фёдор Достоевский приобрел высокий нравственный авторитет, воспринимался как проповедник и учитель. Апогеем его прижизненной славы стала речь на заключительном заседании Пушкинских дней в Москве (1880 год), где он говорил о «всечеловечности» как высшем выражении русского идеала, о «русском скитальце», которому необходимо «всемирное счастье». Эта речь, вызвавшая огромный общественный резонанс, оказалась завещанием Достоевского.

Полный творческих планов, собираясь писать вторую часть «Братьев Карамазовых» и издавать «Дневник писателя», в январе 1881 года Достоевский внезапно скончался.

Редакция АХЛБ благодарит коллектив литературно-мемориального музея Ф.М. Достоевского города Новокузнецка, авторов книг «Кузнецкая путеводительница» (коллектив музея), «Двадцать два дня из жизни Ф.М. Достоевского» (Шадрин А.С.).

Не обошла стороной беда, наши ряды. 4 мая на шестьдесят втором году жизни после тяжёлой и продолжительной болезни, ушла из жизни видная новокузнецкая писательница и прежде всего поэтесса Любовь Алексеевна Никонова, член Союза писателей России, автор почти двух десятков поэтических и прозаических сборников и книг.

Начиная с третьего выпуска «Усятской россыпи» Любовь Алексеевна активно сотрудничала с нашей редакцией: представляла как свои собственные материалы, так и своих учеников и питомцев (воспитанников руководимых ею литературных клубов «Гренада» и «Фесковские литераторы»), поддерживала своим добрым словом и советом все начинания редакции.

Светлая память о Никоновой Любви Алексеевне навсегда останется в памяти всех тех, кто хоть единожды соприкасался с ней в работе. Она всегда будет являться для нас эталоном порядочности, добродетельности и трудолюбия.

Любовь Алексеевна НИКОНОВА

Вот такой помнят ее те, кто работал с Любовью Алексеевной, кто учился у нее мастерству: тихая, скромная, улыбчивая и необыкновенно добрая.

Всегда с учениками, всегда готова помочь начинающим авторам.

Вот как писали о ней коллеги-писатели Кузбасса: «Её поэтический голос был слышен далеко за пределами нашего Кузнецкого края. Её стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Москва», «Наш современник», «Роман-Газета», «Огни Кузбасса» и многих других.

Л. Никонова - автор более десяти поэтических сборников и книг прозы: «Скрипичный ключ», «Праземля», «Я живу под столетней ветлой», «Перед чудом жизни» и другие. Все её книги были всегда востребованы читателями, и каждая из них становилась событием.

Много душевных сил она отдала воспитанию подрастающего поколения, руководила литературными объединениями «Гренада», «Зёрнышки», «Фесковские литераторы».

Она была глубоко православным человеком, и эта вера охраняла всё её творчество».

Сухие строки биографии рассказывают о творческом пути поэтессы.

«Никонова Любовь Алексеевна (1951-2012), родилась 3 января 1951 года в селе Владимировка Куйбышевской области (ныне Самарская область). Окончила Новокузнецкий государственный педагогический институт. Почетный работник общего образования РФ с 2000 года.

Коллективные сборники:

«Дыхание земли родимой» (Кемерово), «Рабочая мелодия Кузбасса» (Кемерово, 1984). Член Союза писателей России.

Книги:

«Скрипичный ключ» Кемерово, 1974.
«Праземля» Кемерово, 1984.
«Я живу под столетней ветлой» Москва, 1988.
«Перед чудом жизни» Кемерово, 1990.
«Загадка спасения» Кемерово, 1993.
«Ветер Апокалипсиса» Новокузнецк, 1993.
«Живые источники» Новокузнецк, 1997.
«Чтоб воскреснуть на этом углу» Кемерово, 1997.
«Знаки внимания» Кемерово, 1998.
«Сокровенное царство» Кемерово, 1999.
«Лики любви» Новокузнецк, 2002.
«Похожи встречи на подарки» Кемерово, 2003.
«Разноцветные капельки солнца» Новокузнецк, 2004.
«Над звездами горящая звезда» Кемерово, 2006.
«Знакомый мир неузнаваемый» Кемерово, 2011.
«Под знаком праздника» Кемерово, 2011.

Сегодня мы предлагаем подборку стихов Любови Алексеевны из книги «Знакомый мир неузнаваемый» и ее публицистический материал, посвященный выставке «Евангелие - настольная книга Ф.М. Достоевского», прошедшей в литературно-историческом музее имени Федора Михайловича Достоевского в Новокузнецке.

«Евангелие - настольная книга Федора Михайловича Достоевского»

Отзыв о выставке

Выставка под таким названием прошла в этом году в литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского в Новокузнецке.

Она привлекла внимание всех читателей творчества Федора Михайловича Достоевского, внимание всех искателей ответов на загадки глубочайшего ума и мятущейся совести, подступающих в поисках Истины непосредственно к Богу.

«Главный вопрос - существование Божье», - считал Достоевский «на подступах» к «Идиоту».

И выставка позволяет проследить и представить всю логическую цепочку духовного пути Федора Михайловича Достоевского, «мученика религиозной идеи», который, как писал о нем философ и священник С.И. Булгаков, понимал, что только о Боге и Богом, «в конце концов, и нужно, и стоит мучиться» (С.И. Булгаков. Очерк о Ф.М. Достоевском. «Через четверть века», 1906. Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского, юбилейное (шестое) издание. Том первый).

Выставка «Евангелие - настольная книга Ф.М. Достоевского» открывает все этапы Богопознания и Богообщения, через которые прошел великий писатель-христианин. Пять инсталляций и некоторые отдельные экспонаты способствуют достижению цели создателей выставки.

Инсталляциям присуща необыкновенная сила выразительности, подкрепленная текстами из Достоевского: «Евангелие чуть ли не с первого детства»; «Рождество и Пасха на каторге»; «1864 и «Мертвый Христос»; «Мадонна

в облаках» и т.д.

Было время (предсказанное, кстати, самим Федором Михайловичем Достоевским в его «Пятикнижии», в «Дневнике писателя», в предположениях его героев о том, как будет развиваться христианская идея, как будет проходить православие через бедствия, и революции, и лжеучения, и через времена полного отрицания Христа, когда люди не будут даже иметь представления, Кто есть Христос).

И целые поколения русских людей вырастали без Евангелия, без Христа (Библия была совершенно не доступна), без понятий о церкви, Рождестве, Пасхе... но духовный христианский путь Федора Михайловича Достоевского, его колоссальный религиозный опыт и сами его книги восполняли пустоты и давали ответы на «вечные вопросы» жизни.

И потому каждый человек, «ищущий ответа», неизбежно прикасался к Достоевскому, ощущал в сознании излучения его пронизывающей мысли.

И сейчас все это тоже актуально. И тысячи обезбоженных в новых условиях сознания пытаются карабкаться «вверх по ведущей вниз лестнице».

Осмысление опыта Достоевского, приобщение к его высшему христианскому знанию, добытому в пекле войны добра и зла, постижение его умения служить Христу - это важнейшие приобретения, которыми может духовно обогатиться личность при знакомстве с выставкой «Евангелие - настольная книга Ф.М. Достоевского».

«Для его героев, - писал С.И. Булгаков, - важно не счастье, а спасение (очерк «Через четверть века»).

Его бледные, худые, больные Рас-

кольников и Соня, после своего объяснения на каторге - счастливы, так как спасены христианской любовью.

«Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Они оба были бледны и худы, но в этих больных бледных лицах уже сияла заря обновленного будущего, полного воскресения в новую жизнь. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники для сердца другого».

«Бог есть любовь». Спасение - это не удел только знатных или богатых, или имеющих перед обществом заслуги людей - спасение дается любому грешнику, любому несчастнейшему, униженному, оскорбленному, простейшему, бесправному существу, если оно покалось и приняло Христа.

Сам Христос, родившийся не в царских палатах, а в пещере пастухов, уже самым этим фактом говорит сокровенную истину:

«Приидите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я смирен и кроток сердцем, и найдете покой душам вашим. Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко».

Достоевский - величайший проводник и проповедник православия. Когда не было у нас Библии, и закрыт был доступ к святоотеческой литературе, мы все равно могли познавать Христа - через книги Достоевского. Для многих жаждущих истины людей книги Достоевского тоже становились настольными, как для него - Евангелие.

Любовь НИКОНОВА,
член Союза писателей России.

Любовь НИКОНОВА

СВЕТ НЕОТСТУПНЫЙ

В глубине сознания отмечено,
Как блистает неотступный свет
Там где утро мудренее вечера.
Это утро длится сотни лет.

Там загадка мира выясняется.
Солнцем порождается не зря,
Долго над землей распространяется
Алая духовная заря.

Вот в степи раскрылись колокольчики,
Жаворонок в небе зазвенел.
Солнечных лучей тугие кончики
Уподобились дождю летящих стрел.

Сердце в это время украшается
Цветом красным, синим,
золотым Чудо.
Чудо Божье совершается
Мир земной становится святым.
2009

ЦВЕТНЫЕ ВОЛНЫ ВДОХНОВЕНИЯ

Меня живо формы знания,
Листая лучших дней мгновения,
Прихлынут к берегу сознания
Цветные волны вдохновения.

Осмыслишь отраженья радуги,
Секреты красного, зеленого,
Явленья живоносной радости
И духа, всюду растворенного.

Постигнешь синее, лиловое...
И, красками обуреваемый,
Вдруг превратится в нечто новое
Знакомый мир неузнаваемый...
2009

РОДСТВЕННИК ТИГРОВЫХ БАБОЧЕК

Воображение умного ребенка
Нарисовало славного тигренка.
Тигренок был из поколений новых,
Считался родственником
бабочек тигровых.
Резвясь в объятьях мамы или папы,
Тигренок в ход пускал охотню лапы,
Но иногда таинственно грустил
И делался меланхолично мил,
Иль громко угрожающе рычал,
Иль слишком выразительно молчал...
2009

* * *

Смотри на жизнь теплой и проще
И с удивлением цени
Географические рощи,
Астрономические дни.

Мелькнет огонь в земных узорах
И отразится в тот же миг
В геометрических просторах
И на страницах умных книг.

И свине
Пас заставит плакать
В момент святого торжества
Сквозь генетическую память
Идущий образ Божества.

И двинется, слагаясь в строки,
На свет немеркнувший снега,
В биохимическом потоке
Незамутненная душа.
2003

* * *

Иней теплится бисерно,
Сахарно,
Мелко,
Умывается снегом
Красивая белка.
Оснеженная нищотка,
Девочка в шубке,
Свет январский присмлет
Душную голубки.
Ожиданья прозрачны.
Предчувствия сладки.
Любит нищотка думать
Про Божьи загадки,
Каждой клеточкой юною
Знает свою:
Кто-то видит ее
И любит ее сю.

Кто-то дал ей наряд
И в блистанье особом
Посетил этот лес
И прошел по сугробам,
И сказал: «Эта местность
Не будет унылой -
Я старался для маленькой
Девочки милой».
2003

* * *

Мне бы Вас забавлять жемчугами росинок,
Иль игрой золотых тростников,
Или тонким питьем ненаглядных травинков -
И не слышать ни дней, ни веков.

Мне бы с Вами сидеть
над наивным альбомом
Или просто молчать у огня -
И ничто никогда в этом мире огромном
Не могло бы расстроить меня.

Проходили б столетия или моменты,
Ну, а мы в неизменном раю
Не делили бы вечную жизнь на фрагменты,
Не боялись признаться: «Люблю!»

В немерцающем свете,
в содружестве лилий,
Растворяясь, как сахар в воде,
Мы бы жили без горьких страстей и усилий
И не знали о зле и вражде...

Вот приблизилась снова минута свиданья...
Мы одни на родном берегу...
Но от счастья я плачу слезами страданья
И блаженства вместить не могу.
2002

* * *

Будем молоды! Будем вдвоем!
Сердце сердцу ответить сумеет,
Мир пронизан прозрачным огнем,
В нем горящая жизнь пламеннеет.

Что творится в садах и дворцах!
Вижу блеск чьих-то символов кровных.
Это лебеди в брачных венцах,
Это лилии в царских коронах.

Не бояться стихий существа.
Их одежды — из радуг и молний.
Голоса их полны торжества
В общем строе природных симфоний.

Огневидные кубки с вином
Переносятся в царстве всемирном
Персонажами в чем-то цветном,
В чем-то газовом, легком, эфирном.

Это нам отдают небеса
Землю жизни, одетую светом.
И творятся для нас чудеса
В измереньи, любовью согретом.
2002

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КРАЙНЕГО

Поэма

1.
Я взрываюсь, как свора собачья
На охоте в полях неизмеренных.
Что мне крикнут мои собратья
Сквозь пространство туманов северных?

Я прошел уже эти курсы
Повышения квалификации:
На боках моих волчьих укусы,
Мысли — ниже канализации.

Я не вижу за пылью неба.
И уже не люблюсь полянками.
Боль растерзанности и ущерба
Успокоить нельзя валерьянками

Так откуда ж повеяло лаской
В душу, полную лая и горечи?
Кто коснулся светящейся краской
Черных дыр? Не ты ли уж, Господи?

Неужель к воспаленным коростам
Применил ты лечение мятное?
Жарким струпьям, страданиям острым
Исцеление дал непонятное:

В самом деле, почти просветленье:
Я скулю, как щенок провинившийся.
Усмирил ты мое иступленье,
Чем-то вычистил дух взбеленившийся.

Раны, черным подобные розам,
Перетянуты белой марлєю.
И уже не объят я психозом,
Не захвачен всеобщей травлєю.

Где собратья? Не слышно гончих.
Я отстал? Или слишком продвинулся?
Смысл событий еще не разборчив,
И судьба моя — тоньше папируса.

А повсюду — бурьян да репейник
И следов неизученных кружево.
Я свободен? Иль заново пленник? -
Нет ответа. Не обнаружено.

2.
Я избегаю сбившихся с пути,
Поскольку сам, конечно же, заблудший.
Мне трудно рядом с прочими идти -
Свой путь ценю, не лучший и не худший.

Везде — переплетение дорог:
Враги смешались с бывшими друзьями.
Я эту сволочь с маху бить бы мог,
Из грязи выходящую князьями.

Но кто решимость дерзкую смутил?
Кто положил ненужные запреты
И, вычислив параметры светил,
Противится движению кометы?

Приблизусь ли к запретному окну?
Пробьюсь ли к запредельному истоку?
Иль просто в небе над землей сверкну
От сбившихся с пути неподалеку?

3.
Я слушал мальчиков, прозрачных от тоски,
Застывших в декадансе без возврата.
Ребята, это ж просто пустяки!
Вы не о том здесь спорите, ребята!

Поймите, кто мы в мире, наконец!
Осмыслите, как выбор наш безбожен:
Кто хочет выжить, тот уже подлец;
Кто не подлец - для жизни безнадежен!

Что выразит ваш томный декаданс,
Когда судьба беспорна, словно выстрел!
И я сказал: «Не буду слушать вас!»
Плеснул в них водкой и красиво вышел...

4.
Этот город пронзительно черен,
Хоть порнухой раскрашен до пят.
Я брожу здесь, последний Печорин,
Напряженным презреньем объят.

Все ничтожные ценности мира
Мне открыты до дна, до конца:
Вот оно, почитанье кумира,
Танцы в честь золотого тельца!

Смерть голодным! А сытые - лживы.
И стоят на последнем краю
Девы ночи, за каплю наживы
Продающие душу свою.

Но уже «в переулках, в извивах»,
Где «па желтой заре - фонари»,
Засветились среди толп торопливых
Предстоящих времен бунтари.

Не поможет премудрый Конфуций.
Не сработает поздний Толстой.
И «терновый венец революций»
Ужасает своей красотой.

Я нелегким трудом добываю свой хлеб,
Посыпаю его серой солью.
Окружает меня дикой улицы рэп,
Крик, усиленный дракой и болью.

Здесь эстетских сословий не видно следа.
И пронзительно узок и жуток,
Ощущеньем тревоги наполнен всегда
Между мной и людьми промежуток.

Но неважно, неважно... как есть, так и есть.
Я душою кривить не умею.
Для меня предпочтительней грубость,
чем лесть.
И в трущобах я видывал фею.

Я ходил по светящимся женским следам
Там, где люди, как звери, угрюмы,
Где нельзя подступиться к ручьям и садам
И в сердцах разрослись Каракумы...

Но она пригляделась... Нахлынула тень.
И услышал я, горечью мучась:
«Ты и впрямь примитивен,
несчастный малыш.
Ты вполне заслужил свою участь!»

И ушла. Только ветер слегка покружил.
Я ж кричал среди старых хрущевок:
«Повтори-ка еще! Что я там заслужил?!»
Но мой голос был хрипл и неловок...

6.
Устав от зрелища порока,
От плясок куклы заводной,
Я, наконец-то, понял Блока
Среди черни этой площадной.
Сто лет, как «Страшный мир» написан.
Сто лет испытывал нас Бог:
И все же тьмы ужасных истин
Переменить никто не смог:
Все тот же запах «смятой розы»,
Все тот же нестерпимый грех,
И «пьяного поэта слезы»,
И «пьяной проститутки смех»...

7.
Распознал я притворных изгоев.
(Знают в лжи привлекательной толк!)...
Что мне лавры «последних героев»
И восторги глупеющих толп?!

Этой одуре шум несмолкаем.
Избегая искусственных драм,
Я б хотел стать Миклухо-Маклаем
И отчалить к другим берегам.

Пусть трясла б меня там малярия,
Но открылся бы мне наяву
Мир, свободный от мнимого мира,
Пропускающий свет сквозь листву...
2006-2007

Николай ПОДСЕВАЛОВ

ОЖИДАНИЕ

Сгорело осеннее солнце,
Сменили свой цвет небеса,
Сквозь битое жизнью оконце
Вновь видятся сына глаза.
Вновь морось в душе и в природе,
Смотрю на открытую дверь,
И тихо шепчу непогоде
О дерзких замашках потерь.
Тоскливое время настало —
Ждём снега и новых хлопот,
И время, с издёвкой, устало,
Уводит ещё один год.

В осиннике лист почерневший
Назойливо липнет к ногам;
Калинник, пока неогоревший,
Доносит пичужичий гам;
Стремнина реки стала тише —
Ждёт панцирь из толстого льда,
И в старой избёнке, под крышей,
Бездельно висят невода;
И нет уже прежних гармоний
В окрестных и дальних лесах,
Печальные струйки симфоний
Чуть слышно звенят на часах.

Смеркается, ночь на пороге,
И морось сильней и сильней,
Невольню тут вспомнишь о Боге
И мысли заплещут вольней.
Жду сына — он явится скоро;
И взгляд мой отцовский поняв,
Посмотрит в глаза без укора,
За хрупкие плечи обняв.
Ну вот, и пришёл, и свершилось,
Накрыт по-семейному стол,
Тревога в ночи растворилась,
Над тусклой свечёй орёл.

Осеннее солнце сгорело,
Устало и греть, и светить,
И делать привычное дело
В зените небесном ходить.
Ждём снега — сие неизбежно,
А ветер качает фонарь,
И наши глаза безутешно
Глядят опечаленно встарь...

ЗАЧЕМ ПОЭТЫ ЛГУТ?..

Меня избил вопрос: «Зачем поэты лгут —
Не все, а те, кто в сговоре с лукавством,
Вылизывая тех, кто беспредельно крут
И постоянно связан святотатством?»

И я даю ответ на этот злой вопрос,
Открытостью стиха — забавнейшая тема,
Поскольку у людей на эту тему спрос —
Уверен, докажу я эту теорему!

Поэту не нужны слащавые слова, —
Слюнявостью строки
он сам себя низложит,
К тому ж о нём пойдёт никчёмная молва,
И безысходностью он мысли свои словет;

Я не берусь учить, как надобно писать,
и лести не возношу и правду не унижу,
Но я готов всегда квазиписак кромсать,
Когда никчёмный смысл прочту,
либо услышу;

От фарисеев всем нам избавленья нет,
Тем более в стихах, им места нет, ей Богу,
Который век подряд они, принося вред —
Снепшат сломать хребет
правдивейшему слогу.

Коль взялся за перо и стал слагать стихи,
Пиши всегда о том, что видишь
в самом деле —
А коли ты поэт, уйди от чепухи —
Холопство есть порок, —
уйди от грязной цели!..

Мир выткан: из надежд,
Из тьмы и сквозняков,
Из палачей неведж,
Из роковых курков;

Из траурных венков,
Из стонов и дождей,
Из плазменных снегов,
Из нищих и вождей;

Из тягостных оков,
Из скрежета телег,
Из висельных шнурков,
Уродцев и калек;

Из пущек и штоков,
Из дыма и огней,
Из выжженных лугов
И загнанных коней...

Из длинных языков
Предателей-иуд,
Гвоздей и молотков,
И слова... «Страшный Суд».

Ну вот... опять кардиология...
Лежит каталка под спиной, —
Опять моя идеология
Явила за грудиной зной.

За окнами жара кипучая:
Июль в разгаре — словно печь,
И вновь меня сомненья мучают:
Подняться, либо вовсе слечь?..

И снова, по команде, в очередь,
Идёт ко мне моя родня,
Снуют знакомые и прочие, —
Снепшат, ногами семена...

Сестричка — практикантка жаркая,
Мне в вену вводит рибоксин,
В казённых танках о пол шаркая,
Снепшит ко мне малютка сын.
В руках его конфет горошины,
В глазах тревога и печаль,
И губы... дрожью перекошены,
Ему меня конечно жаль.

И мы молчим, и слёзы катятся,
И у него и у меня —
От них, увы, душе не спрятаться,
Когда луна полна огня.

И солнце жаркое и рыжее,
Бросает нам свою косу..
Я выживу, ты слышишь, выживу!..
Дай только сон перенесу..

Спать,
спать, спать —
В голове моей неразбериха.
Спать, спать, спать —
Ветер мне напештывает тихо.
Спать, спать, спать —
Мне подушка ушками кивает.
Спать, спать, спать —
Ночь мне сон упрямо навивает...

Спать — спать — спать —
Карандаш строчит как пулемёт —
Спать — спать — спать —
Ночь пройдёт, к утру печаль уйдёт.
Спать, спать, спать —
Вторит ночи жесткая кровать —
Спать, спать, спать —
Брось перо, достаточно писать...

Засыпаю... и во снах, мне нежно
Мама, прядь волос моих ласкает,
За окном таинственно и снежно,
Мама тихо песню напевает...

И шуршит страницами тетрадь —
Спать... спать... спать...

Терновник... узкая тропка...
колыто дорог,
над головой парит скопа,
вдали острог,
и ты выходишь на меня —
в руке металл,
и шпорышь своего коня,

чтоб злесь стал.
Ты словно ворог на скаку
вонзася меч
в того, кто выстрадал строку
и пролил речь.
Дрожит терновника листва,
закат дрожит —
как много в этом мастерства —
поэт лежит...

Окраи по выжженным лугам,
разнёс закат,
умолк тревожный итичий гам,
его раскат,
заполна в дол яблока луна,
сменив зарю —
ты получила всё, снолпа.
...Благодарю!..

Ноябрь... первое число,
Листва давно к земле прижата,
И время кажется, предвзято
Ледовой коркой поросло...

Пока ещё не выпал снег
И нет лютующих морозов,
Но мысль к тому взяла разбег;
Даруя нам число вопросов...

Ноябрь... первое число —
Ступень к тоске, к стихам о лете —
Хитро природы ремесло,
Об этом знают даже дети...

Всё чаще карканье ворон
И всюду тенькают синицы —
Ноябрь зиме готовит троп,
И та, на юркой колеснице,
Примчит из северных сторон.

И вновь гнущие пальто
На печи многих лягут грузом,
Но снеговик, с холодным пузом,
Пусть выглядит на все на сто...

Ну вот и первенец-снежок
Под вечер затрусил на город —
Иду в сельпо, задралши ворот,
Купить податливый движок.

Ноябрь... первое число,
До дня рожденья трое суток
И здесь не вставить прибауток,
Поскольку снегом понесло...

Ноябрь... первое число...

Коли буду дальше,
Может ближе стану,
Говорю без фальши,
Не тревожь мне рану.

Коли рядом буду —
Стану ненавистен —
Не круши посуду,
В том не сыщешь истин.

Не гадай напрасно
На кофейной гуще —
Знать обман опасно —
Правда, всздесуца!

Знаю, трудно очень
Ожидать не веря —
Жизнь, увы, не сочешь,
Если есть потеря.

Снова ветер дует,
Север гонит тучи,
Всё ж в дали мерцает
Тёплой встречи лучик.

Свидимся ли снова? —
То известно Богу. —
Каждый бросил слово

И втоптал в дорогу...

Над столом ночничок сеет матовый свет
И к столу голова моя клонится,
Я как будто бы есть, и меня словно нет —
Сном моим управляет бессонница...

Рядом чарка с палёной хмельною водой,
Две картопки в мундирах в тарелочке,
В консельке как всегда пустота, неудой,
На часах передёрнуты стрелочки...

Я сегодня прошёл свою жизнь сызнова —
Намать выдала всё — от неё нет спасения,
И не скажешь другим,
что взопла трын-трава,
Под которой есть камни утраты везения.

Только камешки те мне уже не разгрызть,
Зубы стёрлись, на нет, —
раскрошились и выпали,
Кто-то выискал в этом лихую корысть
И имеет на том баснословные прибыли.

Год из жизни ушёл — что ещё говорить? —
Дни рождения скверные, жалкие, даты —
Рассучились года, как гниющая нить,
Развернув дерзко узел
с долгами расплаты.

Я родился в тебе нелюбимый Ноябрь —
Самый поздний из времени
познанной осени,
Оттого быть сегодня слышу как стихарь,
Шевеля неизведанность
сглаженной просини.

За окном мелкий снег; и зима на носу,
Мир готовится к сильным
и хватким морозам,
Я один свою ленту в пространство несущу,
Свой канон, предоставив
невнятным прогнозам.

День рождения есть, а рождения нет,
Я, родившись, сгорел, на столе,
в одиночестве,
Подо мной прогорел пол одетый в паркет,
Вот такое скажу вам друзья, безобразье.

День четвертый идёт от сего ноября —
Год отстёгнут без вой и даже без крика,
В этот день не всходила багряно заря,
Отвернувшись от Господа верного клика.

Так чего ж мне скулить,
что я не был в строю,
Тех людей, что живут
на желанной планете,
И как загнанный пёс о России пою
Много лет поутру утверждаясь в рассвете.

Здравствуй моя дорогая,
Снова не спится тебе,
Снова ты время слагаю
Мне говоришь о себе.

Вот и Ноябрь умчался.
Третий декабрьский день
Трудно должно быть начался,
Бросив из прошлого тень.

Снова луна округлилась,
Ветер в деревьях поёт,
Снова поэмка явилась —
Снег над землею несёт.

Знать ночничок у постели
Ты не загасишь опять,
Снова под звуки метели
Станешь но детям скучать...

Полно те милая, слышишь,
Я под окошком... живой,
Рано ты сердце колышешь
Томною думной волной.

Утром метелица стихнет
И постарест луна,
Светлос в памяти вспыхнет —

Доброю будет волна.

Спи моя милая мама,
Спи дорогая — прошу,
Выйду из снежного гама,
Брату письмо отпишу...

Надуманых стихов в моих тетрадах нет,
В них правда жизни, радость и тревоги —
Надуманную ложь нельзя пускать на свет,
Поскольку в ней заложены пороки.

Иной, рифмуя всё, несёт
страшнейший бред,
Затем несёт издателям знакомым
И те дают добро прославить этот вред
И сделать его истинным, весомым.

Читателю важна не лживая строка,
Не форс надменных слов от фарисеев,
Ему важнее то, когда строка строга,
Когда летит в народ, туман развсая.

Нет, я не против, пусть мажорный строй
Присутствует в любом живущем в мире —
Поэтом стал, правдивый стиль раскрой,
Возделывая мысль как можно шире.

Пусть будет мысль к тому ж и глубока,
Постичь глубины никогда не поздно,
У жизни слишком малые срока,
И не понять ее, проживши беззаноно...

Я как свеча, обутий в канделябр,
Горю слезясь, и точно также таю
И словно рыба, на земле, без жабр,
Обыденность вдыхаю и глотаю.

Намеренность создать себя в среде,
Где Муза правит, — верная ошибка —
Негоже братцы нынешней «Звезде»
Лукавство и предвзятая улыбка...

Мои стихам присущ минорный строй,
Но в них есть терции немалого мажора,
Коль ты поэт то так себя настрой,
Чтоб над тобою не было укора!

Когда поёт душа, тогда пиши, поэт,
Любой настрой пусть освещает строки —
Пиши поэт, врачаю правдой свет,
Раскрыв пред каждым истины истоки...

УСТАЛОСТЬ

(4 ноября 2009 года — полнолуние,
день моего рождения)

То ли песнь запеть, то ли в пляс пойти,
То ль испить вина, да с ума сойти;
То ли выйти мне на ночной балкон,
Да рвануть с него сквозь перила вон...

Извела судьба, — сердце в ключья рвёт,
Чёрный червь её, — мою душу, жрёт,
Не шагнуть вперёд и назад нельзя,
Поперёк судьбы не легла стезя.

Год за три идёт, а какой за пять, —
Нет тех прежних сил, за себя стоять.
Что ни новый день то яснее явь,
Хоть коли глаза, хоть в них спички ставь...

Не ложится мне, и уснуть невмочь —
Изгаляется на до мною ночь,
Вновь кругла луна, словно адов блин,
В грудь мою вонзив злополучный клин.

Я и песнь пропел и пускался в пляс
И вино в себя из стаканов тряс,
Но с ума сойти не сумел — не смог,
Знать не дал добро мне на это Бог!..

И на свой балкон я не вышел в ночь,
Оттолкнул меня Ангел Жизни прочь...

То ли песнь запеть, то ль пуститься в пляс,
То ль споганить рот сквернословьем ляс,
Жизнь пошла в урон, на душе печаль,
Горизонт расшит в чёрную вуаль...

НЕПРЕДВИДЕННОЕ

Когда меж Альфой и Омегой
Живёшь и ведаешь о том,
Что кто-то смертною телегой
Промчит с карающим кнутом.

Сей промежуток, слишком краток,
Суров и беспен, словно зверь,
И метит на полях тетрадок
Итоги всех людских потерь.

Но ты живёшь назло невзгодам,
Под плетью адского кнута
И чтоб твой род остался родом
Дня не проводишь без труда.

Летят года, быстра их скорость,
И всяк теряет силы в них, —
Бесследно отлетает спорость
И ты выводил жизни стих.

Астральных чисел пересчёты
Не каждый сможет произвести,
И изложить о том отчеты,
Чтоб людям доблестным прочесть.

Был Пастернак, Был Ходасевич,
Есенин был, Высоцкий жил,
И Пушкин Александр Сергеевич
В стихах выкладывали ныл.

И все об Альфе и Омеге
Писали кровью между строк
О той стремительной телеге,
Что укорачивает срок.

Коварны жизненные годы, —
Особенно когда поёшь —
Видать таков закон природы
Шагать под ствол, в петлю, на нож...

Когда меж Альфой и Омегой
Живёшь, не ведая о том,
Ты всё ж оставишь под телегой
Себя и свой родимый дом...

Семи пядей во лбу не мало,
Чтобы понять расклады дней,
Ведущих к огненному Аду
И смертный храп твоих коней...

ОТКРОВЕННОСТЬ

Валентине П.

Твою любовь я сохранять не стану,
Лишь иногда, как в прежние года,
Встревожит память огненную рану,
Что получил от твоего суда...

И что хранить, чему молиться все,
Чего искать на склонах горьких лет,
Испарину в прощальном поцелуе,
Вопросы, где нельзя найти ответ?..

Твои глаза печальней с каждым часом,
Ты молча сожалел о былом
И словно под снотворным едким газом
Ты чувствуешь душевный перелом.

Ушли года, их не вернуть обратно,
Лишь память возвращает нас туда,
Где жили мы, воистину превратно,
Не ожидая страшного суда...

Мы оба сожалеем о раздоре
И плачем врозь, кляня себя на том,
Что принесли друг другу в души горе,
Забыв о самом главном и святом.

Твою любовь я сохранять не стану,
Свою к тебе храню десятки лет
И этим самым растравляю рану,
Глаза вперяя в беспроглядный свет...

Мир разделён на горечи и сладость,
И я желаю, милая, тебе,
Чтоб ты повсюду ощущала радость,
А горести... оставляю я... себе...

День прошёл и ладно! —
Нечего тужить.
Не пойдёшь обратно,
Нужно дальше жить.

Подойду к кровати,
Ночничок зажгу,
Кстати ли, пекстати,
В память убеги..
И закружит время
Вспять меня, маня,
Обхвачу я темя,
Думы хороня.

К горлу ком подкатит,
Сердце заболит, —
Пляну, — у кровати,
Маушка стоит..
Нежное: «Не спится?..»
Вновь произнесёт
И святой водицы
Молча поднесёт, —
Улыбнувшись, спросит:
«Что же ты, сынок? —
Али ночь морозит,
Али занемог?..»

Тишина взорвется
Грубо хохоча,
Память встрепенется,
Рубанёт с плеча..
Время распахнётся,
Прошлое качнёт,
И душа рванётся
Под крошечный гнёт.

Мой корабль — мой дом —
Мой лиры каюта..
Минус пять за бортом —
Для Апреля не круто.

Ночь, безмолвная тишь,
Думы сердце сжигают,
Над величием крыш
Неба очи мерцают.

Серебристым песком
Млечный путь протянулся,
Месяц, острым рожком
В купол неба уткнулся.

Над столом ночничок,
В беспорядке бумаги,
Время крутит волчок,
Мысль готова к атаке...

Вспоминаются вновь
Отлестевшие годы
И осевшие в кровь
Семена несвободы.

Вспоминается всё! —
Я не в силах забыть:
Вновь над крышами сёл
Дым живучий клубится;

Вновь ночью в стогу,
Звёзды в небе считаю,
Но уснуть не могу —
Мысли спешно верстаю;

Снова видится стена,
Ветер илещет над нею,
Леденящую цепь
Мне швыряет на шею...

Восемь вёрст до села,
До займки четыре,
Степь от снега бела —
Словно стены в квартире...

Ни леска, ни куста,
Ни лыжни, ни тропинки —
Вся округа пуста,
Лишь метель, да былинки...

Людмила ЛУКЬЯНЦЕВА

Серебряная метка

Рассказ

Наконец-то наступило первое августа. Алексей Соколов ждал этот день с большим нетерпением. Это было начало его отпуска.

С утра сходил в управление, получил отпускные. Попрощался с друзьями из родной геологической партии. Получил их многочисленные напутствия по проведению свободного времени и отправился домой. Знал, что на пороге квартиры встретят жена и дочь - две любимые женщины. Встретит и маленький сынишка, которого беременная жена носит под сердцем. Сын продолжит его дело, будет передавать кому семейную реликвию.

Ирине очень шла беременность, делала ее еще более женственной, неотразимой. В девичестве не было на курсе никого, кто бы мог потягаться с ней в красоте. Черные глаза, обрамленные длинными пушистыми ресницами, завораживали и притягивали взгляды его институтских друзей. Алексею особенно нравились Иринины волосы, длинные густые, цвета лесного ореха, что водопадом спадали на плечи. Растекались, как струи, локонами по спине, до самой талии. Сам не знал, почему эта черноглазая красавица отдала предпочтение ему, а не кому-то другому. Но Алексей лукавил, его внешности мог позавидовать любой молодой человек. Рост у него был внушительным. Плечи, как говорят в народе, - «косая сажень». Серые выразительные глаза нравились многим девчонкам. Черные волосы завивались в многочисленные колечки. Вот эти достоинства и пленили красавицу Ирину.

С ней ему повезло. Слыла хорошей хозяйкой, готовила вкусные блюда. Все свитера, пуловеры, которые носил в холодное время, связаны искусницей женой. Находясь в декретном отпуске, много читала, следила за событиями в современном мире. Увидев что-то интересное, звала к экрану его и школьницу дочь, чтобы потом вместе обсудить увиденное. Алексей часто называл свою супругу Василисой Прекрасной за ее ум, рассудительность, за добрые мудрые советы.

Любил ездить с ней в отпуск. Обычно собиралась веселая компания из четырех человек: друга Кости, его девушки Лиды Зориной и их пары. С Костей учились в местной школе. После окончания поступили в один институт. Вместе работали в геологической партии. Открыли месторождение мрамора. Костя был настоящим, надежным товарищем. С ним можно было идти не только в горы, но и на край света. Присхав, разбивали палатки у подножия горы, рядом с ручьем или озером. Жгли костры, жарили шашлыки, пили водку и пели любимые песни под гитару, верную спутницу Костиана Морозова.

Жаль, но в этом году не получится провести совместный отпуск. Не потянула беременную жену в горы. Да и Костя отходил по горам. Два года назад повредил в экспедиции ногу, стал инвалидом, а на костылях по скалам не ползает. Костя сам не захотел обременять своим увечьем Лиду, настоял на разрыве их отношений. Живет теперь с матерью Галиной Петровной через квартал от Соколовых.

По дороге домой Алексей купил домочадцам подарки и всякие вкусные сладости. Не обделил и себя, взял любимого чешского пива. Родные встретили отпускника с шумом и гамом. Ирина

спекла свой шедевр - пирог с морским окуном. Она знала, что муж обожает ее страстно. Алексей, увидев пирог, расплевался супругу в пылу румянцем щеки. Во время обеда Ирина спросила:

- Алексей, как ты собираешься проводить отпуск? Не будешь же ты все время дома сидеть, баклуши бить. Давай поступим так, неделю ты проведешь в горах, отдохнешь в родной стихии. Потом, когда вернешься, съездим к моим родителям в Нижнюю Туну. Десять дней проведем все вместе. Поможем старикам убирать урожай. Наберем грибов, насолим. Маришка вдоволь накатается на Буланке. Уже два года не садилась на любимую лошадку. В родительском доме жить привольней и радостней.

Алексей удивился предложению жены, сама отпускает одного в горы. Перечить молодой матери не стал, подтвердил согласие кивком головы.

Долго не раздумывая, на второй день отпуска купил билеты на поезд. Собрал все, что нужно путешественнику-геологу, и отправился в Уральские горы. Подумал, что, может, в этом году повезет, он воплотит в жизнь заветную мечту. Начитавшись в детстве книг про Демидовых, известных заводчиков на Урале, очень хотел отыскать залежи серебра. Когда-то его прадед тоже искал в горах и золото, и серебро. С компанией крепких мужиков-старателей обнаружили ценный металл. В семье из поколения в поколение передавалась реликвия - старинный серебряный крест. Он был семейным символом старателей в их роду. Григорий Соколов, отец Алеси, передал крест сыну, когда тот был еще в пятом классе. Строго наказал ему, беречь его, как зеницу ока. Да передать по наследству своему сыну, чтобы тот продолжил их старательское дело. Отец рано ушел из жизни из-за чахотки, которую подхватил в сорок лет при разработке ртутного месторождения Хиск в Дагестане.

Алексей любил горы-самоцветы. Седой Урал казался ему огромной страной. Часто его называют каменным поясом великой Русской земли. Соколов всегда соглашался с коренными уральцами, которые за его древность, называли добрым Батюшкой Уралом. Для него не было интересней и значимей места. Всему миру известны его сказочные богатства. В детстве Алесь зачитывался сказом Павла Петровича Бажова «Хозяйка Медной горы». Любимым героем мальчика стал мастер Данила. Посмотрев кинофильм, снятый по содержанию сказа, сын сказал отцу, что, когда вырастет, то будет искать несметные сокровища Хозяйки в ее тайных кладовых.

Уже в седьмом классе организовал самую первую экспедицию с одноклассниками. Взял у соседа альпиниста снаряжение. Солгал ему, что тренер везет всех ребят из их класса на местную гору, потренироваться в скалолазании. Он с пятого класса с друзьями ходил в клуб, где их обучали лазать по скалам. За его старание в учебе, приобретенные навыки и умения, а, главное, бесстрашие получил прозвище «скалолаз».

Стремясь воплотить мечту в жизнь, отправился с друзьями тайком в любимые горы. Семь подростков несли тяжелые рюкзаки, которые тянули их вниз. Грозили утащить за собой в пропасть. К обеду

прошел сильный дождь. Подниматься вверх по мокрому, скользкому, скалистому тропкам было очень опасно, просто невозможно.

И произошло непредвиденное, его школьный товарищ Федька Усков, толстый и неуклюжий, сорвался с тропы и покатился в ущелье. У самого края мальчик рюкзаком зацепился за невысокий зеленый кустарник и завис над глубокой пропастью. Ребята метнулись к нему на помощь, обливая до крови об острые камни колени и руки. Алеська успел бросить ему веревку с петлей. Федя одной рукой набросил ее на себя, затянул крепко на пояс. И вовремя, вдруг куст вырвался из земли и с грохотом полетел в черную глубину. Мальчики с трудом вытянули друга, потом несли его целых пять часов, изнывая от жары, на самодельных носилках до станции. Федька подернул ногу при падении и не мог идти самостоятельно.

Первая секретная детская экспедиция закончилась неудачно. Мать тогда взяла с него клятву, что он больше никогда не пойдет в горы без ее разрешения. Сын поклялся памятью об отце и слова не нарушил. Но все-таки Алексей Соколов, упрямый по своей натуре, не отказался от заветной мечты: найти залежи серебряной руды. Серебро он уважал больше, чем золото. Считал золото коварным металлом, а серебро очень полезным для здоровья людей, более надежным. Всегда опускал серебряный литой кусочек в воду, чтобы ее обеззаразить. Крылатую мечту пронес через все детство и юность. Окончив институт, стал геологом.

Присхав на место, геологичек отправился пешком к подножию западного склона знаменитой Медной горы. Поднялся метра на четыре вверх и наткнулся на осыпь мелких скальных пород. Повидимому, породу нанесло весной огромным потоком воды из таявшего под лучами ледника. При исследовании найденной осыпи его, уже взрослого мужчину, охватил мальчишеский азарт. Он умело разбивал молотком куски породы. Внимательно, при помощи лупы, рассматривал узоры и прожилочки каждой наход-

ки. Вскоре отыскал несколько образцов горного хрусталя, небольшой зеленый изумруд и немного яшмы.

Не удержав большой образец в руках, до крови разбил себе средний палец молотком. Достал аптечку, перевязал палец бинтом и решил отдохнуть. Присел на горячий валун, посмотрел на синее небо. Облаков почти не было, но два огромных, имели причудливые формы. Одно походило на слоненка, а другое на дельфина. Солнце свирепствовало, зависнув над ним ястребом, испуганно палило голову.

Полез в рюкзак и достал легкую кепку. Ее подарила перед поездкой Ирина. Надевая головной убор, вспомнил слова, которые жена произнесла, провожая его ранним утром в устремленную ею одиночную экспедицию:

- Дорогой, смотри внимательно под ноги, не наступи на змею. Не попади под обвал. Да Хозяйке на глаза не попадайся. Она любит встречать молодых мужчин. Может позабавиться, зло попутить. Особенно ей нравятся свои метки оставлять, когда решаст кого-нибудь наказать за излишнее разорение ее сокровищ. Помнишь, в сказе говорилось, что многие старатели уходили молодыми, если возвращались от нее к себе домой, то седыми старцами. Помни, скоро у нас будет двое детей.

Алексей принял напутствие как шутку, решил подыграть ей, обняв ласково беременную жену, поцеловал ее и ответил:

- Не бойся, ей молодые парни нужны, а мне уже тридцать семь. Я ей не нужен. Жди меня, береги Маришку и наследника. Я вас очень люблю.

Поработав на горной осыпи еще с полчаса. Ничего значимого не обнаружив, потерял интерес к найденному месту. Ему были нужны не эти случайные находки. Он не забывал о своей давней мечте: найти серебро. То, что хотел отыскать, не нашел, только сильно устал. Приблизился вечер. Окончательно вымотавшись, принял решение возвратиться к подножию горы. Вернуться в разбитую утром палатку, в ней заночевать. Завтра

снова с утра продолжить поиски.

Спускаясь, на минуту остановился на скалистой узенькой тропинке. Залюбовался сказочной красотой закатных гор. Закаты в Уральских горах необычайно красивы. Лощины окрашиваются в разные причудливые цвета. В тенистой стороне кажутся фиолетовыми, а под лучами заходящего солнца — оранжевыми. Лучи, скользившие по горам, превращали их в сказочных великанов. Мелкие пороги становились причудливыми гномами, а высохшие коряги — троллями. К такой красоте невозможно привыкнуть. Она всегда вызывала в его душе неописуемый восторг.

Полюбовавшись на малиновый закат, хотел идти дальше. Вдруг заметил на соседней скале небольшую пещеру. Внезапно последний лучик осветил ее. Алексею показалось, что внутри что-то ярко блеснуло. Он остановился и пошел к углублению. Подумал:

- А вдруг это?... Неужели, повезло?..

С замиранием сердца подошел к отверстию. То, что увидел, не просто удивило, а ошеломило геолога. Это было не серебро, но не менее ценный минерал — кварц. Почти год их экспедиция ищет его. Управление поставило перед геологами найти кварцевую жилу. Он никак не ожидал обнаружить ее здесь.

Да! Действительно, на правой, освещенной лучами стене пещеры, начиналась довольно широкая кварцевая жила. Нужно было отметить ее границы. Нанести это место на карту и по приезду доложить начальству о долгожданной находке. От волнения затряслись руки. Лучи погасли, внутри небольшой пещеры стало темно. Хотелось увидеть, как далеко протянулась залежь кварца.

Соколов решил осмотреть кроху-пещеру при помощи шахтерского фонаря. Снял рюкзак, стянул с головы кепку, чтобы не замарать, положил в рюкзак. Достал фонарь и надел на голову. Зажел свет, потом ногой отодвинул подальше рюкзак и протиснулся в отверстие. Войти весь не смог, а только голова и плечи. Ноги остались снаружи. Осветил темные, сырые стены тесной выемки и неслуханно обрадовался. Кварцевое месторождение значительно расширялось и уходило в глубину норы.

Исследовав найденную жилу, решил вылезти наружу, на воздух. Стал протискиваться назад, но освободиться не смог. Мощные плечи застряли намертво. По всему телу пробежала дрожь. Соколов приказал себе:

- Надо сейчас же успокоиться. Придумать способ, как избавиться от плена. Решил развернуться боком, пригнуться и вылезти на желанную свободу. Но его усилия были напрасны. Он запервничал. Стал пробовать все способы подряд.

Несмотря на устроенную им возню, в какую-то секунду услышал рядом с собой шипение. Вмиг замер и посмотрел вперед. От того, что увидел, волосы на голове стали дыбом. В ярком свете, подняв маленькую головку, раскачивалась гибкая, черная змея. Смотрела на нарушителя покоя холодными, немигающими глазами, готовая в любую секунду броситься в атаку.

По-видимому, змея выползла на свет. Появилась из убежища, чтобы запитать свое законное место. Пленник попытался снова возвратиться на волю, но гадюка сделала бросок в его сторону. Сантиметров тридцать ей не хватило, чтобы нанести смертельный удар прямо в лицо геолога. Чтобы отгородиться от нее, стараясь не делать резких движений, снял с головы фонарь и незаметно продвинул вперед, на длину вытянутой руки. Но это не обезопасило его от нападения змеи.

Теперь исследователь окончательно понял, что попал в двойную ловушку.

Незаметно опустился на локти, уперся коленями в небольшую выемку в скале. Поза была более устойчивая. Старался почти не дышать, а главное, не шевелиться. Тварь подползла ближе к фонарю. Ей понравились тепло, которое исходило от него. Свернувшись клубочком рядом с ним и заснула.

Алексей изнемогал от ноющей боли во всем теле. По лицу, по щекам струйками стекал соленый пот. Попадая в глаза, разъедал их. Сознание постоянно мутилось, чтобы его не потерять, кусал до крови губы. Они от ранок распухли и саднили от едкого пота. Он стоял уже без малейшего движения примерно четыре часа. От самого заката и до глубокой ночи.

Вся жизнь промелькнула перед глазами. Вспомнил, как просила его не уезжать из дома восьмилетняя дочка Маришка. Непоседа и говорунья все спрашивала отца:

- Папа, зачем тебе нужно серебро? Неужели нельзя без него обойтись?

Алексей заверил дочь:

- Нет, солнышко, никак нельзя. Это очень полезное природное ископаемое. Убивает микробов, делает целебной воду. Из него делают очень красивые ювелирные изделия.

Маришка посмотрела на отца с уважением и тихонько промолвила:

- Ты, папа, правда, делаешь полезное дело. Я вырасту и тоже стану геологом.

Как-то, поздней, промозглой осенью Алексей привез ей из очередной экспедиции небольшой драгоценный камушек — бирюзу. Маришка внимательно рассмотрела желанный подарок и положила его в карман. Позже заявила отцу с матерью:

- Этот бирюзовый камушек будет моим талисманом. Поможет осуществить мечту — стать геологом.

Находясь в пещере, в трудной жизненной ситуации, Алексей подумал:

- Нет, не будешь ты, дочка геологом. Слишком для женщины опасная профессия. Лучше быть археологом. Искать скрепки и горшки в матушке-земле. Интересно, но не так рискованно.

От недостатка кислорода и смертельной усталости стала кружиться голова. Единственное, что спасало пленника от потери сознания — холод ночи. В горах, несмотря на август, по ночам холодно. Прохладный ветер обдувал ноги. Нижняя часть тела начала быстро замерзать, а верхняя пылала, как печь.

И вдруг случилось беда — помигав, погас спасительный фонарь. Соколов услышал какие-то звуки рядом с собой. Понял — змея проснулась. Мгновенно вспотел с головы до ног. Гадюка уловила тепло человека и подползла к нему. Алексей почувствовал, как что-то мерзкое, холодное заползло к нему под рубашку. Потом обвилось вокруг шеи кольцом, удобно устроившись, мирно затихло. Мужчина с ужасом подумал:

- На моей щеке опасная, мерзкая гадюка!

Захотелось немедленно сбросить с себя змею. Он машинально напрягся всем телом и тут же почувствовал, как гадюка сдавила горло. Не хватало воздуха, подступила тошнота, усилием воли подавил ее. Расслабился, обмяк, и тварь ослабила мертвую хватку. Понимал, стоит ему пошевелиться или придавить ее, как она укусит его. Наступит страшная удушающая смерть. Его никто не спасет, ведь уже глубокая ночь. Он никогда не увидит своего сына, а он отца. От странной мысли сердце пронзила острая боль. Соколов представил лица близких людей, сжал до скрежета зубы и мысленно приказал себе:

- Надо бороться, не раскисать!.. Нужно продержаться во что бы то ни стало до рассвета! Змея не станет днем спать на щеке, отправится на охоту. Спасение еще

возможно. Держись! Ведь ты мужчина!

Снаружи подул сильный ветер. Откуда-то из пещеры просочилась тоненькая струйка воздуха. Стало легче дышать. Послышалось первое шептанье ранней пичужки. Значит, начинался долгожданный рассвет.

На рассвете выпавшая змея развернулась и сползла с его смертельно уставшей шеи. В благодарность за подаренное человеком ночное тепло, не тронула его. Спокойно уползла вглубь горы, в небольшую щель. Через нее она выбиралась наружу.

Почти теряя сознание, Алексей Соколов собрал последние силы: подпрыгнул, а затем, резко ударив локтями в стену, опустился вниз. Произошло чудо: сверху отвалилась глыба породы и пролетела мимо его головы. В пещеру хлынул свет и воздух. Геолог напрягся, рванулся и оказался на свободе.

Изнемогая от усталости, опустился на камни. Просидел около часа с закрытыми глазами. Первые были на пределе. От солнечных ярких лучей глазам было больно. Но свет вселял уверенность, что все страшное позади, что он будет жить. Вдруг ему показалось, что совсем рядом с ним, раздался звонкий женский смех, похожий на журчание ручья. Алексею стало как-то не по себе, по спине пробежал озноб:

- Кто это мог сюда прийти в такую рань? Ведь поблизости нет никаких экспедиций, ни туристов.

Потом успокоил себя мыслью, что где-то рядом, по соседнему ручью, пронесся небольшой сель. Двигаясь со скоростью по воде, мог издавать эти странные звуки. Вспомнив про ручей, решил отправиться к нему, чтобы напиться. А главное, скорее смыть с шеи и груди гадюшное ощущение от прикосновения змеи.

У источника снял с себя соленую от пота рубашку и брюки. Наклонился над чистой, прозрачной водой. Увидев в водной глади, как в зеркале, отражение, в страхе отпрянул. Из воды на него смотрел старик с глубокими морщинами на лбу, красными, налитыми кровью глазами. Старик был сед. «Белый, как лунь», — подумал геолог. Сидела была необыкновенной, отливала цветом чистой серебра.

Соколов машинально оглянулся назад, но там никого не было. Посмотрел опять в ручей, вновь увидел в нем седого старца. На груди его висел до боли знакомый, древний серебряный крест. Наконец понял, что видит собственное отражение. И тут над его головой снова послышался женский смех. Кто-то то ли прошепестел, то ли прошептал:

- Как тебе, старатель, мой серебряный подарок? Понравился?

Алексей помотал головой, чтобы стряхнуть с себя наваждение. Стал успокаивать себя, что звуковые галлюцинации происходят сейчас с ним из-за пережитого ночью стресса. Потом лихорадочно заплескал в лицо, на шею и на грудь ледяной водой.

Освежившись, присел на корточки. В душе не хотелось мириться с тем, что с ним произошло. Но факты были налицо. Про себя подумал:

- Да, слова Ирины стали явью. Домой вернусь с серебряной меткой Хозяйки. Узнают ли меня жена и дочь? Буду ли нужен молодой тридцатилетней Ирине седым стариком?

Размышляя о случившемся, стал спускаться в долину. Нужно было идти на станцию пенком почти четыре километра. Он спрятал волосы под кепку, натянул ее почти на самые глаза. Надел черные очки. Никого из знакомых видеть не хотелось. Сев в поезд, сразу поднялся на верхнюю полку и уснул мертвым сном. Не слезал с нее до родного города Белорецка, что находится на Южном Урале.

С вокзала отправился не к себе домой, а к Косте Морозову. Хотел понять, узнает ли его друг. Возвращаясь из экспедиций, Алексей всегда заходил к нему и делился с ним всеми новостями, находками и открытиями. С замиранием сердца поднимался на второй этаж. Подошел к Костиной квартире. Позвонить условленным знаком не осмелился. Снял кепку, достал расческу. Хорошенько расчесал волосы, еще два дня назад отливавшие вороньим крылом. Стал громко барабанить костяшками пальцев по деревянной двери. Услышал стук костылей, Костя шел ее открывать.

Дверь открылась, Костя, посмотрев на Алексея, строго спросил:

- Отец! Вам кого?

Друг не узнал его. Алексей печально ответил:

- Тебя надо, мой старый друг, Костян!

У Морозова округлились от изумления глаза. Только по голосу узнал своего одноклассника, друга детства и юности. Радостно воскликнул:

- Сокол! Это ты кто ли?

Стреб его в охапку, обнимая, повис на нем, так как плохо держался на больных ногах.

- Заходи, дружище! Скорей рассказывай, что это за метаморфозы произошли с твоей внешностью.

Алексей подробно поведал ему ночную историю со змеей.

Костя помолчал и тихо проговорил:

- Не только мне, Алеха, но и тебе, дружище, оставила метку Хозяйка Уральских гор. Значит, я не очень-то верю во все эти побаски. Но вот такие случаи подтверждают, что в природе есть какие-то высшие силы, которые записывают земные богатства от расточительного человека. Теперь серебряная метка останется с тобой на всю жизнь. Свое серебро ты уже нашел. Оставь его запасы для будущих поколений. Пусть твой сын ищет серебро. Ведь Ирина через два месяца подарит тебе сына. Не горюй, друг! Запомни, любящая жена и дети дороже всякого серебра и золота на свете. Жена тебя сердцем узнает. Я видел, как она умеет крепко любить. А дочка Маришка только будет гордиться таким представительным отцом. Иди скорей к семье, там уже давно заждались.

Успокоенный другом, Алексей ответил:

- Думаю, ты, Костя, действительно прав, дорожке любви ничего нет на свете.

Улыбнулся другу и отправился домой. Двери открыла жена Ирина. Пристально посмотрела на мужа, вскрикнула и бросилась к нему на шею. Стала неистово покрывать его лицо поцелуями. Затем отодвинулась и прошептала:

- Алешенька, родной мой! Все-таки она посеребрила твою голову. Я предчувствовала беду. Значит, любимый, серебристый цвет идет твоим глазам. Они стали голубее и нежнее. Я обожаю их еще больше.

На шум выбежала дочка Маришка. Мать перехватила ее рукой и сказала:

- Посмотри, доченька, в какой красивый, серебристо-синий цвет окрасился наш папа. Ему он очень идет.

Марина посмотрела на голову отца с удивлением, но потом подошла и обняла его. Отец протянул ей изумруд:

- Это тебе, дочурка, подарок от Хозяйки Медной горы.

Дочь взвизгнула от радости:

- Ух, ты! Я люблю тебя, папочка!

И убежала к себе в комнату.

Алексей обнял жену, крепко поцеловал и шепнул на ухо:

- Спасибо тебе, Ирешка, моя милая женушка! А теперь вместе с будущим наследником кормите меня. Я голодный, как волк.

Геннадий АЛХОНИН

Родился 25 октября 1953 года в городе Прокопьевск. Окончил Прокопьевский горный техникум. 21 год отработал на шахте имени Ф.Э. Дзержинского. Литературным творчеством начал заниматься, когда вышел на пенсию. Пишет песни и сам их исполняет. Участник конкурсов бардовской песни, лауреат различных литературных конкурсов и фестивалей.

Возглавляет ветеранскую организацию угольных предприятий САС. Организует различные виды спортивных соревнований: по шахматам, бильярду, настольному теннису и др.

Поклонитесь солдату

В день весенний, девятого мая сходи на могилку,
Не смущайся слезы, пробежавшей из глаз ручейком,
По сто грамм фронтовых за солдат осушите бутылку,
Они жизни отдали за Русь, где построен твой дом.

Поклонитесь солдату, друзья, до земли поклонитесь,
Приклоните колени и ниц опустите чело,
За их души ушедшие вверх у креста помолитесь,
Их так много на поле сраженья за Русь полегло.

Крестonosцы пришли полонить наши земли родные,
Словно вороны черною тучей рванули вперед,
Но на озере Чудском срубили их шлемы стальные,
Разгромили врага и загнали всю стаю под лед.

Коли с миром пришел,
хлеб и соль на Руси с миром примешь,
Так нас мама учила, и батька так жить обучал,
Ну, а если с мечом - от меча, несомненно, погибнешь,
Так Святой Александр запомнить врагам завещал.

Сколько воинов наших погибло в той битве, кто знает?
Не залечатся раны и боль на душе не унять.
Сколько буйных голов полегло, только Бог подсчитает,
Сердце матери горем разбитое сможет понять.

Поклонитесь солдату, друзья, до земли поклонитесь,
Приклоните колени и ниц опустите чело,
За их души ушедшие вверх у креста помолитесь,
Их так много на поле сраженья за Русь полегло.

Но неймется врагам, в сорок первом опять взбеленились.
Вновь набат прозвучал над Россией - Советской страной,
Наши люди всем миром, как встарь, воедино сплотились,
Чтобы Родину Мать защитить вышли смело на бой.

Камень плавился, рвался металл, реки вспять побежали,
Слезы горькие, кровь, лагеря и могилы в логу,
Под Москвою фашистской армаде хребет обломали,
На Рейхстаг водрузили свой флаг на погибель врагу.

В день весенний, девятого мая сходи на могилку,
Не смущайся слезы, побежавшей из глаз ручейком,
По сто грамм фронтовых за солдат осушите бутылку,
Они жизни отдали за Русь, где построен твой дом.

Поклонитесь солдату, друзья, до земли поклонитесь,
Приклоните колени и ниц опустите чело,
За их души ушедшие вверх у креста помолитесь,
Их так много на поле сраженья за Русь полегло.

Шахтёрское братство

В День шахтера с житейским ухватством
Пенсионная рать всех друзей соберет
За шахтерским столом, своим преданным братством
По стакану махнув «Коногона» споет.

Потрещат о судьбе, про забой посудачат,
Вспомнят тех, кого нет и родных стариков,
На прощание день новой встречи назначат,
Будут жлать от друзей телефонных звонков.

Чтобы встретиться вновь по традиции славной,
Той, что в сердце несем из далеких веков,
Пусть же станет она аксиомой главной,
И ее поддержать будет каждый готов.

И тогда в суете нашей жизни не легкой
Будет рядом плечо твоих верных друзей,
А общение с ними станет лучшей страховкой,
В том, что жить на земле сообща веселей.

Дать сыну имя - Человек

Коль, сын, умешь ты мечтать,
Мечтай с рождения до тризны
Но, не давай мечтанью стать
Твоим хозяином при жизни!

Ты можешь думать - радость мне,
И не вздремнешь над колыбелью,
Чтоб мысль, рожденная в тебе
Не стала в жизни самоцелью!

Коль встретить ты уже готов
Триумф и катастрофу,
Коварных этих двух лжецов
Ведущих на Голгофу.

Когда нет мышц и нервов нет,
Не может сердце биться,
Когда в глазах погашен свет,
Нет сил за жизнь сразиться.

Заставь работать, сохранись,
Мужская наша доля,
И в мыслях Богу помолись,
Осталась только ВОЛЯ.

Она кричит тебе: «Держись!»
Когда тебя уж нету,
Восстань из тлена и борись,
Пробей дорогу к свету!

Коль сможешь волею своей,
Взять верх над алчным веком,
Земля! - будь Матерью твоей,
А ты Сын - Человеком!

Веточка вишни

Веточка вишни в саду под окном расцвела,
Душу мою ароматом весенним наполнила.
Тропка к любимой подруге сама привела,
В небе луна наши встречи с тобою напомнила.

Словно лунатик с надеждой стою у крыльца,
Жду, что тихонько откроется дверца дубовая,
И застучат в унисон, как и прежде, сердца,
Свой аромат донесет до нас ветка вишневая.

Выйдешь навстречу и нежно обнимешь меня,
Я расцелую уста твои сладко-медовые,
Мы с тобою вдвоем запрежем вороного коня
И умчим по дорогам судьбы в наши мысли бредовые.

На скамеечку рядом с собою меня посади,
Под той веткой вишневой, где раньше ночами сидели,
Я щекою прижмусь к твоей теплой, упругой груди
И прикрою глаза под весенний мотив колыбели.

Веточка вишни в саду под окном расцвела,
Тропка к крыльцу твоему под луной проводила,
А любовь, что от Бога дана, нас с тобою свела.
Все, что было в пути нам ушедшее время простило.

Будут песни залиристо петь соловьи под луной,
И кузнечик сонату Вивальди на скрипке сыграет.
Никогда не расстанемся, милая, больше с тобой,
Нас весенняя ночька под вишней в саду обвенчает.

Миражи южной ночи

Вечерний пляж вздохнувший облегченно,
Влюбленных парочки сидящих у костра,
Морской прибой поющий монотонно,
И луч нырнувший в море до утра.

Как будто тень под кашемировую шалью,
Скрывая свет от повседневной суеты,
Ночной мираж, окутав тонкою вуалью,
Нам дарит прелесть южной ночи и мечты.

Ночные запахи, дурман рожденный летом
От распустившихся в раю ночных цветов,
Влекут в неведомое, скрытое запретом...
И ты идти за этим таинством готов.

Мерцанье звезд на темном небосводе,
В туманной дымке месяц голубой
И млечный путь в волшебном хороводе
Хранят изящество и вечности покой.

Все эти звуки, шорохи, движенья
Манят и просят: - «На меня, возьми!»
Вселяя в души первозданное волненье,
Играют в игры странные с людьми.

На безрассудства, глупости толкают,
Зовут на трепетные встречи визави,
Дурманят голову, куда-то увлекают,
Заставив сердце биться от любви.

Душа поет, и муза рифмой льется,
Стремясь в мечтах все это сохранить,
И от которых на рассвете остается
Волшебных чувств не рвущаяся нить,

На теплой коже нотка терпкого сандала,
Незримый блеск дорожки лунной в волосах
И капля красного вина на дне бокала,
И сладкий привкус поцелуя на губах.

Тебя своей любимой называю

Ночь опустила тихо за окном,
Ни зги не видно под замерзшею луною,
Лишь сердце бьется, словно метроном,
Желая встретиться, любимая, с тобою.

Хочу в глаза твои зеленые взглянуть,
Среди зимы увидиться с весною,
В волне морской росинкой утонуть,
Коснуться уст под бледною луною.

Хочу услышать нежный голос твой,
Улыбкой лучезарной насладиться,
Дыханьем трепетным, как чистою водой,
Из родника Священного напиться.

Хочу, как музу, к звездам унести,
На Господа с надеждой уповаю,
Любовь с тобой и дружбу обрести,
Тебя своей любимой называю.

Осень новой любви

Эта осень меня в вихре желтом своем закружила.
Мне прошедшего лета сегодня ни сколько не жаль.
Осень мне в своем царстве до неба костер разложила,
В нем сгорела дотла, растворилась бывалая печаль.

Я тебя, милый мой, всей душою и сердцем любила.
Ты был богом моим, я послушницей в храме была.
Но, скажи, как случилось, что кровь в моем сердце
остыла,
А любовь, не спросившись, в холодную осень ушла?

ПРИПЕВ: Осень, желтая осень,
Ты меня под свое золотое крыло приняла,
Осень, желтая осень,
И, назначив свиданье, навстречу судьбе увела.

Ты нарушил закон, что дается нам свыше при жизни,
Не заметил, как стал разрушаться построенный дом,
Я пыталась тебя вразумить, но поздно плакать на тризне,
Когда Божия кара постигла с Гоморрой Садом.

Эта осень, пришедшая, к жизни меня возвратила.
В сердце кровь разогрела и новую искру зажгла.
В своем вальсе любви, как листок на ветру, закружила,
Унесла в небеса и на землю упасть не дала.

ПРИПЕВ: Осень, желтая осень,
Застелила постель и церковные свечи зажгла,
Осень, желтая осень,
Меня, за руку взяв, в Божий храм под венец привела.

Пейзаж за окном

По чистой стекляшке квадрата оконного
Природа кудесница кистью прошла.
И в этом шедевре художника скромного
На утренней зорьке ЛЮБОВЬ родилась.

Она белым облаком светлая, нежная
На фоне лазури небесных высот,
Как птица свободная и безмятежная,
Навстречу заре к горизонту плывет.

Где деды и прадеды наши влюблялись,
В тот край, где любовь воспевали в стихах,
За честь своих Дам на дуэлях стрелялись,
И музы, как нимфы, парят в небесах.

Душа на Верху, взгляд любви затуманенный,
«Как будто в Раю», - от восторга кричу.
И облаком белым, стрелой подраненный,
Навстречу с мечтой и любовью лечу.

Под этим окном - нежной ласки касание,
И с запахом ветра - природы уют,
Пусть дети и внуки, придя на свидание,
О вечной любви свои песни споют.

Принцесса берёзка

Осенний вид принцессы березка приняла,
Златую нить в прическу кудрявую вплела,
С ней рядом клен строптивый лист кровью обогрил,
К ногам своей любимой все золото сложил.
Он как после попойки одежду разбросал,
Всю ночь свою принцессу- березку охранял.
И я повеса старый, потрепанный судьбой,
Про жизнь свою припомню и постою с тобой.
Прижмусь, прильну щекою я к стану твоему,
Что ждет меня с тобою не скажем никому.
Что забияка ветер свой джаз начнет играть,
Парчу твою златую он в ключья будет рвать,
Тебя в той круговерти мне не прикрыть собой,
Я как и клен бессилён, лишь разведу рукой.
Тебя в хрустальный иней- мороз одеть велит,
Мои- судьба злодейка- виски посеребрят.
В наряде своем белом- ты зиму обмани,
В стволе заиндевелом луч солнца сохрани.
Он лед- в мороз каленый- сожжет в своем огне,
И крону в цвет зеленый окрасит по весне.
Прозрачный сок как слезы по венам побежит,
И нас с тобой березка встряхнет и оживит.
Твой клен- сосед ревнивый- вновь страстью оживет,
Он песнь своей любимой под шум листвы споет.
И я как клен строптивый- восстать, ожить смогу,
Возьму судьбу злодейку, согну ее в дугу,
Под солнцем лед растает, взиграет в сердце кровь,
И оживет природа, несет весна Любовь!

Перестанем на Вы говорить под луной

В море я превращусь, чтобы Вас обнимать,
В колыбели морской Ваше тело качать,
Неустанным прибором колени ласкать
И слова о любви Вам на ушко шептать.
Буду штормом шальным кораблями играть,
Белой пеной морской гребни волн украшать,
Миллиардами брызг буду Вас освежать,
Каплей чистой воды в губы Вас целовать.

Стану вечным огнем, чтобы память хранить,
В Ваших светлых глазах буду искоркой жить,
Вспыхну в поле костром, чтоб тепло отдавать,
Душу с телом в холодной ночи согревать.
В фейерверке огнем разноцветным взорвусь,
И букетом цветов в небеса вознесусь,
Я с Олимпа к стопам Вашим вниз опущусь,
И любовным огнем в вашем сердце зажгусь.

Осень в гости придет, пожелтеет листва,
Серебристой росой заискрится трава,
Буду ветром осенним над лесом кружить,
Чтоб все злато земли перед Вами сложить.
Вам морозной зимой буду верно служить,
Бриллиантовый иней под ноги стелить,
Я в хрустальный узор превращусь в небесах,
А спустившись, растаю на Ваших устах.

Стану красной весной с Вами рядом ходить,
Радость вечной любви и улыбки дарить,
В белой роще гуляя как в светлом Раю,
Свежим соком березовым Вас напою.
Летним утром вдвоем повстречаем зорю,
Вам малиновый звон с пеньем птиц подарю,
Будут петь соловьи день и ночь напролет,
О счастливой любви той, что в сердце живет.

Я садовником стану в Эдеме служить,
Вам букеты цветов по утрам приносить,
Человеком простым перед Вами явлюсь,
Поцелую в уста и в любви поклонюсь.
Все слова, что пропел, сотни раз расскажу,
И со мною по жизни пройти предложу,
Перестанем на Вы говорить под луной
Меня темная ночь обвенчает с тобой.

В зимний вечер

В зимний вечер под вьюги урчание,
Я тебе смс написал,
А в ответ телефона молчание,
Зря надеялся, верил и ждал.
Неужели так заняты руки,
Что нет времени кнопку нажать,
Я замерз о любви и разлуки,
Как мне быть, как волнение унять?

Припев: Телефон молчит, корпус не дрожит,
Твой ответ на дисплей не попал,
Ой мороз, мороз, красно- синий нос
Неужели ты связь оборвал?

Словно в поле гармонь одинокая,
Так печально молчанье твое,
Под окном бьется речка глубокая
Приоткрой мне сердечко свое.
Может кто-то случайно обидел,
Или в душу незвано забрел,
Я глаза твои вечность не видел,
В телефоне ответ не нашел.

Припев: Телефон молчит, корпус не дрожит
И дисплей словно свечка угас,
Что случилось вдруг, где мой верный друг,
Где тот звон, что звучит лишь для нас?

Не томи мое сердце молчанием,
Пару строк напиши не скупись,
Словно в церковь входя на венчание,
Перед входом назад оглянись.
Прочитай в телефоне послание,
Свой ответ в смс напиши,
Под вечернее вьюги урчание
Я ему буду рад от души.

Припев: Телефон звонит, вибротон дрожит
И в ночи засветился дисплей,
Сердце в грудь стучит, а душа кричит:
«Прочитай смс поскорей!»

Памяти погибших шахтёров

Примета есть печальная в народе:
Когда луна скрывает солнца свет,
Жди катаклизмов со здоровьем и в природе -
О том гласит придания завет.

В тот день звенящий ясной синевой,
Как не поверить мудрости примет,
Вдруг город, словно черною каймою,
Накрыла тень, закрыв собою свет.

И содрогнулся мир, когда в шахтовом штреке
Взорвался газ, все сокрушив дотла.
Десятки душ ушли от нас навеки,
Оставив под завалом шахтерские тела.

Сирены грозно над землей завывали,
Смешавшись с плачем жен и матерей,
Спасатели в тот ад попасть спешили,
Чтоб вывести ОСТАВШИХСЯ людей.

Они в дыму на ощупь, в черной пыли,
Сжигая легкие, от ночи до утра
Живых и раненных на солнце выводили
И выносили мертвых на-гора.

Проходчик, слесарь или машинист,
Забойщик, горный мастер, стволовой,
Взрывник, начальник, просто журналист
В подземке все рискуют головой.

Она не разрешает ошибаться
Ни разу, никому и никогда.
Нельзя ни на минуту расслабляться,
Оставит под землею навсегда.

Один за всех и все за одного -
Связала шахта-темная подруга.
И не убрать из связки никого -
В ответственности каждый друг за друга.

И перед теми, что их дома ждут -
Родители, жена, подруга, дети.
Они с шахтером тяжкий крест несут,
Им тяжелей вдвойне на этом свете.

Благословим спустившихся под землю,
В опасный, темный, каменный забой,
Храни Вас Бог, святые ваши семьи.
Пусть обойдут несчастья стороной!

Пусть дети в светлой радости живут
Не зная гимн печального минора
Не дай им Бог увидеть как несут
С разбитой головой шахтера.

Ушедших не забудем никогда,
Запомним тех, о ком в душе скорбим,
Оставим в своем сердце навсегда
И в память обо всех минуту помолчим.

Отчий дом

Там где любовь и доброта
во всем преобладает,
Где детский смех как оберег
звучит не умолкает,
Где словно Ной на свой Ковчег
всех в гости принимают,
Где прародителей своих
и Бога почитают.
Где нет нужды и каждый свой,
друг друга уважают,
А счастье, радость и покой
над очагом витают.
Таков Российский - Отчий дом-
в нем сердце ровно бьется,
Тепло, уютно людям в нем,
так на Руси ведется.

Анатолий ГУЛЯЕВ

Две разных и одинаковых судьбы, двух разных людей

КАЛТАНСКИЙ
БОГАТЫРЬ

(очерк)

*«...Бывает подвигом - минута,
Бывает подвигом - вся жизнь!..»
Геннадий Елин (г.Новокузнецк)*

Так сказал в своём стихотворении, посвящённом Виктору Александровичу Тихонову, бывшему жителю кузбасского города Калтан, опубликованному в предыдущем номере «Усвятской россыпи», новокузнецкий поэт и художник Геннадий Ильич Елин.

Сейчас же мне хочется более подробно поведать вам, об этом замечательном человеке сложной судьбы, у которого, многие годы жизни были сиюминутным подвигом.

Родился Виктор Тихонов 12 октября 1927 года в селе Усыты Прокопьевского района (ныне город Прокопьевск).

Его мать Неонилла Ильинична, была одной из первых прокопьевских (усытских) учительниц; отец Александр Иванович, участник Гражданской и Великой Отечественной войн, большую часть своей трудовой жизни работал главным бухгалтером в «Союзмусе» (в будущем - «Прокопьевском мелькомбинате»).

Окончив усятскую школу-семилетку, Витя продолжил своё образование в Прокопьевской средней школе № 9 (в той, что и ныне функционирует в посёлке Берёзовая роща). Школьные годы его пришлось на военное лихолетье, со всеми его тяготами и лишениями.

После окончания средней школы он поступил учиться на горный факультет Томского политехнического института и, успешно окончив его, был направлен в трест «Осинникиуголь» (тогда «Молотовуголь»).

В то время на угольных предприятиях (как, впрочем, и на предприятиях других отраслей промышленности) была большая нехватка инженерно-технического состава, а уж с высшим образованием и тем более. Поэтому Виктор Александрович почти сразу же был назначен начальником угледобывающего подземного участка на шахту «Шушталепская», одного из самых новых и современных угольных предприятий того времени.

9 сентября 1953 года на участке, где работал Виктор Александрович, случилась авария (заштыбровка ленточного конвейера, с последующим обрывом его ленты). В бригаде ремонтников, занимавшихся устранением аварии, был и молодой начальник участка Виктор Тихонов.

При устранении последствий аварии случилось непредвиденное: ноги Виктора Александровича застряли под транспортёрную ленту на валки...

С тяжелейшими переломами пострадавший был доставлен в больницу. Через день или два после аварии в больницу к Виктору Александровичу направилась представительная делегация, во главе с директором шахты Петром Каминским. Тихонов в это время находился в реанимации, ноги его были в окровавленных бинтах.

После посещения больницы, директор шахты собрал у себя в кабинете совещание, на котором присутствовал весь руководящий состав шахты (надзор). Сразу же посыпались вопросы: «Ну как он?.. Какое состояние?.. В памяти?.. Разговаривает?..»

Каминский откровенно сказал, что боялся заходить к Тихонову в палату. Но Виктору Александровичу сообщили, что к нему пришёл директор шахты... И он окликнул его:

- Пётр Игнатьевич, заходи...

- Захожу и вижу... он сидит на койке и бьёт мухобойкой назойливых мух, а сам, как ни в чём не бывало, напевает какую-то весёлую песню. Я, - говорит Каминский, - не поверил своим глазам...

«Такая сила воли была у Тихонова... В такой момент - мужество и юмор...», - вспоминает события тех дней инженер шахты «Шушталепская», в будущем заместитель главного инженера шахты, секретарь парткома шахты - Маженин Г.П.

Таким Виктор Александрович оставался до конца своей жизни, несмотря на то, что усилия врачей по спасению его ног положительных результатов не дали. В конце концов, обе ноги ему ампутировали: одну по колено, вторую чуть выше...

Виктор Александрович стал инвалидом первой группы, и было ему тогда всего навсего двадцать шесть лет. Всю свою дальнейшую жизнь он передвигался по земле на протезах, в кровь истирая ими «обрубки» своих ног...

Молодая его жена Инна Фёдоровна в это время была беременна. Они ждали первенца.

После больницы, пришлось Виктору Александровичу заново учиться ходить... на протезах. Так началась новая эпоха его жизни: и семейная, и трудовая. Работал Тихонов преподавателем горного дела в Калтанском горном техникуме и преподавателем «КРО» на шахте, начальником отдела кадров шахты, главным инженером Таргайского карьера. Трудился до пенсионного возраста обычных, здоровых людей.

При этом, очень серьёзно и основательно занимался пчеловодством. Любовь к этим маленьким, полезным и очень трудолюбивым насекомым перешла к нему мож-

но сказать -- по наследству, от своего отца.

Пчеловодством Виктор Александрович занимался на профессиональном уровне, до последнего дня своей жизни (умер Виктор Александрович в марте 2007 года, не дожив до своего восьмидесятилетия немногим более полугода). Являлся ведущим специалистом и инструктором, как во многих пчеловодческих хозяйствах Алтая, так и на пасеках местных шахт и пчеловодческих артелей. Любовь к пчёлам привил и своему сыну.

Виктор Александрович
Тихонов.

Виктор Александрович очень любил свою супругу Инну Фёдоровну, вместе с которой прожил большую часть своей жизни. У них родился сын Сергей, а многим позднее и дочь Елена.

Виктор Александрович (будучи инвалидом) построил два больших дома, на приусадебных участках которых развёл фруктовые сады.

Очень не любил и обижался, если в его присутствии кто-то начинал жалеть его, ведь он ни в чём не уступал окружающим его здоровым людям; а во многом и обгонял их.

Иногда, беседуя со своей женой, с присутствием ему юмором, Виктор Александрович говорил: «А что, Иннуля, основные библейские заповеди, в предназначении человека, мы с тобой почти все выполнили: построили даже два дома, деревьёв понасажали, сына и дочь имеем. Дали им высшее образование...»

О двух построенных домах можно вести отдельный разговор. В отношении первого своего дома, который был построен в низовьях Калтана у самой Кондомы (отчего его почти каждую весну и затапливало), Виктор Александрович любил говорить: «О...о, не жизнь была а сказка -- на лодке в дом заплывали... Если бы не жена, ни в жизнь бы его не оставил...»

Очень любил Виктор Александрович бывать на природе, в коллективных поездках. С удовольствием занимался охотой и рыбалкой. Везде был душой коллектива. Всем нравились его шутки, юмор и многочисленные песни разного жанра и содержания, от старинных русских романсов до современных шлягеров.

Приезжая в гости к своим родителям в

Прокопьевск (Усыты), родственникам любил рассказывать о рыбалке и охоте, особенно возился с местной дятловой, всегда крутившейся возле него. То рассказывал, как в тайге «ходил» на медведя, то ещё на какого-то крупного зверя, то на глухарей или рябчиков... Много он, вероятно, тут же и сочинял, но у слушавшей его ребятни восторгам не было границ...

Каждый прожитый день давался Виктору Александровичу очень тяжело - в кровь истирая ноги, он вынужден был в конце дня лечить их. И эти свои вынужденные процедуры всегда пытался превратить в шутку, если при этом присутствовали какие-то посторонние люди: «Живу очень хорошо, как царь какой-то или король: сами видите - сижу парю свои ноги, а вокруг меня все бегают...»

Очень редко, когда ему совсем было невыносимо от боли, он признавался жене: «Как же сильно они у меня болят...»

В последние годы своей жизни Виктор Александрович увлекался поэзией, много читал исторической литературы и... очень любил петь песни. У него много было друзей, которые были связаны с ним многолетней дружбой, многим из них он оказывал помощь: как хорошим словом, так и делом.

Очень дорожил он дружбой с сибирским художником и поэтом Геннадием Ильичём Елиным, многими руководителями хозяйств Кузбасса и Алтая, которые нередко бывали в его доме в гостях.

- Виктор Александрович жил честно, трудился честно, а при случившемся несчастье и создавшейся ситуации выбрал для себя и своей семьи очень верный и целенаправленный путь жизни. Так поступают только люди мужественные и со светлой, умной головой и великой силой воли...

Светлой памяти этого замечательного человека, душевного, с выдающимися волевыми человеческими качествами, в то же время удивительно скромного в общении с людьми -- Виктора Александровича Тихонова, посвящаются эти мои воспоминания о нём, - говорит в своих воспоминаниях Г.П. Маженин.

...В марте 2007 года, когда у Виктора Александровича случился очередной приступ, вместе с ним была его супруга Инна Фёдоровна. Видя, что муж чувствует себя очень плохо, она умоляла лечащего врача: «Ну, сделайте...что-нибудь, чтоб ему полегчало...»

Врач ответил: «Всё, что могли, мы делали и сделали... Пятый инфаркт!.. Благодарите Бога, что он и так отпустил ему так много лет жизни... при его-то физических данных...»

После этого она сидела возле постели мужа и, молча, плакала, а ей хотелось кричать на весь мир: «Витя милый мой, не умирай! Как же я жить буду без тебя?..»

Он виновато улыбался ей и, пока билось его сердце, пальцами гладил её руку... Через полчаса Виктор Александрович умер...

Начав повествование со слов, взятых из стихотворения Геннадия Елина, ими же хочется и завершить:

*«...Пройти по жизни с гордым чувством,
Душой ничуть не покривить,
Упрямать недуг свой и муки,
И от сочувствующих скрыть!»*

*Дано не всем! Я в том уверен!
И я, наверно бы -- не смог?!
И от того мой путь проверен:
Твой подвиг мне взлететь помог!..»*

Мир не без добрых людей!

(рассказ)

В середине восьмидесятых, когда Михаил Горбачёв «с открытым забралом» и по всему фронту «двинул» против одной из главных русских бед – пьянства, своей антиалкогольной политикой. Начались вырубки виноградников и прочих алко-голенесущих насаждений... и очередное окрестьянивание населения, в том числе и военного (хотя и без того в каждом из нас отроду стоял человек – с лопатой!) Отняли у коллективных и государственных собственников земли огромные деляны и нарезали всем желающим. Повсеместно от Чёрного моря, Северного Ледовитого океана до острова Сахалин на Дальнем Востоке повелели: на каждом из выделенных участков вырастить сад!

В Крыму, где я в то время жил, это возможно (если есть вода для полива). И дачи начали расти, словно грибы после дождя. Обзавёлся дачей и я.

Находясь в очередном отпуске на своей малой родине, договорился с родственником, работавшим на одной из кузбасских шахт, об изготовлении на шахтовой пилораме (естественно, за мой счёт) плах определённой длины и приблизительно такого объёма, сколько вошло бы в пяти-тонный железнодорожный контейнер.

И вот на шахтовой пилораме, на законных основаниях, заодно с выполнением основной производственной задачи выполнялась и частная. В этом технологическом процессе я выполнял самую простую работу: принимал распиленные доски и складывал их в штабель для замера.

В процессе выполнения этой работы, заметил недалеко от себя копающегося в куче отлёта (отхода от распиловки брёвен, не годного для прямого назначения в нуждах предприятия) какого-то деда. Он выбирал из огромной кучи отходов мало-мальски пригодные для частного подворья доски и складывал их на тележку. Вид у деда был какой-то необычный. Было в

нем что-то непонятное.

В обеденный перерыв, когда большинство работников пилорамы взялись за свои «тормозки», а кое-кто из них задремал, я вышел с территории пилорамы и закурил. Дедок притомившись тоже отдышал. Увидев меня, поднялся со своей тележки и, необычно переваливаясь с ноги на ногу, подошёл ко мне.

Поздоровавшись громким голосом, препроводил сказанное в мой адрес поклоном головы.

Я поздоровался с ним также, но в несколько ускоренной темпе. После взаимных благопристойных обращений друг к другу, дедок как-то стеснительно попросил у меня закурить. Я, молча, подал ему пачку с сигаретами. Взяв одну сигарету, он тут же вернул пачку обратно, с много-словной своей благодарностью в мой адрес якобы за содеянное благородство с моей стороны в отношении его (словно угощение одной сигаретой – высшее проявление благородства). После чего закурил с явным удовольствием.

Какое-то время мы курили молча, каждый думал о своём. Потом разговорились. Я кратко рассказал о себе, своих делах здесь, в данный момент.

То, что я офицер, его явно удивило и, как мне показалось, он не поверил моим словам. Тем не менее, всё с той же внутренней вежливостью произнёс:

– Позвольте мне поведать вам о себе, – сказал он нараспев, как только закончились мои слова, – зовут меня Николаем Ивановичем, фамилия... Неважно какая фамилия, как у всех. На войне был, как и положено было всем моим сверстникам. Отвоевав, слава Богу, вернулся домой живым и невредимым.

Устроился на работу, на одно из предприятий города. Семья у меня была: жена, дети. Всё, как положено. С женой, не скажу, что жили мы душа в душу, но жили не плохо. Я её не обижал, да и она меня тоже.

В общем, жили мы так до тех пор, пока

со мной не случилась беда: попал я в автомобильную катастрофу, раздробило мне в ней ноги. В итоге – отрезали их: одну по колено, вторую чуть выше.

Лежу я после ампутации в палате, приходит ко мне жена, передачу принесла. Посидела возле меня, повздыхала. А потом спокойным голосом говорит: «Извини меня, Коля, но я к тебе больше не приду и забирать тебя отсюда не буду. Зачем ты мне такой нужен – калека безногий».

У меня от услышанного задрожало всё внутри. Захотелось заругаться на неё. Но сдержался, прикусил губу... и сдержался, боль превозмогая.

Потом, когда она ушла, «отошёл» немного и долго-долго думал. Времени, сам понимаешь, было у меня для этого достаточно.

После долгих раздумий решил так: «Бог с ней с женой. Пусть уходит, раз не нужен я ей. У меня кроме неё есть ещё и дочь, и сын. Они-то, поди, от меня не откажутся».

Но и здесь судьба сыграла со мной злую шутку. Дочь с сыном у меня уже взрослые, у каждого из них свои семьи. Сначала они ко мне в больницу приходили, а потом, когда время пришло забирать меня из больницы, перестали заявляться.

Сына я понимаю, у него жена. Я для неё не отец, а свёкор. Со мной тогда возиться нужно было, а ей это конечно было ни к чему. Понятное дело.

Да и с дочкой тоже всё ясно. У неё муж, как бык бодучий, всё не по нему. Хотя я им помогал – очень много помогал, но разве всё это помнится?!

Вобщем, со всеми всё ясно, неясно только, что со мной дальше делать? Попал я в больницу осенью: прошли уже и осень, и зима, весна наступила. На деревьях листочки молодые появились, птички весело зачирикали. А я всё лежу и лежу в своей палате. Жизнь вокруг меня обновляется, а у меня на душе так мутно, что я решил покончить с собой. Начал обдумывать план самоубийства. Попросил мужиков, которые лежали со

мной в одной палате, чтобы меня на подоконник подсадили, чтобы я весной полюбовался. Они сначала согласились, но один из них запротестовал. Говорит: «Не вздумайте, мужики, он в окно выбросится. Я знал одного такого».

В общем, мой план сорвался.

Лежу дальше, обдумываю: как можно повеситься, лёжа в кровати. Кое что придумал. Начал незаметно для всех верёвки сучить. И к этой своей цели был уже близок.

Но тут совершенно неожиданно для меня приехала ко мне в больницу племянница, сестрина дочка и заявила, что забирает меня к себе домой. А у неё своя семья – пятеро ребятишек, а тут ещё и я. Тут уж мне и самому как-то неудобно стало, а она рукой на меня махнула и говорит: «Не печалься дядя, где пять – там и шестой не помеха».

Всё же забрала она меня и домой к себе привезла, сюда. Вот так я в этих краях и очутился.

Потом сделали мне протезишки вот эти. И начал я на них потихоньку учиться ходить. Как маленький ребёнок падал, все руки в ссадинах были. Но научился таки. Теперь на себя всё сам делаю, да и им помогать стараюсь. Вот досочек из отлёта выбрал, забор им... Ой! Не им, а нам чинить начну.

Вот так, молодой человек, мир не без добрых людей! Да и вам спасибо за сигареточку. Ну, я пошёл.

Николай Иванович развернулся и, всё так же неестественно передвигая ногами, пошёл к своей тележке. Подойдя к ней, крепко взял её за ручку и медленно повёз по дороге.

Только теперь до меня дошло, что необычного было в его фигуре и походке – ноги у него были значительно короче, чем у нас, обычных людей.

После этого, я словно находившийся всё это время под наркозом, наконец-то вышел из него, сорвавшись с места, побежал за ним, чтобы помочь. Но Николай Иванович остановил мой порыв движением руки: «Нет, нет! Не надо! Я сам!»

Зарисовки на военно-педагогическую тему

Мичман

(рассказ)

Поезд от начальной точки своего следования находился в пути не многим более одного часа. Пассажиров в вагоне было мало, двери во всех купе были открыты. Но к моему удивлению, моё купе было почти заполнено, не хватало только меня. Через дверной проём я увидел, что моими попутчиками будут трое мужчин.

Самый молодой из них был одет в мундир старшего лейтенанта военно-морского флота. Остальные двое, были более старшего возраста.

По всему чувствовалось, что к флоту они тоже причастны. Один из них был облачён в тельняшку, а у второго тельняшка выглядывала из-под пёстрой рубахи.

Попутчики сидели вокруг столика, ужинали и, по-видимому, выпивали, хотя бутылки с каким-то спиртным на столике у них не было.

Здравствуйте! – поздоровался я. – Попутчиков принимаете?

Мужчины, как по команде, разом повернулись в мою сторону, и, некоторое время молча рассматривали меня. Лица у них были красные, глаза блестели. По их виду я понял, что они изрядно уже подвыпили.

– Пожалуйста, пожалуйста, проходите, присаживайтесь вместе с нами к столу, – сказал за всех тот, который был в тельняшке.

Я поблагодарил его за приглашение и учтиво отказался, сказав, что сыт. Так как действительно буквально за полчаса до посадки в поезд плотно поужинал.

После чего, извиняясь, что не поддерживаю компанию, пояснил попутчикам, что за день сильно устал. Расправил свою постель на верхней полке и завалился спать.

Против чего, как понял, моряки не возражали. Уже лёжа в постели, поин-

тересовался у попутчиков, куда они едут?

– Недалеко, завтра утром, часикам к десяти будем на месте, – особо не распространяясь ответил мне всё тот же человек в тельняшке.

– Видимо это их командир, – подумал я. Но через некоторое время, по разговорам понял, что командиром был молодой старший лейтенант, а этот был мичманом, служившим на их маленьком корабле.

Несмотря на действительно большую усталость за прошедший день, сон ко мне как-то не шёл. С закрытыми глазами я лежал молча, отвернувшись лицом к стенке.

Но не шёл сон и всё, по всей видимости внутренняя обстановка в купе явно не способствовала тому. Не потому, что в купе действительно было шумно, а потому, что стал невольным слушателем заинтриговавшего меня разговора небольшой флотской команды ехавшей куда-то в командировку.

Говорил в основном мичман, остальные его компаньоны лишь изредка ему подкакивали и смеялись.

Разговор шёл о молодёжи, но не на флотскую тему, а так, вообще о подрас-

тающем новом поколении и проблемам, связанным с их воспитанием.

– Я, лично, никакой проблемы в этом деле не вижу, – однозначно и категорично заявил мичман. – Самое главное не надо с ними «сюсюкаться», иначе на шею сядут и погонять будут. В этом я много раз убеждался в своей жизни. Вот, к слову, я и вам поведаю парочку таких случаев.

Живу я на первом этаже большого пятиэтажного дома, под домом у нас подвал.

Так вот, в подвале этом молодёжь устроила этакий притончик. Пьют там они, травку курят и любовные оргии устраивают. Жильцы дома между собой возмущаться начали, а в конфликт с хулиганами вступать боятся.

В моём подъезде на третьем этаже живёт каперанг (капитан первого ранга) – начальник политотдела базы.

По должности и воинскому званию этот «кэп» самый старший в нашем доме. Поэтому-то жильцы дома, естественно в основном женщины, и начали к нему приставать: кто с просьбой, а кто и с возмущением о творящихся безобразиях.

По началу «кэп» как мог от пристаю-

них «отбрыкивался»: то своей занятостью, то ещё чем-то отговаривался. Потом начал обещать, что вопрос этот решит.

И вот в - один из дней, поняв, что отступать ему больше некуда. И ничего лучшего не придумав, сам спустился в подвал.

По-хорошему начал разговаривать со всей собравшейся там публикой, то есть с подростками.

Пытался убедить их в том, что они занимаются, мягко выражаясь, плохим делом, мешают жильцам и так далее.

Прослушав правоучения, молодёжь подняла его на смех.

Тогда, несколько разгневавшись таким оборотом начатого им дела и лично убедившись, что нравоучениями тут ничего не добьёшься, «кэп» заявил им, что вынужден вызвать милицию, а при необходимости прийдёт сюда и флотский патруль, который наведёт здесь порядок в два счёта.

Молодёжь на угрозы в свой адрес прореагировала агрессивно, особо не выбирая выражений, попросила чтобы «папаша» убирался отсюда подобру и поздорову.

А то ведь, неслучайно они могут его и, пришибить, тогда он здесь и останется навсегда!

В общем, начальник вынужден был удалиться восвояси, как говорится, несолоно-хлебавши. А когда он поднимался вверх по ступенькам, то в след ему летел отборный мат юнцов и девиц.

Потом, несколько раз приезжала к подвалу милиция, несколько же раз приходил и флотский патруль: в буквальном смысле слова, один вечер пошвыстят, разгонят компанию, а на следующий они снова там.

Жильцы дома дверь в подвал на замок закрывали, заколачивали её гвоздями.

Молодёжь с «мясом» и со зверским остервенением вырывала все устраиваемые им заплоты и вновь занимала «свою» помещенку, «свою» территорию.

Со временем страсти вокруг подвала разгорелись до такого уровня, что невооружённым глазом было видно: должна пролиться чья-то кровь. Или жильцы дома в запале пришибут кого-нибудь из мальцов в подвале, или молодёжь на смерть «загрызёт» кого-нибудь из жильцов в каком-нибудь тёмном углу.

Глядя на всё это дело, я решил, что без моей помощи жильцам дома не обойтись.

Обращаться за подмогой себе никому и ни к кому не стал. Пошёл в аптеку, купил дымовую шашку для вытравливания клопов.

Вечером, когда вся компания собралась на своём месте, зажёл эту шашку и тихонько бросил в подвал, в окошечко, предварительно закрыв подвальную дверь на замок, на вновь установленную таки защёлочку.

Сам же отошёл в сторонку и наблюдаю, что будет? Не прошло и пяти минут, как в подвале всё «закипело», в дверь забарабанили.

Никто естественно не открывает. Тогда юнцы так поднапёрли, что сорвали эту дверёшку с петель.

Как чумные человек двадцать вылезли на улицу, отдышались, словно из воды повыныривали и с руганью разбрелись в разные стороны.

Недели две в подвал никто не заявлялся.

Наступила тишь да благодать, люди не нарадуются.

Но о том, кто создал им эту радость, тишину и благодать, не знают, даже не догадываются.

«КЭЧ» (Квартирно Эксплуатационная Часть военного гарнизона, по гражданскому — «ЖЭК») дверь навесила, замок поставила.

- Ну вот, - подумал я, - неразрешимая мировая проблема дома, с повесткой дня снята!

Потом иду как-то со службы, смотрю — а замок вырван, замка нет. Видимо выброшен, а из подвала слышатся разговоры, смех и ругань.

Ах вы, гады, - теперь уже разозлился и я, - всё равно я выживу вас отсюда, всё равно будет по-нашему.

На следующий день снова иду в гарнизонную аптеку, снова покупаю, но уже две шашечки.

А вечером, когда шпана вся собралась в подвале и начала ловить кайф, я подлёз дверь в подвал брусом, зажёл обе шашечки и потихоньку подбросил их в одно из выбитых подвальных окошечек.

Всё повторилось, но только значительно быстрее. Поскольку выбить дверь им теперь не удалось, тогда они ломанулись к небольшим и грязным, отроду выбитым, подвальным окнам и боковым лазам.

Ползли оттуда словно черви. Все вылезли.

Прошла неделя, вторая. В подвал никто не идёт. «КЭЧ»: вновь дверь восстановила, замок поставила. Даже окошечки подвальные застеклила по осени. Второй год пошёл, как спокойно живём и, в подвал никто не суётся, словно позабыли про него.

- Так они же могли там задохнуться? А за это, сам понимаешь, тебя бы по головке не погладили, - высказал свои соображения, об услышанном, старший лейтенант.

- Обижаете, товарищ командир. Во-первых, эти шашки не настолько вредны для организма человека, что от их дыма можно умереть. Ну неприятный запах они выделяют, по-русски говоря, вонь. Но она не смертельная.

Во-вторых, для такого пространства, как наш подвал, пара моих шашечек — ничто: окна все разбиты, сквозняк.

В третьих, всё же было под контролем. Я же очень внимательно следил за происходящим там. Если бы я понял, что пацаны задыхаются, то конечно тут же бы открыл дверь, сам бы бросился вывозить их оттуда. В конце-концов, эти шашки можно было просто-напросто выбросить оттуда обратно, через любое из окон и всё.

Но не в этом смысл сказанного мной, мы же разговор-то завели о молодёжи, неуступчивой молодёжи, расхристанной, прибалтённой, ничего не боящейся.

А они подвал освободили. И думаете почему?

Испугались реальной силы выступившей против них. Они, что подумали? Что против них, как минимум, поднялся весь наш дом во главе с каперангом; как максимум, вся наша военноморская база, под командованием всё того же кэпа.

Если бы они узнали, что против них восстал я один...

Они бы на второй же день, после первой моей атаки на них, физически бы уничтожили меня. Сзади - по голове в каком-нибудь тёмном углу, и ищи-свищи.

А так, они в подвале как в мышеловке, а я невидимый.

Возможно, в моём лице вся база. Что за шашечки против них применяются они тоже не знают.

Не глупые, боятся выделяемого шашками дыма, как чёрт ладана. Дума-

ют, что шашки возможно военного назначения с нервно-паралитическим газом типа «Зорин-Зоман».

Поэтому никто из них и не рискнул поднять дымящуюся хрень и выпрыгнуть её обратно в окно.

Смелые дерзкие, а своя шкура дороже, каждый о себе думает. Как известно, у страха глаза велики, поэтому и отступились они от подвальчика.

Могла ли добиться этого же результата милиция?

Однозначно — могла!

Если бы не занималась очковительством и показухой.

Повязали бы всех с первого раза, поддержали бы всех у себя в кутузке, протокольчики бы составили «О нарушении общественного порядка», да под росписи каждому довели, да на учёт бы всех поставили, да родителям бы каждого из них сообщили, чем их чада занимаются, и чем это чревато.

Не приятно ведь такое слушать каждому нормальному человеку.

Смотришь и, перестали бы их чада пиять где ни попаля. Конечно, этот метод по эффективности значительно длиннее моего, но имеет те же перспективы.

Второй случай: Мужики во дворе у нас начали жаловаться, что на машинах у них стали пропадать зеркала, колёса и так далее. Решили - из своих кто-то ворует. Я не поверил.

А тут приехал я как-то на своём стареньком «жигулёнке» домой в обеденный перерыв, зашёл в квартиру — буквально минут на десять.

Выхожу обратно и свою машину не узнал: зеркал нет, колпаков на колёсах нет!.. Посмотрел по сторонам, во дворе никого... И тогда решил я поймать вора.

Купил всё то, что у меня было украдено, поставил на машину, приехал домой и поставил её так, чтобы видно было из окна моей квартиры. Зашёл домой и стал следить. Заранее приготовил шланг с железным наболдашником.

Когда начало темнеть, увидел, что к моей машине подошли два пацана и, начали сбрасывать колпаки.

Я потихоньку вышел из квартиры, подкрался к одному из воришек и со всей силы врезал ему шлангом по спине, потом ещё раз.

Воришка этот бедняцкий выгнулся аж в обратную сторону. Тогда я бросился ко второму, но где там: он как увидел меня со шлангом, так дал стрелочка, что я его догнать не смог. Назад вернулся — первого тоже нет. Но всё, что они успели снять с машины, лежит на месте.

С того дня к чужим машинам в нашем дворе никто не подходит. Своими действиями я остался доволен. А мать того воришки на меня заявление не подала и в часть к нам отправил. Жаловалась, грозилась в милицию, в суд заявить.

А дурного поступка своего сыночка не видела.

Но, заявление-таки не подала, хватило ума, видимо. А от начальства на службе пришлось мне тогда много всевозможных внушений и нравоучений выслушать. Учить-то все могут, а вот дело сделать как надо, это не каждому дано.

И что я вам, братцы, сказать хочу и этим примером: любого человека, совершающего зло, нужно бить по рукам, и вровень с тяжестью совершённого им зла. Иначе этот человек своего проступка никогда не осознает.

Скидок на возраст в наказаниях быть не должно.

Дедовский метод самый справедливый и правильный, через него и поня-

тия к людям приходят. А то ведь, так можно очень далеко зайти.

В первую очередь, в большинстве случаев, конечно же родители виноваты в том, что их дети растут непутёвыми. Вот послушайте, я вам ещё одну маленькую историю расскажу, уже на эту тему.

Как-то года два тому назад приехал я в гости к своей матери.

Мать живёт в глухой деревне вместе со своей дочерью, то есть с моей сестрой и зятем, мужем сестры. Зять работает в колхозе трактористом, семья у него огромнейшая — восемь детей. Старшие семь — все девки, а младшенький последыш, пацанишка. Ванькой его зовут, зять тоже Иван.

Сестра моя, когда начала девок рожать одну за одной, по молодости ещё, то муж ей условие поставил: «Пока парнишку мне не родишь, наследника моего, до тех пор и рожать будешь!» Вот сестра и рожала, мучилась бедная, слезами исходила, а рожала.

Когда, наконец-то, родился пацан, то зять, можно сказать, с самого первого дня его рождения, всех своих домочадцев отстранил от его воспитания. Воспитывает сына только сам лично.

Ну и вот — приезжаю я жарким июльским летом к своей матери. Дома, считай, никого, только моя старая мать да парнишка этот малёнький, вся остальная сестрина семья, вместе с ней и её мужем, работают где-то в поле.

По случаю моего приезда мать застелилась, на стол накрыла, я бутылочку водочки выставил из-за стола — естество, налил стопочку матери, ну и себе, естественно, выпили.

Только я начал закусывать, слышу, парнишка этот на пёчку ползёт и заругался как взрослый деревенский мужик отборным матом.

От роду ему максимум года два с половиной, не больше. Только-только ходить и кое как говорить начал. Я удивился и у матери спрашиваю, что это значит?

- Да, ты ж его за стол с собой не посадил, не пригласил. Вот он и обиделся, - ответила мама. — Отец-то за стол без него не садится, называет его только по имени и отчеству. И мы призывали уже, так же к нему обращаться. Иван Иванович он у нас.

Я понял свою промашку и решил реабилитироваться. «Иван Иванович, пожалуйста, садись со мной за стол», - сказал я и оглянулся в его сторону. Он, явно, слова мои понял правильно, но оказать мне такую честь счёл оскорбительным для себя.

- Пей сам, ё...ный гад! — не повернув в мою сторону головы, сердито ответил мой маленький племянничек, продолжая карабкаться на пёчку.

- Серьёзно обиделся! — понял я, соображая, как придётся оправдываться перед его отцом. Вот это воспитание, представляете кто вырастет из этого вундеркинда?

...Все, слушавшие мичмана, громко засмеялись. Я тоже не сдержался, лёжа на своей полке и присосоединился к общему хохоту.

- Подвожу черту под результатами сегодняшнего дня и разговора: всем по «пять капель», и спать! Завтра серьёзная работа. Голова у каждого должна быть светлой, а глаза — ясными, — сообщил всем своё решение старший лейтенант.

- Принимается, товарищ командир! - ответил за всех мичман. После его слов последовало бульканье разливаемой по стаканам жидкости, в унисон с которым, словно по команде, уснул и я.

Товарищ майор и самовольщики

Рассказ

С начальником технико-эксплуатационной части (ТЭЧ) авиаполка майором Гаврюшиным или просто Гаврюшей, как за глаза называли майора большинство военных авиачасти, у подполковника Брагина, заместителя командира авиаполка по инженерно-авиационной службе (ИАС), в последнее время отношения нормально как-то не складывались. Не сказать, что они были натянуты, как самая тонкая струна на гитаре, но и нормальными называть их явно было неправильным. Причиной обострения взаимоотношений, как считал подполковник, являлся своеобразный характер майора.

Когда-то, давным-давно, подполковник вместе с майором, будучи молодыми лейтенантами, вместе начинали свою офицерскую службу в этом же авиаполку. До капитанов «шли», можно сказать, плечо в плечо. И хотя большой личной дружбы между ними не было, тем не менее, служба их, соответственно, и большая часть жизни протекала на глазах друг у друга и была общей и одинаковой, поскольку служили они в одной авиационной эскадрилье. Это, впоследствии, в какой-то степени и сблизило их.

Брагин, будучи ещё капитаном, заочно окончил академию и, будучи в то время уже старшим инженером авиационного полка, почти сразу же был назначен на освободившуюся вышестоящую должность заместителя командира полка по ИАС. Поэтому в скором времени ему было присвоено воинское звание майора, а по истечении положенных четырёх лет и подполковника.

Гаврюшин к этому времени, находясь на той же должности и в том же воинском звании, перспектив к своему продвижению по службе уже не видел, во всяком случае так думалось ему самому. Но фортуна, дама беспринципная и может облобызать любого, порою даже и не достойного этому. Нежданно-негаданно, Брагин предложил Гаврюшину перейти на освободившуюся вышестоящую майорскую должность - начальником ТЭЧ авиаполка.

Выдвигая Гаврюшина, Брагин обосновывал это своё предложение, командиру полка и во всех вышестоящих инстанциях, не совместно проведенными лейтенантскими гдлами, а волевыми задатками в характере Гаврюшина.

- Высокая требовательность - главная черта в характере любого офицера, а уж тем более в характере командира подразделения. У Гаврюшина она есть, - искренне веря в правоту своих слов, докладывал Брагин всем вышестоящим командирам и начальникам, от которых зависела судьба назначения.

Став начальником ТЭЧ, командиром подразделения, непосредственно подчинённого Брагину, получив воинское звание майора, Гаврюшин стал совершенно другим человеком. Волевы задатки его характера на глазах у всего личного состава полка переросли в какой-то агломерат (сплав) требовательности и самодурства. Это не нравилось как всем его подчинённым, так и всем его командирам и начальникам. Сам же вновь испечённый майор в своих делах и по-

ступках не видел ничего предосудительного, наоборот, во всём считал себя правым. Он словно ослеп и оглох: ничего не видел, ничего не слышал и, как думалось подполковнику, с каждым днём всё более и более озлоблялся: стервел и сатанел, становился, как цепной пёс, злившийся на всё своё окружение и окружающих. И если бы не цепь, удерживавшая его на своём месте, то он бы на всех кидался и начал бы кусать.

Обстановка в авиационном полку в восьмидесятые годы, как и во всех Вооружённых Силах, с рядовым-солдатским, составом становилась критической. Солдат в подразделениях - авиационных эскадрильях и ТЭЧ, с каждым годом становилось всё меньше и меньше. Наступили времена, когда солдат в любом подразделении части можно было пересчитать по пальцам одной руки, буквально по пять-шесть человек. Выполнение основного их предназначения - обслуживание авиационной техники, на них уже не возлагалось. Солдаты кое-как успевали обслуживать только сами себя. Несли службу в нарядах по казарме, по столовой и изредка ходили в гарнизонные караулы, подменяя роту охраны.

Но, несмотря на то, что солдат в подразделениях становилось всё меньше и меньше, для их командиров и начальников хлопот с ними становилось всё больше и больше. Удивительный парадокс, но это факт, проверенный жизнью.

Видя бесперспективность своей службы: «через день - на ремень...», а то и каждый день, если дежурство было не круглосуточным, солдаты почти в открытую начали не повиноваться старшинам подразделений и своим непосредственным командирам. Почти каждую ночь начали бегать в самовольные отлучки. А там, в основном, употребляли спиртные напитки, попросту говоря, пьянствовали. Возможность наказания их объявлением внеочередных нарядов отпала сама собой, поскольку они и так почти каждый день ходили в наряды.

А гауптвахты в гарнизоне не было. И не то чтобы не было - была, но её закрыл якобы на ремонт, недавно назначенный в полк новый начальник штаба полка, подполковник Цыганов. Ремонт затянулся настолько, что окончание его в ближайшем будущем не просматривался.

Командира полка и начальника штаба, непосредственно отвечающих за состояние воинской дисциплины в части, складывающееся положение дел не стало устраивать. Для нормализации положения дел в солдатской казарме, неизвестно по чьёму предложению, всю срочную службу решили свести в одно подразделение, а именно... в ТЭЧ.

Начальнику ТЭЧ забирать под своё крыло, мягко выражаясь, разболтавшихся солдат, естественно, не хотелось.

- Я буду пахать в поте лица, а другие командиры подразделений (имеются в виду командиры авиационных эскадрилий) со своими начальниками штабов - в «потолок поплёвывать», - гневно со-

крушаясь, говорил везде Гаврюшин и, как мог, сопротивлялся внедрению нововведения в жизнь. Он ругался, доказывал всем своим начальникам свою правоту, но мнение верхнего полкового командования не склонилось в его сторону. Дело дошло до применения кулаков, в самом прямом смысле слова. Придя на совещание к начальнику штаба полка и ведя разговор о передаче всех солдат в ТЭЧ, майор Гаврюшин так рассвирепел, что принялся стучать своим кулаком по столу начальника штаба, да так, что на столе начали подпрыгивать стаканы и графин с водой. Начальник штаба несколько раз пытался ловить свой инвентарь, но не тут-то было, при очередном ударе гаврюшинского кулака о стол графин подпрыгнул на такую высоту, словно к его дну была прикреплена какая-то мощная пружина, и, описав в воздухе кривую упал на пол возле стола и вдребезги разбившись, обдал охлаждающей влагой всех присутствовавших в кабинете, в том числе и майора Гаврюшина.

Начальник штаба по складу характера тоже был горячим человеком, но с подчинёнными старался держать себя умеренно. Тут же Гаврюшин вывел его, что называется, из себя. Начштаба вскочил со своего места и, тоже размахивая в воздухе своими кулаками, заорал во всю мощь своего лужённого горла: «Хам, хам, вон из моего кабинета!»

Гаврюшин, чувствуя, что хватил лишку, как напроказничавший пёсик, «поджал уши» и выскользнул из кабинета вышестоящего начальника.

Вопрос с переводом всех полковых солдат в ТЭЧ в этот же день был решён окончательно (приказом по части), аргументы майора Гаврюшина сочли убедительными.

С этого дня между начальником ТЭЧ и начальником штаба полка началась скрытая война. Гаврюшин пытался склонить на свою сторону Брагина: «Цыган вор, все стройматериалы, полагающиеся для ремонта гауптвахты, к себе на дачу увёз», - при каждом удобном случае говорил он.

Но Брагин принимать участие в не стихийно возникшей полковой ссоре не желал и не поддерживал ни одну, ни другую сторону:

- Пиши рапорт с указанием всего, что ты мне говоришь. Разберутся! Если всё действительно так, начальнику штаба не поздоровится, - всегда отвечал Брагин, - попусту чего языком молоть.

- Всё схвачено, - всегда же, зло отвечал ему майор.

Начальник штаба к позиции Брагина относился с пониманием, можно сказать, положительно. А майору Гаврюшину позиция подполковника не нравилась. У майора появилась неприязнь и к Брагину.

Появлению неприязни способствовали и текущие дела в воинской части, и прежде всего, в подразделении самого майора Гаврюшина.

...Редко каким командиром или начальником довольны все его подчинённые, обязательно найдутся и недовольные, которые жалуются в различные вышестоящие инстанции и вышестоящим должностным лицам на своего

обидчика. Жаловаться на майора Гаврюшина к подполковнику Брагину люди приходили, что называется, пачками. Сначала подполковник пытался переубеждать жалобщиков, говоря им, что командир должен быть требовательным, а на высокую требовательность жаловаться не полагается. Но жалобщики не соглашались с доводами подполковника.

- Командир должен быть требовательным, но справедливым, - отвечали они, - а в требовательности товарища майора Гаврюшина справедливости нет, да что там справедливости, у него нет ни сердца, ни стыда.

Он гребёт всё только под себя, только своё мнение, решения и взгляды считает правильными, с мнением других совершенно не считается, подчинённых своих ни во что не ставит. Он деспот и своим деспотизмом провоцирует своих подчинённых идти на нарушения, в пику ему, - говорили чуть ли не в один голос все жалующиеся.

Подполковник слушал, слушал своих посетителей и, наконец, решил, что нужно принимать меры к зарвавшемуся и неудобному всем майору, официально вызвал его к себе на собеседование.

- Товарищ подполковник, майор Гаврюшин по Вашему приказанию прибыл, - чётко доложил начальник ТЭЧ, войдя в кабинет подполковника.

- Садитесь, Александр Сергеевич! - ответил подполковник и указал рукой на стул, стоявший напротив своего стола. - Разговор у нас будет долгим.

Майор сел на указанное ему место и внимательно, с наглинкой или какой-то своей внутренней издёвкой, уставился немигающими глазами на подполковника.

Брагин положил руки на свой рабочий стол, как прилежный ученик в школе, и тоже начал смотреть майору в глаза. На какое-то время между ними установился какой-то немой диалог, словно театральный спектакль.

«Ну, что учить меня будешь? Ну, ну, давай, попробуй!» - явно говорил и думал майор.

- Эх, Гаврюша... Гаврюша, как же я в тебе ошибся, кончай ерундой заниматься, повернись к людям лицом, - думал подполковник, глядя на майора, и через некоторое время немого диалога произнёс вслух: - Александр Сергеевич, жалуются на вас подчинённые.

- Кто жалуетесь? - скороговоркой выпалил майор.

- Старшина роты, прапорщик Мирзаев, приходил ко мне, сообщил, что вы его егнорить и из армии выгнать грозилесь, - нараспев ответил подполковник.

- Его и убить мало. Зажрался и обчелся, как кот. Делать ничего не хочешь! - в той же манере, скороговоркой ответил майор.

- А сегодня солдаты чуть ли не всей ротой приходили ко мне. Сообщили, что вчера вечером вы не отпустили в санчасть рядового Митько, когда тот плохо себя почувствовал. Ночью, после отбоя рядовому Митько плохо стало, и если бы его не унесли в санчасть на руках, то он, возможно, и умер бы в казарме. Солдаты сказали, что лёгкое у него застывает. Кроме того они сообщили мне, что если бы Митько умер, то в его смерти они обвинили бы только одного майора Гаврюшина.

- Митько садист, бандит и мерзавец! Его место на нарах, а его в армию призывали. Он всё это специально подстроил, - несколько изменившись в лице, ответил майор.

- Все у тебя плохие, Александр Сергеевич, только ты один хороший. Мо-

жет наоборот? Помнишь, что говаривал, в своё время, великий русский полководец Александр Васильевич Суворов: «Плохих солдат не бывает, бывают плохие командиры, офицеры!»

- Не прав был Генералиссимус, да и Вы не правы, товарищ подполковник. Плохие солдаты бывают, и Вы это прекрасно знаете, - с некоторым сожалением ответил майор.

- Ну, если уж Генералиссимус не прав то, что говорить обо мне, подполковнике? В общем так, товарищ майор, я Вас рекомендовал на Вашу должность, я же буду и ходатайствовать о Вашем снятии с неё - по несоответствию и как не справляющегося с возложенными на Вас обязанностями, - повысив голос, сообщил собеседнику своё решение подполковник.

Услышав резюмирующие слова из уст своего начальника, Гаврюшин резко поднялся со своего стула и начал кланяться, скороговоркой приговаривая: «Спасибо Вам, товарищ подполковник! Спасибо, спасибо, отец родной!»

- Паясничашь?! Шут ты гороховый, Гаврюшин, а не майор. Или отсюда, - повысив голос, строго сказал подполковник и планшета ударил по столу рукой.

Гаврюшин выпрямился и, ничего не ответив, вышел из кабинета.

...В воинской части с незапамятных времён был заведён негласный порядок, что заместители командира полка и начальники полковых служб в наряды по части не ходили, зато назначались по очереди ответственными должностными лицами во все выходные и праздничные дни. В итоге, дежурства их оканчивались более частыми, чем наряды у всех остальных офицеров.

Буквально через несколько дней после разговора с майором Гаврюшиным подполковник Брагин заступил на дежурство ответственным по части, то есть фактически остался за командира полка. С утра приняв доклад от дежурного офицера по воинской части, он зашёл в солдатскую казарму, проверил вместе со старшиной роты порядок в спальных помещениях, бытовых и дежурных комнатах.

Проверил, чем занимаются солдаты. Во время обеда посетил солдатскую столовую, качество приготовления пищи проконтролировал, фактически пообещал вместе со своими солдатами, на свободном месте за одним из их столов.

Дежурство подходило к концу. Нарушений и каких-то происшествий в части за прошедший день не было. Подполковник находился в штабе, сидел в своём кабинете, перебирал скопившиеся за последнее время бумаги. Изредка поёживая, потягивался.

- Как будто бы ничего и не делал, а устал чертовски, - сообщил он вслух самому себе, после чего, посмотрев на ручные часы, продолжил в том же духе. — Посижу ещё с полчаса, максимум часок, вечерняя проверка пройдёт, и домой поеду, поужинаю и спать.

Но не успел он ещё осмыслить как следует желаемое, зазвонил телефон.

- Жена, наверное, звонит - беспокоится, домой ждёт, - подумал подполковник и поднял трубку, - слушаю.

- Товарищ подполковник, докладывает дежурный по полку старший лейтенант Петров. Вечерняя проверка проведена. Три солдата отсутствуют, видимо, в самоволке. Что будем делать?

- Что будем делать?! - съязвил подполковник, иронически передразнивая дежурного по части. — Искать, что же ещё. А кто отсутствует-то?

- Рядовые Митько, Выставкин и Глухов, - сообщил дежурный.

- Ясно, еду в казарму, - ответил подполковник и положил телефонную трубку. — Вот тебе и ужин, вот тебе и отдых. Неча загадывать! - выговаривал он теперь уже самому себе.

Рядового Глухова Брагин знал хорошо. Глухов в начале своей службы был водителем на его служебной машине. Но потом за ряд дисциплинарных проступков, в том числе и за употребление спиртных напитков, Глухова с машины Брагин снял.

С Митько и Выставкиным лично сталкиваться ему не приходилось, хотя наслышан о них он был.

- Знаменитая троица, сколько раз я о них слышал. Но лично познакомиться, побеседовать, кроме как с Глуховым, так и не удосужился, - ругал он сам себя, пока одевался и ехал до казармы.

На розыск самовольщиков отправляли помощника дежурного по части и двух сержантов, командиров отделений. Поисковая группа prošлась по гарнизону, солдатским казармам других частей и подразделений, но нигде отсутствующих не нашла.

- Берите дежурную машину и поезжайте по ближайшим к гарнизону деревням. Словом, ищите, - недовольно распорядился Брагин.

Поисковики вновь удалились, через некоторое время доложили, что высезают из автопарка.

Примерно часа через полтора, после начала розыска отсутствующих, в казарму заявился пьяный Глухов, он еле держался на ногах и почти не владел своим языком.

- Где был и что делал? - спросил Глухова подполковник.

- Был в самоволке в соседней деревне. В Бузулаках пил самогон, - ответил заплетавшимся языком солдат.

- А где Митько и Выставкин? - продолжал расспрашивать Брагин.

- Вместе были, идут. Я сегодня очень сильно устал, поэтому разрешите мне лечь спать, я больше не буду, - через силу выдавил из себя Глухов.

Рядовой Глухов после того, как его сняли с машины, добровольно изъявил желание продолжить свою службу в гарнизонной котельной кочегаром. Работа его теперь была хоть и пыльная, но менее контролируемая, и, что самое главное, с большим объёмом свободного времени: закидал уголь в топку, золу вывез и курил.

Дисциплина у солдата ухудшилась ещё сильнее. Глухов стал казарменным пьянчужкой. Но когда он попадался в пьяном состоянии командирам, то всегда чистосердечно признавался во всех своих грехах. Не лукавя, каялся, обещал покончить со всеми своими дурными привычками.

Учитывая искренние раскаяния, тяжёлую и пыльную кочегарскую работу и, в общем, добросовестное её исполнение, Глухова всегда прощали. Но через непродолжительное время он вновь заявлялся в казарму пьяным пуще прежнего, и всё повторялось.

И в этот раз, получив от Глухова хоть какую-то информацию, явно достоверную, подполковник отпустил его спать, поскольку другого варианта у него не было: гауптвахта в гарнизоне так и не работала, а какого-то изолятора для пьяных солдат тоже не было.

Конечно, можно было бы возить их на гауптвахту в соседний гарнизон, к десанникам. Но это было непростым делом: необходимо было предварительно договариваться с соседями и чем-то рассчитываться с ними за эту дорогую услугу.

Иначе нарушителя воинской дисциплины туда не возьмут. Солдаты-на-

рушители прекрасно всё это знали и понимали, поэтому заранее были уверены, что любое их деяние кроме как нелицеприятным нравоучением со стороны командиров больше ничем им не грозит.

Поэтому после отбоя нарушители воинской дисциплины и те, кто её никогда не нарушали, оказывались в одинаковых условиях — ложились спать на свои кровати.

Безнаказанность — главнейшее зло в жизни любого человека, а уж для солдата, нарушителя воинской дисциплины и тем более. Подполковник это знал. Знал и то, что изменить что-то в данный момент в этой несправедливости выше его возможностей.

После отбоя Глухова прошёл ровно час. Остальные самовольщики не появились, группа поиска присела на чем.

Подполковник, поглядывая на часы, нервничал, в голову лезли разные мысли.

- Урядового Митько не всё в порядке со здоровьем. Возможно, он где-нибудь сейчас валяется и умирает. Надо поднимать Глухова, уточнять, где они расстались, и ехать снова, - решил он и направился в сторону комнаты дежурного по полку.

Но подойдя к дежурке, услышал стук внешней двери казармы, после чего отворилась и внутренняя дверь, и в казарму вошёл начальник автослужбы базы тылового обеспечения гарнизона, тоже ответственный по своей воинской части в этот день.

- В машине у меня сидят два солдата, на дороге я их подобрал, документов у них нет. На вопрос - кто такие, не признаются. Посмотрите, может быть, ваши? - обратился автомобилист, приветствуя подполковника.

На опознание подполковник отправил дежурного по полку, волейболиста с крепким телосложением, старшего лейтенанта Петрова, одного из лучших спортсменов гарнизона и дежурного по роте, поскольку сам лично с самовольщиками знаком не был.

Через некоторое время старший лейтенант привёл в казарму обоих солдат. Подполковнику показалось, что старший лейтенант не привёл нарушителей перед собой, а принёс их за шкурки, как напроказничавших котят: одного в левой, другого в правой руке. Поставил их на пол перед подполковником. Действия дежурного по части офицера в отношении солдат, пусть и нарушителей, подполковнику показались недопустимо грубыми, но говорить об этом старшему лейтенанту сейчас он не стал, только наморщил недовольно лоб, словно проглотил какую-то горькую пилюлю.

Некоторое время с кислым выражением лица подполковник молча рассматривал самовольщиков. Хотя ранее и не знал их лично, он сразу же догадался, кто из них кто.

Митько был одет в солдатскую шинель, воротник которой с одной стороны его лица был поднят вверх, с другой «пытался лечь» на своё место на плече. Поясного ремня на нём не было, шинель сидела мешком и явно выглядела великоватой, видимо, была с чужого плеча. Он был невысокого роста и худ, лицо его было болезненно бледным, глаза большие и наглые. Общее выражение лица вызывающее или даже ненавидящее.

Выставкин был одет в авиационную техническую куртку, он был прямой противоположностью своему товарищу по несчастью: коренаст, розовощёк и стыдлив.

По внешнему виду и исходящему от них «кренкому» духу оба солдата явно были пьяны, но в меньшей степени, чем Глухов.

- Где были? - после молчаливого и безоголосного внешнего вида нарушителей спросил подполковник.

- Гуляли по гарнизону, дышали свежим воздухом! - улыбаясь, ответил за обоих Митько. Выставкин, согласившись со словами своего товарища, лишь молча кивнул головой.

- Где и что пили? - задал свой новый вопрос подполковник.

- Нигде и ничего не пили, мы трезвые, - снова за обоих ответил Митько, нагло глядя подполковнику в глаза. После чего, соглашаясь с тем, что прозвучавшими словами, замахал своей головой и Выставкин.

- Да... а?! - явно с удивлением и иронией, в унисон Митько, произнёс подполковник. — Коль так, тогда приглашаю вас, садитесь и пишите объяснительные и подробенско, - тем же тоном произнёс подполковник, показав рукой в сторону бытовой комнаты.

Солдаты, повинаясь, гуськом пошли в указанном им направлении.

Войдя в бытовку вслед за нарушителями, подполковник рассадил их за разные столы, положил каждому по одному листу бумаги и авторучки.

- Пишите, а я тем временем пойду доложу о вашем благополучном прибытии в вышестоящий штаб. Понятно? - впервые повысив голос, спросил подполковник.

Солдаты согласно кивнув ему головами, взяли авторучки и, намереваясь, впервые за день задумавшись, склонили свои головы над чистыми стандартными листами.

Минут через десять, выйдя из дежурной комнаты, подполковник вновь вошёл в бытовку. Комната была пуста, солдаты отсутствовали, объяснительных на столах не было.

- А где самовольщики? - выйдя в коридор, спросил он у идущего навстречу дежурного по роте, сержанта срочной службы.

- Спать легли, - как само собой разумеющееся, удивлённо ответил тот.

- Поднять обоих и сюда привести, - возмущённым тоном, громко проговорил Брагин.

- Есть, поднять обоих, - скороговоркой проговорил сержант и, отдав честь, быстрым шагом пошёл в спальное помещение казармы.

- Разгильдяи, - возмущённо и ворчливо проговорил вслед уходящему младшему командиру подполковник.

Вернувшись в бытовую комнату, остановился напротив висевшей на стене большой политической карты мира. Начал рассматривать на ней то место, где находится он сам в настоящее время. Затем, глазами прочертив по карте прямую, словно впервые начал рассматривать на ней то место, где находилась его малая родина. Мысленно, в какой уже раз в жизни отметив громадность расстояния между двумя этими точками на карте, мысленно же сообщил самому себе и величину этого расстояния: «Да-а, далековато...» - признался он сам себе.

- Товарищ подполковник, они не поднимаются! - прервав его мысленный разговор самого с собой, минут через десять доложил сержант.

- Безобразие! - вновь повторил подполковник. — Доложите об этом дежурному по части и идите вместе с ним, выполняйте приказание.

Сержант ушёл...

Через несколько минут, чуть ли не бегом, вслед за быстро прошедшим по

коридору старшим лейтенантом, сержант вновь промелькнул перед глазами подполковника. После чего в спальном помещении послышался какой-то посторонний шум, после которого через непродолжительное время нарушители вновь стояли перед подполковником.

- Спасибо, вы свободны, можете заниматься своими делами, - сообщил он стоявшему за спинами солдат старшему лейтенанту, явно ожидавшему дальнейших его указаний.

Офицер, молча козырнув ему, удалился.

В бытовой комнате тянуло холодком, форточки на окнах, как и положено, с целью проветривания помещения ночью, были открыты. Поднятые со своих постелей нарушители воинской дисциплины и распорядка дня, стоя перед подполковником в нижнем белье, поёживались и с возмущением глядели на него.

- Где объяснительные? Почему без моего разрешения спать улеглись? - возмущённо, строго глядя на нарушителей, спросил Брагин.

- Писать нечего, мы ничего не нарушали, - вновь за двоих ответил Митько.

- Понятно! - процедил сквозь зубы подполковник и, подойдя сначала к одному затем ко второму окну, закрыл форточки. - Понятно, спать хочется, мне тоже, - продолжал он. - Но это личные проблемы каждого из нас, которые, как известно, находятся на втором месте.

Скажем так, по значению. На первом же месте у нас с вами, как известно, служебные дела. Поскольку мы с вами служивые люди. Согласны с ходом моих мыслей? - сделал паузу в своём правоучении, он внимательно посмотрел каждому из стоявших перед ним солдат в глаза.

И не дожидаясь их ответов на свой вопрос, продолжил:

- Поэтому объяснять своё отсутствие в казарме на вечерней поверке, в письменном виде, вам всё равно придётся. Таков порядок, кстати сказать - не только в армии. Поэтому садитесь по своим местам, вот вам ещё по одному листу бумаги. Пишите. На этот раз оставлять вас одних я не буду.

Солдаты, заметно приуныв от нудного правоучения, с явным облегчением расселись за свои столы.

Выставкин взял лист и что-то начал на нём писать.

Митько же, придвинув к себе свой, демонстративно начал рисовать на нём различные геометрические фигуры: круги, треугольники, звёздочки.

- Что случилось? - спросил его подполковник.

- Буквы забыл, - не моргнув глазом, нагло ответил Митько.

- Как тебе, Митько, не стыдно. По возрасту я тебе в отцы гоюсь, кроме того, я за тебя переживаю. Ты ведь больной... А, скажем так, воинские правонарушения совершаешь чаще любого здорового, - снова взялся за своё подполковник, сев на стул напротив Митько, и почти в упор поглядел в его глаза.

На лице Митько появилось нечто вроде улыбки: «Это моё хобби», - ответил через некоторое время он, растягивая слова.

- Митько, - в тон солдату начал говорить и подполковник, - я много чего плохого о Вас слышал, но не верил в это. Вы надо мной издеваетесь, и я знаю почему. Вы знаете, что я Вам сегодня, сейчас, ничего сделать не смогу. Не смогу я сейчас снять с вас штаны и в соответствии с вашей провинностью оставить на заднице ровно столько сле-

дов от хорошего солдатского ремня, на сколько тянут ваши проступки. Хотя вы именно этого и заслуживаете. Не смогу я вас сейчас же отправить и посадить на гауптвахту, поскольку, как вам известно - гауптвахты, как таковой, в гарнизоне нет. Не могу я вас сейчас даже морально оскорбить словами, тем самым высказать Вам всё то, что я о вас думаю. Не могу. Потому, что закон мне этого не позволяет.

А Вы нагло пользуетесь таким положением, разбродом и шатаниями в стране, сплошной безнаказанностью. Но ничего, я сегодня пожертвую ради вас своим личным временем, сном и так далее. Но и Ваш поступок без воздействия не оставлю сегодня, и Вам, пока не добьёсь своего, спать не дам, не на того нарвались.

Слушая диалог подполковника и Митько, Выставкин тоже прекратил свою писанину, положил на стол авто-ручку и отодвинул от себя свой лист.

Подполковник, протянув руку, взял объяснительную Выставкина. На листе крупными буквами было написано всего лишь две строчки: «Находился в гарнизоне, спиртное не употреблял».

- Понятно! Тогда я буду писать, сейчас сажусь и в вашем присутствии пишу рапорт, с пояснениями, на имя командира нашего полка.

Расписываю всё подробнейшим образом. Описываю, как вы сейчас себя ведёте, как издеваетесь надо мной. После этого дежурный по полку ведёт вас в санчасть и берёт справку у дежурного врача о наличии алкоголя у вас в организме. А он у вас есть, поскольку мой нос это улавливает. Поэтому врач без особого труда подтвердит, что вы пьяные.

Да и Глухов - в своей объяснительной, подтверждает это, - слукавил в последнем подполковник. Потому как объяснительную у Глухова он не брал, информацию от него принял в устной форме.

- Кроме указанного напишут свои объяснительные дежурный по полку и начальник автослужбы Базы. В результате, получится «Дело».

Приобщаю это «Дело» к старым вашим грехам, к объяснительным и рапортам командира вашего подразделения майора Гаврюшина. Глядишь, всем этим и военного прокурора можно будет заинтересовать.

На годик или два продлить кому-нибудь из вас срок службы в Дисциплинарном батальоне.

...Выговорившись, подполковник замолчал и внимательно посмотрел на собеседников. Лица которых несколько посерьёзтели. А глупая улыбка с лица Митько как-то сама собой улетучилась.

- За что боролся, на то и напоролся, - зло думал подполковник, возвращаясь домой под самое утро. Настроение у него было скверное. Всё произошедшее в прошедшую бессонную ночь казалось ничтожным и мерзкопакостным. - Неужели Гаврюша прав? Неужели действительно, куда бы я ни пытался целовать солдата, всегда перед моими глазами будет оказываться его задница?

...Через несколько дней после своего дежурства подполковник передал свой рапорт и весь собранный им материал по «делу» самовольщиков своему командиру полка, со своими предложениями и оргвыводами. Командир, внимательно ознакомившись со всеми документами «дела», отправлять его в военную прокуратуру не стал. Следовательно, и доводить его до суда - тоже. Но добился того, что буквально через несколько дней после произошедшего события всех упоминаемых в рапорте

самовольщиков раскидали по разным воинским частям объединения.

О Глухове и Выставкине подполковник больше никогда и ничего не слышал. А с Митько судьба сводила его ещё дважды.

Засхав как-то после недельной планёрки в вышестоящем штабе, в окружной госпиталь, для свидания со своим товарищем, находившемся там на лечении, подполковник случайно встретил там и своего старого знакомого - Митько. Столкнулись буквально, что называется, нос к носу.

Митько от неожиданной встречи опешил и подсознательно отпрянул в сторону. Но, осознав несуразность своего поступка, остановился, отвернувшись от подполковника в другую сторону.

Подполковник узнал солдата и в его госпитальном одеянии, подошёл к нему и, постучав пальцами по его плечу, попросил его развернуться лицом в свою сторону.

Митько был бледен и серьёзен.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - проговорил он после некоторого молчания.

- Спасибо, и Вам тоже желаю здравия, - ответил подполковник и протянул солдату свою руку для рукопожатия.

- А... - ответил он после рукопожатия и как-то безнадежно махнул своей рукой.

- Чего так?

- Да... здоровья совсем нет, комиссуют меня, наверное, скоро. И вообще... - ответил он.

- Не надо так. Не выписывайся из госпиталя, пока тебя полностью не излечат! Здесь тебе хорошие. Понял меня? На вот тебе гостинiec и никаких, «а...» Ну, давай, выздоравливай, - напутственно и ободряюще произнёс Брагин, протянув солдату один из двух принесённых с собой пакетов с продуктами. Затем, по-дружески похлопав своей рукой Митько по плечу, пошёл в палату своего товарища, где просидел почти целый час.

После посещения товарища, не удержавшись и зашёл в кабинет начальника отделения госпиталя, поинтересовался состоянием здоровья Митько. Врач подтвердил, что солдат серьёзно болен и, видимо, скоро будет комиссован из армии.

Некоторое время спустя, после посещения по служебным делам поселковой администрации, подполковник ехал на свою службу на междугороднем автобусе, который по пути своего следования заезжал на железнодорожный вокзал.

Среди пассажиров, едущих в автобусе, Брагин увидел и Митько. Военной формы одежды на нём не было, ехал он, как говорят военные, по гражданке. Подполковник был озабочен «Решением...», которое он вёз из органов местной власти, поэтому разговаривать с солдатом, а тем более разбираться - почему он так одет и куда едет, ему не хотелось. Он отвернулся и смотрел в окно. Но на этот раз солдат сам подошёл к нему.

- Здравия желаю, товарищ подполковник, - тихим голосом, чуть ли не в самое ухо Брагина, пробормотал Митько. Тот повернул свою голову в его сторону и тоже поздоровался.

- А почему такая форма одежды? - с удивлением спросил он у солдата.

- Всё, служба моя закончилась, комиссовали меня. Подкистую, как я там тогда в госпитале, и говорил. Домой еду. Заезжал тут к вам, с ребятами попрощаться, - ответил Митько и как-то виновато улыбнулся.

В глазах бывшего солдата подполков-

ник заметил искорки сожаления. Видимо, чувство своей вины у него было.

- Ну что, Митько? Первов вы своим командирам и начальникам, мне, в том числе, испортили много. Но зла на вас я не держу.

Сделайте выводы и благодарите судьбу, что она всё же благосклонно обошлась с Вами.

Мог ведь загреметь и под «фанфары», мог оказаться и на скамье подсудимых.

Как человек Вы, видимо, плохой, как солдат, наверное, тоже. Во всяком случае, у меня о Вас осталось такое впечатление.

Кто в этом виноват? Наверное, родители и школа, но только не мы - ваши командиры и начальники. Мы с первого и до последнего дня вашего пребывания у нас пытались лишь поставить вас на путь истинный.

И если это у нас получилось, то, значит, не зря мы тут свой хлеб едим,

...Автобус, медленно подойдя к железнодорожному вокзалу, остановился.

Митько, явно - огорошенный такими напутственными словами своего бывшего начальника, взял саквояж и, не попрощавшись, пошёл к выходу. Но у самой двери остановился и, обернувшись, посмотрел на подполковника, грустно улыбнулся. «Неужели, такой уж и плохой?» - спросил он громко не то у себя, не то у подполковника. Который, услышав его вопрос, молча развёл руки в разные стороны.

Поначалу, выйдя из автобуса, Митько, не оглядываясь, быстрым шагом пошёл в сторону вокзала. Но сделав шаг десять, когда водитель автобуса закрыл дверь и медленно начал трогаться с места, Митько остановился и, повернувшись к автобусу лицом, поставил на землю свой чемоданчик, прижал обе свои руки к сердцу и начал что-то говорить.

По движению его губ подполковник понял, что он извиняется и просит у него прощения.

А когда автобус, разминувшись с ним, начал всё дальше и дальше удаляться, он, держа одну из своих рук прижатой к сердцу, второй, поднятой вверх, прощально помахал уезжающему от него подполковнику.

Видимо, Митько навсегда прощался не только с ним лично, но и со всей своей армейской жизнью и службой. Которой он как солдат ничего хорошего не дал.

Да и служба, наверняка, ему ответила тем же.

Хотя в последнем, по поведению Митько в самые последние секунды... можно и усомниться. Во всяком случае, так думал подполковник.

После выезда на автомобильную трассу, увеличивая скорость, автобус начал быстро удаляться от железнодорожного вокзала, на площади которого остался бывший солдат своей Родины.

Удаляясь от Митько, автобус всё дальше и дальше увозил подполковника - туда, где режут самолёты и, жизнь людская течёт по своим особым законам и меркам.

В сравнении с которыми отдельные человеческие пороки и слабости кажутся настолько мелкими и ничтожными, что заниматься ими, по-настоящему, просто-напросто...не хочется.

Именно поэтому у человечества нет оснований сомневаться в правоте слов Великого Русского полководца.

Он - был, есть и всегда будет прав: «Плохих солдат не бывает, бывают плохие командиры...» - почему-то вновь подумалось подполковнику, вспомнив почти уже забытый давний свой разговор с майором Гаврюшиным.

Беглецы

Рассказ

Подполковника Лукашова Виктора Михайловича, командира базы тылового обеспечения военной авиационной части и гарнизона, я знал хорошо. Это был деятельный командир, постоянно думающий о своей службе и предпринимающий меры к её улучшению.

Вместе с Виктором Михайловичем мы провели не одну бессонную ночь, ломая головы над вопросами поддержания в лётном состоянии нашего Фёдоровского (Кировского) аэродрома в периоды сложных погодных условий. И хотя крымские климатические условия не сравнимы с сибирскими, тем не менее бывали годы, когда крымские зимы с морозами минус двадцать градусов в условиях морского климата, при стопроцентной влажности длились с середины декабря до середины февраля. И если к сибирским все готовятся, то крымские зимы всегда начинаются неожиданно. И фактически каждый раз с катастрофическими последствиями. В городах или иных населённых пунктах выходят из строя котельные и водоводы, в результате их перемерзания, жизнь человеческая замирает. Особо подвержены этой напасти воинские гарнизоны. Если у властей городов и иных населённых пунктов всё же есть хоть какие-то средства и возможности противостояния стихии, то у командования воинских частей и гарнизонов кроме лопат нет ничего. Потому-то не всегда предпринимаемые нами меры были эффективны, именно в такие времена Лукашов дневал и ночевал на взлётной полосе в кабине какой-нибудь тепловой машины или топливозаправщика, где он спал и завтракал, и ужинал где-нибудь за полночь.

Именно тогда, на заснеженном аэродроме, я и сблизился с ним настолько, что мог предугадать последующие его шаги и действия. Между нами завязалась дружба.

Когда я о Викторе Михайловиче узнал всё, как это мне тогда казалось, он сделал такой шаг, которого от него не только я, но и никто другой никогда не ожидал: он демобилизовал солдата, который в части отсутствовал — находился в бегах.

После чего политотдел соединения поднял в гарнизоне такой шум и всевозможные «разбираловки», что всему начальствующему составу стало не по себе. Все, даже самые маленькие начальники и командиры, поминали Лукашова недобрым словом, меня тоже не обошла стороной эта лихая беда. При первом же удобном случае, я подъехал к штабу воинской части Лукашова и зашёл к нему в кабинет:

— Как ты мог до этого додуматься, Михалыч? — напрямую спросил я его.

От услышанного вопроса, лицо Лукашова искривилось в неприятной гримасе, отчего я сразу понял, что задаю ему этот вопрос далеко уже не первым. Тем не менее, некоторое время помолчав, он всё же в который уже раз начал своё подробное объяснение свалившейся на него беды:

— Понимаешь, подчинённых солдат у меня почти пятьсот человек, и ко всем я отношусь одинаково хорошо. Во всяком случае, не хуже, чем к своему сыну. А они мне за это, тем же не платят, каждый сам себе на уме.

То же самое было и с этим солдатом, Карпукhin его фамилия. Служил он у меня в самом лучшем подразделении, в роте старшины прапорщика Дроздова, водителем санитарной машины. Машина у Карпукхина была новая, поэтому служил он, сильно не напрягаясь: прискал с утра в санчасть, делать нечего — заваливайся на боковую. Казалось бы, ну, что ещё надо солдату? Лежи да лежи, служба-то идёт! А он нет, в бега ударился. Прапорщика Дроздова, ты

знаешь?

— Знаю, — ответил я.

И действительно, прапорщика Дроздова я знал хорошо, это был приятный на вид, усатый и не молодой мужчина. По возрасту старшина «подгребал» где-то к пятидесяти годам, но несмотря на это, выглядел он молодо и имел не только приятную наружность, но и приятное внутреннее своё содержание. Он был вежливым как с начальниками, так и с подчинёнными ему солдатами, культурным, начитанным и грамотным человеком. Даже немного застенчивым и стеснительным, как думалось мне, из тех, пусть и не многочисленных случаев, когда мне с ним приходилось общаться.

В казарме у Дроздова всегда была идеальная чистота и порядок. Солдаты его всегда были ухожены и чем-то походили на него самого. Своего старшину солдаты любили и между собой звали его «Батя».

— Так вот, из роты прапорщика Дроздова год тому назад в первый раз убежал этот самый солдат, Карпукhin, — продолжал Лукашов. — Я организовал его поиск, как того требуют всевозможные приказы и распоряжения. Телеграммой сообщил в военкомат, по месту его призыва, сообщил родителям, в военную прокуратуру и так далее. В общем — сделал всё, что от меня требуется в таком случае. Проходит неделя, две, месяц проходит, результат нулевой. Крбкс меня никто и палец о палец не ударил, для поиска и доставки беглеца в часть и к наказанию его за проступок.

Я беспокоюсь, случусь, пишу, а все молчат. Никому нет дела до моего беглеца. Да, что там говорить! Ну, ты сам поразмысли: у меня в части, в бегах находится один солдат. В соседней части — двое. В гарнизоне, в целом, наберётся человек пять. В соединении — десятка два. А в Вооружённых Силах — тысячи?! И, что же? Министр обороны — молчит, правительство — молчит, военная прокуратура бездействует...

А «Комсомолка», эта бульварная газетёнка, как какая-то шавка подзаборная, брешет и косточки наши командирские перемывает. А в суть дела не вникает, в глубину этого зла не лезет.

Название-то какое нарушителям воинской дисциплины придумали — беглецы, то есть, люди, спасающие свою жизнь бегством.

Да какие же они беглецы? Они — дезертиры, уклонисты от воинской службы. И только так надо смотреть на это дело.

Помнишь, как у Распутина, в одной из его повестей. «Живи и помни» кажется, там отлучился солдат с передовой на срок, более разрешённого.

Поймали и расстреляли перед строем, по решению командира без суда и следствия. Поэтому армия и вдевала как нало, и побеждала.

А у нас, что получается? Совершил солдат преступление, а виноваты командиры с деловщиной.

У меня в части, тем более в казарме у прапорщика Дроздова, нет её, этой самой деловщины. Понимаешь — нет! Пусть хоть кто меня проверяет и хоть что со мной делает, если я в чём-то виноват. Пусть с должности снимают, из армии выгоняют, вплоть до того, пусть голову с плеч моих рубят.

Но если я, мои офицеры и старшина, прапорщик Дроздов не виноваты, значит, не виноваты! Значит, нечего и языки чесать. Значит должен нести полную ответственность за свой проступок виноватый, то есть, беглец.

В общем, ждал я, ждал... И через месяц

отправил прапорщика Дроздова к Карпукhinу домой. Съездил старшина и привёз беглеца обратно, в часть.

Когда солдата ещё здесь не было, мне думалось, что при встрече я его на куски разорву. А когда привёз Дроздов живого и здорового Карпукхина, сердце отпустило. Собрал я тогда всех своих офицеров и прапорщиков, предупредил, что бы с головы Карпукхина не упал ни один волосок.

Офицеры и прапорщики в том же духе переговаривали со всеми солдатами — до сдиного. Личный состав части меня понял правильно и поддержал, в правильном понимании этого слова.

Побеседовал я с глазу на глаз, по-хорошему и с этим солдатом Карпукхиным, взял с него слово, что далее служить он будет как положено и без выкрутасов. Допустил его к исполнению обязанностей.

К слову, в беседе со мной Карпукhin никаких претензий к своим командирам и остальным солдатам не имел. И это не для моей «отмазки», претензий у него действительно никаких ни к кому не было.

И, что ты думаешь? Прослужил он, как будто бы нормально, месяца три и опять удрал.

Я снова — отправил сообщения и запросы всем. Снова все молчат.

Время идёт. Снова отправляю посыльного, старшего лейтенанта, командира взвода домой к беглецу. Снова привезли его в часть. Снова провожу беседу с ним, постыдил — обещал вести!

Снова допустили его к исполнению обязанностей. И снова какое-то время служит солдат как будто бы нормально. А когда и служить-то ему осталось всего-навсего каких-то два-три месяца, он исчез опять.

Я снова затеял переписку. Но всё тщетно — воз, как говорится, и поныне там.

Через два месяца, когда срок службы у беглеца окончился, я уволил его из армии установленным порядком, а документы отправил ему по почте. Что мне оставалось делать: самому за ним схватить, в пожки кланяться? Надоехло мне возиться с этим разгильдяем, и пусть хоть кто, хоть как осуждает мой поступок, но посылать за ним капитана или майора я уже не мог. Это до такой степени унизительно, что после этого я не только сам себя, но, наверное, все мои подчинённые уважать бы меня перестали. И правильно бы сделали, слишком много чести я оказывал, дезертиру, — завершил свой рассказ Лукашов и тяжело вздохнул.

...Зазвонил телефон, Виктор Михайлович поднял трубку, выслушал чей-то доклад и с раздражением начал отчитывать докладывавшего.

Я жестом попрощался с подполковником и, поднявшись со своего места, вышел из кабинета.

Услышанное пробками стояло в моих ушах. Чтобы прочистить их — свернул с дороги и направился в казарму прапорщика Дроздова.

Старшина, как всегда, был в казарме. Я поздоровался с ним по рукам и попросил показать всё его хозяйство. Дроздов с великим удовольствием исполнил мою просьбу.

Он водил меня по казарме, по вспомогательным помещениям и комнатам, охотно обо всем рассказывал и пояснял, где и что было сделано им и его подчинёнными. Казарма была хороша и уютна. Возможно, что и не у каждого солдата дома так же хорошо, как здесь. «Но почему же тогда отсюда убегают?» — подумал я и спросил об этом прапорщика.

— Не знаю, — ответил он, — но то, что наш Карпукhin с душком был, то есть, с подлянкой какой-то, это точно. Наверное, и все, так называемые, беглецы такие же.

...Давно уже прошёл в моей жизни этот эпизод, так давно, что я его и забывать начал. Но жизнь сама снова мне о нём напомнила, в другом случае и в несколько иной интерпретации.

Нюня

Рассказ

Заступив на дежурство, я обходил объекты гарнизона. Возле «КПП» солдатского городка, заметил незнакомого и странного на вид мужчину лет шестидесяти, который о чём-то расспрашивал солдат, стоящих в наряде на КПП. Солдаты, в свою очередь ему что-то отвечали.

Я поздоровался и поинтересовался у мужчины, кто он такой и куда путь держит? Дедок оказался словоохотливым и, оставив солдат, переключился на меня:

— К сыну прискал я, товарищ командир! Служит он у вас здесь. А вернее сказать, не служит, а в санчасть лежит. За три месяца его службы я пятый раз сюда прискал. И жена с дочерью тоже побывали. У нас уже сил нет, да и денег тоже. Я и старуха моя — пенсионеры. Детей пять человек, этот младшенький. Старшие сыновья все в армии отслужили, и проблем у нас с ними не было...

А этот почти каждый день домой письма шлёт, в письмах плачется, виселицы рисует и всё одно и то же говорит: «Заберите меня отсюда...», и всё тут...

— Я в казарму ходил, — продолжил он свой рассказ, — все солдаты как солдаты — служат, как положено, никто никого не обижает, не бьёт... В части есть даже солдатик, малюсенький-малюсенький молдаванин. И у него всё в порядке — служба как служба...

А сына моему всё плохо. Запёрся в санчасть и письма домой строчит, одно хуже другого, телеграммы шлёт.

...Мужчина из бокового кармана пиджака вынул десятка полтора телеграмм.

— Все об одном и том же: «не могу, заберите меня...», — повторил он, всером развернув телеграммы. — Очередную телеграмму почтальонка принесла и начала ругать и стыдить меня: «Из ума, — говорит, — вы с бабкой выжили. Над сыном в армии издеваются, а они дома сидят и ручки сложили. Собирайся, отец, и поезжай за сыном, пока он живой ещё».

Старуха моя расплакалась. Делать нечего, собрался я снова в дальнюю дорогу, — завершил рассказ мужчина.

...Солдата, о котором шла речь, я не знал. Но историю эту слышал, поэтому мне захотелось посмотреть на героя.

В палате больного не оказалось. Озабоченная медсестра повела нас с отцом в другую, а затем в третью, где мы наконец и нашли пропавшего.

— Вот он, — с облегчением произнесла медичка, войдя в очередную солдатскую палату. За медсестрой вошёл и я, за мной — солдатский отец. Высокий, симпатичный парень, крепкого телосложения вместе с другими больными солдатами о чём-то мирно и весело беседовал, но увидав нас, а вернее сказать, своего отца, смутился. Отец, поздоровавшись с сыном, обнял его.

Поэтому первым моим впечатлением было несомненное, от только что услышанного отцовского рассказа. После приветствия и короткого замешательства отец предложил сыну выйти на улицу, в беседку.

Сын нехотя согласился. Погода была тёплая, хорошая. Ярко светило солнце, сидеть в тени деревьев, на востерке, было приятно.

В беседке отец сел на лавочку рядом с сыном, я напротив их. Между нами был стол. Ефимович, так назывался отец солдата, в разговоре сразу же начал стыдить своего сына:

— Ну, что ты делаешь с нами, Руслан? Как тебе мать-то свою не жалко? Она ведь всего этого не вынесет, помрёт с горя. В каждом письме виселицы, в телеграммах — угрозы. Что всё это значит? — без остановок спрашивал отец.

Кандыбыч и три письма

Я сидел, молча слушая, наблюдал за ними обоими, не касаясь их разговора.

После нескольких отцовских слов, не обращая внимания на меня, Руслан раскис. На лице у него появилась гримаса, как у капризного маленького ребёнка. Он то и дело истерично, начал класть на стол, на свои сильные руки голову и повторил одно и то же: «Забери меня отсюда, ну, не хочу я здесь служить. Почему мне нельзя служить, как некоторым, которых забрали, возле своего дома? Почему? В казарме меня страшат, грозятся убить или отравить».

Почему те трое, которые убежали из части и пошли на приём к Министру обороны, служат уже у себя дома? Почему? А я торчу здесь, кого я здесь защищаю? - гнуся, лепетал Руслан.

Ефимович начал объяснять сыну, что все возле своих домов служить не смогут. Ведь есть такие места нашей необъятной Родины, где люди вообще не живут. Кто же там служить будет?

Но Руслана отцовские слова не трогали, а - наоборот, даже как будто бы - подзадоривали.

Наконец, не выдержав больше, в разговор между отцом и сыном вступил и я. Рассказал немного о себе, о своей малой родине, так далеко находящейся от места моей службы.

Но и мой рассказ на Руслана не подействовал, он всё так же качал головой и твердил: «Хочу служить возле своего дома».

Тогда я, как бы, стыля солдата, сказал ему, что у него имя-то богатырское - Руслан, символ силы и воли, а он ведёт себя, как какой-то замухрышка.

Но и эти мои слова на солдата не подействовали. Он стоял на своём: «Не хочу тут служить и всё, в казарме меня все ненавидят, убьют они меня или отравят, или я сам повешусь».

- Ну, что тут скажешь, товарищ командир - помогите мне, переведите его в наш город. Пусть служит возле дома. А то ведь, мне ездить сюда за каждым разом сил нет. А если сотворит с собой что-нибудь, кто ответит потом за это? - сказал Ефимович, разведя руками.

Я смотрел на солдатского отца и, понимая его беспокойство, думал: действительно, если эта размания наложит на себя руки, то отвечать за него кому-то придётся. Для родителей - горе, непоправимая утрата для страны и всех её граждан. Но сын-то каков молодец?! Как он только может так цинично издеваться над своими старыми родителями, добиваясь своего.

Мне стало противно. Далее находиться в их обществе я больше не мог и, сказавшись, что много других дел, поднялся.

Ефимович встал тоже. В глазах его я видел ужас и безысходность положения.

- Ну, помогите мне, товарищ командир, - с мольбой в голосе говорил он.

- Не командир я, а заместитель командира. Командир завтра на службе будет, зайдите к нему на приём. Ваш вопрос может решить только он. Переночуете у нас в гостинице, я распоряжусь, вас разместят, - ответил я солдатскому отцу и, пожав на прощание его руку, удалился.

Потом, в течение дня и до поздней ночи, я ещё несколько раз проходил мимо беседки и видел сидящих там в одиночестве отца и сына. О чём они беседовали? Наверное, всё о том же или, может быть, обсуждали какие-то другие свои вопросы.

Через несколько дней, после встречи с солдатским отцом, я зашёл в строевой отдел штаба части и, к своему удивлению, узнал, что увёз-таки солдатский отец своё чадо домой, к новому месту службы.

Как там служитесь теперь этому солдату с богатырским именем - Руслан и слабенкой, подленькой душонкой? Кто виноват во всей этой истории? Я этого не знаю, знаю одно - армия не виновата, это уж точно.

Зарисовка третья: часть первая

Лейтенант Жариков прибыл в полк после окончания Иркутского военного авиационно-технического училища вместе с другими своими однокашниками, его друзьями. Которые иногда называли его по имени - Колькой, иногда по прозвищу - Кандыбычем.

Кандыбыч, можно сказать, что его «подпольная» пожизненная кличка, «прилипшая» к нему с самого раннего детства. Когда-то, когда Колька был ещё совсем маленький, то вместо слова «пошёл», подражая старшим своим товарищам, говорил «пошкандыбал», модным в годы своего детства словечком. Но, не выговаривая этого сложного слова, он коверкал его, произносил лишь часть его - «кандыбал». Так и пошло с тех пор: «кандыба, кандыба». Позднее все начали называть его «Кандыбычем». Он привык к своей кличке, воспринимал её почти как отчество. В какой-то степени даже гордился ею, поскольку, как ему думалось - все его величали с самого раннего детства и тем самым как бы превозносили над собой.

Распределением после окончания училища Кандыбыч был доволен, место своей дальнейшей службы он выбрал себе сам, имел на это право. Отчего в мыслях рисовал для себя грандиозные «наполеоновские» планы и был уверен в реальном осуществлении их и имеющейся перспективе своей дальнейшей службы.

Перспективу в своей службе, он считал как само собой разумеющееся, так как вся его предшествующая этому жизни соответствовала этому.

В школе Колька учился хорошо, занимался спортом и небезрезультатно - имел по гимнастике первый спортивный разряд. Гимнастика сложила его фигуру красивой и атлетической. Он знал это и видел, что любая девчонка в их классе, да что там в классе - и во всей школе, считали для себя великой честью дружить с ним... Но Кандыбыч на девчонок внимания не обращал, он знал, что его «Асоль» на горизонте ещё не появилась.

Отец у Кандыбыча увлекался музыкой, хотя он и не был профессиональным музыкантом, но на нескольких музыкальных инструментах играл не хуже многих профессионалов. Своё пристрастие к музыке отец привил и сыну. Поэтому Колька успешно учился и в музыкальной школе, и на аккордеоне играл уже почти, как и его отец.

На момент окончания школы учителя Кандыбыча - по спорту и музыке, считали, что их лучший ученик пойдёт по их стезе.

Мать у Кольки была учительницей, считалась неплохим педагогом и даже, в какой-то степени - психологом. Она видела, что её сын растёт хорошим мальчиком и не сомневалась в том, что в жизни он выберет достойный себе путь. Поэтому в выборе профессии она на сына не давила, просто была уверена, что любой выбор её сына будет правильным и будет достоин его.

- Пусть сам выбирает себе дорогу, - думала мать.

Сын выбрал:

- В военное училище учиться пойду, мама, - сказал Колька матери, за полгода до окончания школы, - и не переубеждать меня не пытайся, решение окончательное.

Мать удивило решение сына, но пе-

реубеждать его она не стала.

- Ну, что ж в военное, так в военное. Офицерская служба на Руси, всегда была почётной. Пусть идёт. Жаль только, что жить рядом с нами не будет. У военных ведь вся служба и жизнь на «колёсах» да на «чемоданах» проходит. Но сын и там найдёт своё достойное место, - думала мать и смахивала рукой нависавшие иногда на её глаза слёзы.

В военное училище Кандыбыч поступил без проблем, учился легко и очень хорошо - на одни пятерки. Его усердие и старание в учёбе не оставались не замеченными командирами и начальниками. Он был выдвинут и назначен на должность командира курсантского отделения, а затем и заместителя командира курсантского взвода. Сначала получил воинское звание младшего сержанта, а потом - сержанта и старшего сержанта.

Мать гордилась им, а в глубине души - как-то исподволь, признавалась самой себе, что никогда и не сомневалась в успехах сына.

- Всё так и должно было быть..., - говорила она сама себе.

Военное училище, в котором учился Кандыбыч, было в их городе, поэтому Коля часто бывал дома - в увольнениях. Иногда он приходил вместе с друзьями-курсантами. Ребята приносили с собой вино бутылку или две, распивали их, пели курсантские песни, смеялись, слушали музыку. Друзья всегда наливали вино и Николаю. Мать считала сына уже взрослым и не видела ничего зазорного в том, если бы её сын и выпил с друзьями вина. Но Коля всегда принципиально отказывался: «Нельзя мне, мужики, я же командир ваш, а поэтому всегда должен иметь на плечах трезвую голову...» Слыша ответы сына друзьям, мать исподтишка плакала, от счастья.

Шло время, отзвучали звуки прощального марша «Славянки». Коля пришёл домой в новенькой офицерской форме. Он был счастлив. Счастлива вместе с сыном была и его мать.

Николаю предлагали остаться служить в военном училище, но он категорически отказался: «В полк и только в полк, - говорил Кандыбыч, - только там я смогу в полной мере раскрыть свои способности и проявить себя».

- Ну что ж, в полк, так в полк, ему виднее, - думала мать. Она, как и прежде, не сомневалась в правильности принятого решения своим сыном.

...После многолетней дороги, непрерывного стука колёс железнодорожного вагона, Николай шагнул на южную землю - землю, где будет проходить его дальнейшая служба, его дальнейшая жизнь. Что она ему сулит, что даст, станет ли любимой и родной ему, как и его сибирская?

В тот же день он прибыл в расположение своего будущего авиационного полка, представился командиру, его заместителю - главному своему будущему начальнику. Познакомился со своим будущим командиром подразделения, в которое его определили для прохождения дальнейшей службы, с будущей своей работой и личным составом подразделения, в котором ему предстояло служить, как минимум на протяжении двух или трёх лет, как думалось ему.

На очередном общеполковом построении, Кандыбыча вместе со всеми остальными лейтенантами, вновь прибывшими в часть, представили личному составу авиационного полка.

После окончания своего первого ра-

бочего дня молодые лейтенанты вновь собрались все вместе в офицерском общежитии, кто-то предложил отметить начало службы в местном ресторане. Предложение было принято.

Пошёл вместе со всеми в ресторан и Кандыбыч, теперь он был такой же, как и все - «рядовой» молодой офицер, а поэтому посчитал, что чураться и шарахаться от коллектива, ему неприлично, да ещё в такой день.

Поев и в меру выпив спиртного, вышли покурить. Настроение было хорошее, разговаривая, громко смеялись.

Николая в ресторане опекал его будущий подчинённый - прапорщик, который всё знал и был в курсе всех событий в полку и во всей близлежащей округе. На все вопросы прапорщик тут же давал ответы, делая соответствующие выводы и акцентируя внимание молодых офицеров на отдельных незначительных «нюансах». Когда начали «обсуждать» вопросы, касающиеся их дальнейшей служебной деятельности, к ним подошёл какой-то пожилой «мужичок» и сделал замечание...

Прапорщика замечание оскорбило. Он, долго не думая, ударил «незнакомца» кулаком в лицо. Мужичок упал...

Кандыбыч - смеясь, принимая всё происходящее за шутку, поставил мужичка на ноги. Прапорщик - ударил его снова; мужичок снова упал. Кандыбыч снова поднял упавшего.

Всё происходило, как в мультфильме: один бьёт, второй поднимает; первый снова бьёт, жертву, не оказывающую никакого сопротивления.

Разыгравшаяся сцена «веселья» компании, начала раззадоривать и остальных молодых офицеров. Один из лейтенантов держал в руках металлический «дипломат» и, когда жертва в очередной раз начала падать, изо всей силы ударил падающего своим «дипломатом», влопону - как волейбольный мяч...

Как долго бы длился этот «импровизированный спектакль», неизвестно. Возможно, до тех пор, пока «мужичка» не забили бы до смерти. Но, к счастью последнего, на месте происшествия появилась милиция.

Драчунов забрали и увели в милицию. Мужичка увезли в больницу.

На следующий день о драке в ресторане в полку знали все... Лейтенантов и прапорщика из милиции забрали. «Мужичком», или как теперь уже говорили - жертвой, оказался свой же человек, капитан из этого же полка. Который, немало «очухавшись» в больнице и поразмыслив о случившемся, как о полковом ЧП; заранее зная, что его обидчики - братья по оружию и однополчане, тут же и безо всякой злобы простил их, подумав: «Молодёжь, немного выпила, кровь горячая, вот и... С кем в молодости не бывает, зачем же им карьеру портить?»

Но совсем другого мнения придерживался командир полка: «Судить всех, если потребует, то судом военного трибунала...», - говорил возмущённо командир. Такого же мнения придерживалось и большинство офицерского состава воинской части.

...Утром, после ночной отсидки в милиции, придя в свою комнату, Кандыбыч сел на кровать и, низко опустив голову - обхватил её руками. Внутри у него всё обрывалось, его морозило, все поджилки тела тряслись...

- О-о-й-й, ё-ё-й-й!.. Что же я наделал? - стонал он. - Что теперь будет с моей службой, что я скажу своей матери? О-о-й-й, ё-ё-й-й!..

Своя жизнь Кандыбычу казалось оконченной, дальше жить ему не хотелось. И, наверное, останься он в тот момент один хотя бы на один день, то он бы что-нибудь сделал с собой. Но - непосредственный его начальник (начальник группы) желасмого одиночества Кандыбыча лишил: ни на шаг не отставал от него, «таскал» его то к командиру, то к замполиту, то к одному, то к другому начальнику...

- У изверг проклятый, изверг..., - думал Кандыбыч о своём начальнике, ругая в душе и себя, и своего нового командира.

Через несколько дней, когда вышел из больницы избитый капитан, всех молодых офицеров причастных к драке, судили «судом чести, офицерского состава части».

Суд..., учитывая отсутствие каких-либо претензий к лейтенантам со стороны поручавшего капитана, ограничился наказанием виновных лейтенантов в «дисциплинарном порядке» и - постановкой на вид.

Словом, пожурели молодых «проказников» при всём честном народе и отпустили с миром. Основного же виновника, прапорщика - за дискредитацию и за то, что поднял руку на своего старшего товарища, решено было - из армии выгнать. Что и было сделано в скором времени.

На этом, казалось бы, можно было бы и поставить точку. Но человеческая натура такова (не у всех конечно), что ошибки свои и минутные печали долго не меняются...

Поэтому, немного оправившись от потрясений первого дня своей службы в полку, как говорится - «отряхнув пыль с мундира», лейтенанту Жарикову думалось, что он продолжает жить так, как жил до этого.

Непосредственно на своём участке, своём рабочем месте, Кандыбыч освоился очень быстро, даже начал консультировать, в полном смысле этого слова, не только своих ровесников - молодёжь, но даже и тех, которые служили уже по десятку лет и более.

Тем не менее, несмотря на определённые успехи в службе, как-то исподволь он чувствовал, что совершённый им проступок; так сказать - старый грех, как камень, тянет его вниз и не даёт подняться ему в полный рост...

Через непродолжительный срок после первого взыскания, на него наложили второе.

- Не справедливо, - теперь уже думалось ему. - Придираются, ну и пусть придираются. Я свой, всё равно - возьму, я способный!..

Ровно через год взыскание за драку с капитаном с Кандыбыча сняли. Но следом за этим, почти сразу же - наложили следующее. Так и пошло, так и поехало в его службе: наказывают - снимают, снимают - снова наказывают...

Шли годы, своим родителям о качественных переменах в своей жизни и службе Кандыбыч ничего не говорил, оставался для них всё тем же - гордостью, умницей и любимцем...

Иногда он задумывался над своей жизнью, своим новым положением. Задавал себе вопросы, что же произошло, почему в его жизни всё перевернулось с ног на голову? И никак не мог на них ответить.

...Давно уже выгнали из армии его друга, ударили когда-то злополучного капитана дипломатом, другие из его компании перевелись в другие места, уехали из гарнизона. А Кандыбыч всё оставался и оставался на своём месте. Грехи ли его были велики, или прирос он корнями к этой южной земле, что и силой вырвать его отсюда теперь уже было невозможно.

Несколько раз, во времена затишья на своём горизонте, Кандыбычу казалось, что фортуна ему снова улыбается - он продвигался по служебной лестнице вверх. Но через некоторое время снова

скатывался вниз, с большими потерями, чем были прошлые приобретения.

С горем пополам, почти через два срока, Кандыбычу, наконец-то, присвоили очередное воинское звание - старшего лейтенанта. Но через небольшой промежуток времени он снова стал лейтенантом, а затем и младшим лейтенантом.

- Эх, Колька, Колька, - говорил ему его начальник, - твоим бы золотым рукам да такую же голову иметь. Тогда тебе цены бы не было, давным-давно бы в капитанах, или майорах ходил, а у тебя всё - задним умом. Сделашь шаг вперёд и следом на два назад откатываешься.

- А посему, товарищ командир, мне надо за одно место крепко держаться. Хоть зубами. И ни шагу вперёд, и ни шагу назад..., - смеясь, отвечал Колька.

Но смеялся он уже как-то по-особенному: силой, с оттенком злости и отчаяния.

Постепенно фамилия лейтенанта Жарикова в полку стала нарицательной. Командиры всех степеней и рангов зачисляли его в разряд злостных нарушителей воинской дисциплины. Теперь на всех офицерских собраниях, совещаниях или подведениях итогов, в докладах его фамилия всегда упоминалась.

Любой офицер в полку знал, что как только где-нибудь, пусть даже мельком, прозвучит Колькина фамилия, у замполита полка появлялась «зубная боль». По этому поводу даже шутки ходили: «Кандыбыч, пожалей замполита, ты ведь видишь, что у него постоянная опухоль на щеке - то с одной, то с другой стороны», - смеясь, шутили сослуживцы.

- А пусть он зубки свои выдёргивает, чтобы они у него не болели, - смеясь же, отвечал Колька.

- Выдернет - раз, выдернет - два, а потом и ты вылетитишь..., - отвечали ему.

И, действительно, вопрос об увольнении Кольки из армии скоро стал ставиться на повестку дня. Но в его голове не укладывалось то, что его могут выгнать из армии, ему не верилось в это.

- Простят, не впервой, - думал он и небрежно отмахивался от грустных мыслей.

Когда же он наелся, как осенняя муха, не только замполиту, но и командиру авиаполка, командир вызвал его к себе в кабинет для «собеседования». И как только Колька переступил порог его кабинета и доложил о своём прибытии..., командир ударил изо всей силы кулаком по своему письменному столу и громко рявкнул: «Жариков, сукин ты сын, до каких пор будешь терроризировать весь полк?»

От командирского окрика и, особенно от его удара кулаком... Кольке показалось, что всколыхнулся весь кабинет, со стен и потолка посыпалась штукатурка.

Колька, хотя и не принадлежал к трусливому десятку, но тут, как потом он признавался сам себе - струхнул...

- Всё, товарищ командир, «завязываю...», - только и смог он тогда сказать. Но и в этот раз, как позднее оказалось: сказал он лишь то, что хотелось слышать командирским ушам. По сути же своего обещания, своего слова, он вновь не сдержал.

- Ну - смотри мне, Жариков!.. - ответил ему командир, всё тем же грозным голосом и погрозил пальцем.

После слова, данного командиру полка, Колька «лёг - на дно...» - на более длительный срок, о нём никто ничего не слышал - начали «забывать»...

Но сделав один шаг вперёд..., он чувствовал себя как-то неестественно, словно всё его тело кусали блохи, а он не мог пошевелить пальцем, чтобы почесаться... Поэтому скоро он снова отступил на два или даже более шагов назад.

Командир полка метал искры и огненные стрелы, на чём свет стоит - ругал себя и своих заместителей...

- Вот дурак - так дурак..., - говорил ко-

мандир, - кому поверил? Ну, всё, с меня достаточно - выгоняю. И это решение - окончательное...

Долго ходили документы на Колькино увольнение из армии, несколько раз их пересылали туда-сюда, и всё же - Кандыбыча уволили...

После увольнения он долгое время не рассчитывался из воинской части: «болтался», как бездомная собака по гарнизону, пьянствовал со своими теперешними друзьями, последними пропойцами. И когда всем, кто его знал, думалось, что он «подгребаст» к своему логическому концу, Кандыбыч из поля зрения всех исчез в неизвестном направлении.

- «Сделал шаг вперёд...», - то ли со злорадством, то ли с сожалением говорили в гарнизоне некоторые бывшие его знакомые и сослуживцы.

- То, что Кандыбыч сделал «шаг вперёд» - это не главное, главное - удержится ли он на этом, не сделает ли снова два или более шагов назад?... - говорили другие.

Три письма

Письмо первое

Командиру и замполиту воинской части...

Уважаемые товарищи!

Не знаю, к кому из вас попадёт моё письмо, но это и неважно. Важно, чтоб вы на него отреагировали. Дело в том, что нас постигло огромное несчастье, о котором мы даже и не подозревали. Мы получили косвенное известие (ни от вас и ни от сына) о том, что сын наш уволен из армии.

Мы с отцом выведены из строя, мы оглушены, тем более не знаем причин или причины. Что же произошло, а если это действительно так, как это могло случиться? Речь идёт о Жарикове Николае Владимировиче.

Анализируя весь небольшой жизненный путь нашего сына, мы не находим ни малейшей предпосылки для какой-то драмы в будущем. Рос он у нас трудолюбивым и целеустремлённым мальчиком. Во втором классе самостоятельно записался в спортивную секцию гимнастики и до окончания школы не бросал её, позднее увлёкся музыкой и окончил музыкальную школу, увлекся техникой и к тому же хорошо учился в общеобразовательной школе.

Был активен во всех делах школы. Защищал честь школы и города в спортивных соревнованиях, математических конкурсах, в художественной самодеятельности и во многом другом. Имел много похвальных грамот и благодарностей, в том числе и нам за хорошее воспитание сына. Его любили все, им гордились мы, наши друзья, знакомые, соседи, сослуживцы по работе, товарищи по школе и учителя.

Времени на пустое времяпрепровождение у него не было, да он его и не знал.

Окончил Николай школу хорошо, мог поступить в любой институт, как ему предлагали, но он настоял на своём - в военное училище. И всё...

За все годы учёбы ни одного замечания, ни одного взыскания, сам отвечал за введенных ему курсантов.

Во время его увольнений в военном училище у нас появлялись и его друзья - курсанты, иногда друзья приносили с собой вино, так делалось и было приятным у нас в народе всегда и всеми - поэтому мы не возражали. Но сын наш ни разу не прикоснулся к рюмке: «Мне, ребята, не положено, да я и не хочу и вам не советую увлекаться этим делом...» - говорил он.

Так что нам с отцом его и не надо было предупреждать об этом.

Кроме благодарностей мы ничего плохого и здесь не получали тоже. Закончил сын военное училище с красным дипломом и был направлен в вашу часть...

В каждом письме он писал, что скучает, с огромным нетерпением ждёт отпуска. А отпуск все время откладывался на зиму. «Летели» наши с отцом планы, хотелось отдохнуть с сыном, но, увы...

Ни разу он не пожаловался, что избрал неверный путь. Работу свою любит. Сослуживцы отзывались о нём, как о понимающем в своём деле специалисте, как о хорошем человеке.

Один раз мне удалось приехать к нему в гости. Он очень переживал, что ему не дали день-два, чтобы побыть со мной. А когда я у него заболела, была почти недвижима, его направили в командировку... И что со мной было бы, если бы не совершенно посторонняя женщина - Варя, которая и еду мне приносила, и лечила, и врача вызывала из поликлиники, которая на дому ставила мне уколы...

Ни тогда, ни в какой-то другой раз я не встречалась с вами, но у меня на всю жизнь сохранился горький осадок из-за вашей черствости.

Больше я к сыну не могла присзжать - сильно и серьёзно заболел мой муж, его отец. В каких только больницах он ни лежал, врачи советовали ему на инвалидность пойти, немного отдохнуть, так как в любую минуту может произойти непоправимое. Но он на сто двадцать первый день болезни приступил к работе, так как без работы не мыслит себя.

Сын знал и знает об этом, но, видимо, ни с кем из начальства поделиться этим не мог и по сути дела - один на один - оставался со своим горем.

Мы с отцом предлагали сыну перевестись в наш город, пусть даже в родное училище. Но он по-прежнему стоял на своём: буду служить там, куда меня Родина послала, сам направляться не буду...

Сын гордится своими родителями, и мы этим не злоупотребляем, стараемся в свою очередь быть достойными его.

Его отец двадцать пять лет безупречно отработал на ответственном посту, имеет за свою работу награды, грамоты, благодарности, его портрет установлен на доске почёта.

Я педагог, всю свою жизнь боролась за так называемых «трудных» детей, а такие порой встречались в жизни, даже девочки 8-9 классов были, как говорят, «оторви да брось». Некоторые учителя давали мне советы, как от них отделаться, но я ни от одного и не от одной не «отмахнулась», не «наплевала» на них, а силой убеждения, верой в них - заставила получить образование, выйти в люди. Иначе мне, как учителю, была бы грош цена. Теперь у них работа, семья, счастье, и я горда тем, что они помнят об этом и благодарны мне.

То, как мне было тяжело, знал об этом и сын, он гордился мною и с восхищением говорил мне: «Вот, оказывается, в кого я такой работяга...»

Конечно, у вас методы и приёмы воздействия на людей, ваших подчинённых, несколько иные. Но если вы что-то за сыном нашим замечали, то почему же сразу не дали нам, его родителям, знать об этом, почему? Мы уверяем вас, что всё в корне изменилось бы в лучшую сторону, встало бы на свои места, так как сын нас любит и уважает, а поэтому «прислушался» бы к родительскому слову. Но от Вас за все годы не поступило ни одного тревожного сигнала, ни одного намёка, что наш сын плохо служит, плохо ведёт себя, пьянствует, развратничает и так далее. По сему случаю, мы считаем, что это не просто жестоко, а это преступление с Вашей стороны.

Если бы сын наш был дрянью, мы бы никогда к Вам не обратились за милосердием. Мы всегда прямо смотрели в глаза людям, не прятали их, как сейчас, будто и мы какие-то преступники.

А нам ведь многие завидовали хорошей завистью и прямо говорили: «Какие вы счастливые!» И это действительно было так.

И как теперь прикажете вас понимать? всю жизнь человек был - хорошим и вдруг стал плохим? Так не бывает!..

Мы отдали вам своего сына в возрасте 20 лет, мы верили вам, как никому, ведь он молодой, шустрый и жизнерадостный, жил и работал у нас на глазах. Поэтому искать причину надо не в нём, а в вас. Видимо, дисциплина в вашей части оставляла желать лучшего, а когда стали «закручивать гайки», «полстели и цепки» в назидание другим, по принципу — «не жалко, нас много».

Мы это дело так не оставим, напишем позднее письмо Министру Обороны СССР и М.С. Горбачёву. Виновые за угробленную судьбу должны понести наказание. У нас уже пошатнулась вера в Армию. Мы требуем вернуть нам сына таким, каким мы его вам отдали. Он нам сейчас не пишет.

**22. 12. 1988 г.
Л.А. Жарикова.**

Письмо второе

Здравствуй, уважаемые Людмила Александровна и Владимир Владимирович!

Получив ваше письмо, я ещё раз пережил горечь и сожаление о случившемся с вашим сыном.

29. 10. 1988 года он уволен с действительной военной службы - в запас, за совершенные дисциплинарные проступки, дискредитирующих высокое звание офицера.

Я очень сожалею о том, что раньше к вам не обратился, но поверьте в мою искренность, это диктовалось просьбами Николая с мотивированием того, что сообщение о его недостойном поведении скажется на вашем состоянии здоровья.

До прибытия к нам в часть он имел только положительные характеристики из школы и военного училища. А поэтому до сих пор никак не могу понять, почему с первых дней службы в нашей части он «встал» на путь нарушителя воинской дисциплины.

А именно дело было так:

Николай прибыл в нашу часть после окончания военного авиационного училища в сентябре 1977 года, не прослужив в части даже и одного дня, после «ужина» в ресторане с принятием горячительных напитков, в компании с другими молодыми офицерами и прапорщиком жестоко избил нашего же офицера, гораздо старшего всех их по возрасту - капитана Силаева. Последний в результате нанесённых ему травм, был госпитализирован и несколько дней находился на излечении.

Тогда же всю хулиганскую компанию надлежало отдать под суд военного трибунала и, в лучшем случае - лишив всех офицерских званий, выгнать из Армии.

Но пострадавший простил всех. Поэтому мною было принято решение об осуждении всех драчунов «Судом чести офицерского состава». В итоге ваш сын отделался небольшими материальными издержками в части возмещения нанесённого материального ущерба пострадавшему, получил за свой грубый дисциплинарный проступок «строгий выговор».

Отдав выговор от допущенного нарушения, можно сказать - лёгким испугом, ему следовало бы сделать соответствующие выводы и продолжить службу так, как он шёл к этому...

Но этого сделано не было. Не буду утверждать, что сознательно. Возможно, что проступок и последующее наказание за него Николая шокировали, так как он привык быть всегда первым среди лучших, а тут вдруг стал нарушителем. Возможно, тогда он посчитал, что репутация его испорчена навсегда, авторитет потерял, как говорится - «заклеймён» навсегда, поэтому и покатылся дальше по наклонной плоскости до окончательного своего падения.

В результате, за одиннадцать лет служ-

бы в нашей части, к первому его «строгому выговору» и «суду чести...» прибавилось ещё: четыре «строгих выговора», «предупреждение о неполном служебном соответствии», пять «выговоров», два снижения на одну ступень в воинском звании и ещё два «суда чести офицерского состава». Двенадцать взысканий: шесть из которых - полные на почве злоупотребления спиртными напитками с нарушением правил поведения в общественных местах, попадание в милицию, невыходы на службу без уважительных причин.

Возникает вопрос, почему такого нарушителя воинской дисциплины мы одиннадцать лет терпели в своём коллективе?

В этом и заключается весь парадокс, теперь уже не понятный и мне самому...

И всё же, я думаю, что эта неясность заключалась в том, что наряду с двенадцатью взысканиями Николай имел за свою службу и сорок семь благодарностей, принимал активное участие в общественной жизни части (художественной самодеятельности и спорте), был грамотным специалистом своего дела (товарищи говорили, что он имел «золотые руки»). Указанное давало мне моральное право верить в него.

Но вера моя не оправдалась. На службе, когда рядом с ним были старшие товарищи, он был мастером «золотые руки». Но когда заканчивалась служебное время и он уходил домой, то преображался - в пьяницу и дебошира.

Сейчас, когда можно сказать, что мы совместными усилиями «разобрали его по косточкам», то я вижу, что его необходимо было лишить свободного времени, загрузить работой так, чтобы оставалось ему времени только на сон. Но тогда я этого не знал. Да и не принято с офицерами так работать...

Вопрос об увольнении Николая из Армии ставился несколько раз, по крайней мере - три раза, это точно. Но на собраниях офицеров Николай убедительно заверял всех, что нарушений у него больше не будет, ему верили...

Но после задержания, через непродолжительный срок, всё повторялось снова.

Правда, справедливости ради, надо сказать, что одно время, после объявления ему «строгого выговора» за злоупотребление спиртными напитками - в январе 1986 года, Николай дал слово мне лично и всему коллективу, что с пьянкой полностью покончил. И, действительно, около двух лет спиртного не употреблял совсем. Ему окончательно поверили, были сняты все имевшиеся у него дисциплинарные взыскания, повысили в должности, решили разрешить поступление на учёбу в академию...

В перспективе - рассматривали вопрос о назначении его на должность командира подразделения. В необходимости и целесообразности последнего убедили вышестоящих командиров и начальников, очень сомневавшихся в правоте наших слов.

И снова, в который уже раз, Николай не сдержал своего слова, и после ноябрьских праздников 1987 года, терпение его окончилось - начался запой, с последующими невыходами на службу, приводом в милицию.

Тогда мною было принято решение, как мне казалось - окончательное, об его увольнении.

И всё же - его снова простили (он ездил на приём к командиру нашего объединения, старому, опытному и заслуженному генералу, который ему тоже поверил и «завернул» назад представление на увольнение, сказав Николаю на прощание: «Ладно, служи сынок...»).

Тогда Николая повторно снизили в воинском звании - до младшего лейтенанта.

Не прошло и полугодия после поездки к генералу..., как Николай снова совершил ряд проступков: не вышел на дежурство, а вечером того же дня в нетрезвом состоянии

был доставлен в милицию, устроил там дебош («обиделись», что его — «офицера», задерживают сержанты).

Чаша терпения командования переполнилась. На собраниях и совещаниях его фамилия фигурировала уже как какой-то чёрный флаг, которым махали с целью устранения всех остальных. Кроме того, своим поведением он разлагал молодых офицеров. Поэтому его нужно было вырвать из коллектива, как дурную траву, и с корнем...

Что, в конце концов, и было сделано.

Не хочу вас более гневить и обижать, Людмила Александровна и Владимир Владимирович, но я считаю необходимым сказать вам ещё, следующее:

Во-первых, я очень сомневаюсь, что вы смогли бы остановить своего сына совершать дурные поступки. А если так, то давайте это, пока не поздно, ведь с увольнением из армии жизнь его не окончилась. Он ведь ещё очень молод и всё в своей жизни может изменить;

Во-вторых, ваше обвинение в мой адрес о моей чёрствости несправедливо. Сопоставив даты, вы поймёте, что ездил ваш сын во время вашего приезда к нему и во время вашей болезни - на приём к генералу..., поскольку документы на его увольнение из армии были уже в...объединении. И если бы генерал подписал их быстро, то Николая выгнали бы из армии ещё тогда;

- В-третьих, добродушная женщина Варя, так тепло ухаживавшая за вами, фактически на протяжении многих лет является женой Николая, у неё есть сын, который является вашим внуком. Несмотря на это, Николай законным мужем Вари и отцом её сына до сих пор не стал;

И последнее, вы упрекаете меня в том, что я моим бездушием и чёрствостью довёл вашего сына до теперешнего его состояния. Но, по моему глубокому убеждению, предпосылки к этому, появились...где-то, до его приезда в нашу часть.

Заканчивая своё письмо, я ещё раз хочу сказать вам, уважаемые Людмила Александровна и Владимир Владимирович, если вы можете повлиять на своего сына положительно, то скорее делайте это. Мне и всему коллективу офицеров и прапорщиков нашей части очень хочется, чтобы Николай окончательно не «пропал» и в последующей своей жизни выбрал правильный путь.

**До свидания, с уважением,
командир воинской части -
заслуженный лётчик-испытатель СССР,
полковник В. Васенков.
9 января 1989 года.**

Письмо третье

Город МОСКВА, Кремль. Генеральному Секретарю ЦК КПСС Горбачёву М.С. Уважаемый Михаил Сергеевич!

Поверьте, только огромное горе толкнуло меня обратиться к вам.

Дело в том, что наш сын, Жариков Николай Владимирович, до последнего времени служивший в Вооружённых Силах, в воинской части номер..., уволен из армии за ряд проступков, не достойных звания офицера.

Два месяца мы с отцом ничего не знаем, но потом до нас «дошли слухи», и мы послали запрос в часть. Почти через месяц пришёл ответ за подписью командира полка В. Васенкова, в котором он подтверждает этот факт.

Что мы пережили за это время, одному богу известно!

Сын наш рос достойным человеком и в школе, и в военном училище был в числе лучших. Кроме благодарностей мы ничего никогда не получали. Окончил военное училище и двенадцатилетним юношей был направлен в вышеуказанную воинскую часть.

За все его одиннадцать лет службы ни одного тревожного сигнала из части, ни одного даже намёка на то, что с нашим сыном что-то неладное.

Посылаю выдержку из ответа на наш запрос В. Васенкова: «...я очень сожалею о том, что раньше не обратился к вам, но поверьте в мою искренность, это диктовалось просьбой Николая с мотивированием того, что это скажется на вашем состоянии здоровья. До прибытия в часть он имел только положительные характеристики училища, был один из лучших, и я до сих пор никак не могу понять, что с ним случилось?..»

Что это за панибратство? Кстати, до 1984 года мы с отцом были совершенно здоровы.

Однажды я была у сына в гостях, отзывы о нём от сослуживцев были только хорошие, хвалили как специалиста «золотые руки» и как человека. Тогда мне и в голову не пришло обратиться к начальству, да и оно не изъявляло желания встретиться со мной, хотя все живут рядом и все знали, что я у сына.

Уже теперь мы узнали, что у сына начались тогда срывы сразу же после первого строгого выговора, якобы за избивание капитана Силаева. А сын, наоборот, заигрывал его. Но свои же офицеры, друзья зачинщика драки, упростили сына взять вину на себя. У тебя, мол ни сучка, ни задоринки, а у того уже, видимо, что-то было, и к тому же он ждал пополнения семейства. Сын смолчал, когда ему предъявили такое обвинение, не подумав о последствиях, ему с лёгкой руки приклеили клеймо и чуть что:

«А, это тот, который избил Силаева?..»

Тут он, по всей вероятности, и «сломался».

А замполит, вместо того, чтобы обратиться к нам, его родителям, стал покрывать его проступки, чем и усугубил дело.

Когда попадает в армию плохой солдат или офицер, то во всём винят родителей, школу, училище...

А если случилось обратное..., кого следует винить?

Я и мой муж виним только тех «наставников», которые приложили руку к тому, что стало с нашим сыном. Но мы надеемся, что он ещё встанет на ноги и станет ещё лучше, чем пришёл к нам. Мы тоже как-нибудь переживём такое потрясение, только всю жизнь будем помнить, как кошмарный сон, богом забытое это место.

Мы были с отцом там пять дней, хотели забрать сына, но волокита по завершению дела и безответственность некоторых товарищей помешали этому.

Какая перестройка? Какая борьба за трезвость?

Магазин и пивной бар рядом. Свободная пролажа спиртного, и никому нет дела до пьяных морд, извините за выражение, до патающихся и валяющихся.

Что касается офицеров части, то те похитрее, но это со слов жён офицеров, и я подробности опускаю, пусть это будет на их совести.

Но всё же, если подчинённые видят дурной пример начальства (я не говорю обо всех), то какое моральное право они имеют воспитывать и распекают своих подчинённых за то, в чём сами грешат.

Посылаю вам характеристику на сына за 10 класс и поздравление нам из училища, дабы не выглядело голословным то, о чём я написала.

Прошу вас ответить, права ли я во всём или нет?

Низко кланяюсь Вам за всё хорошее, что Вы делаете своим неустанным трудом для народа.

**С уважением педагог
Л.А. Жарикова.**

P.S: Писала письмо Министру Обороны Д. Язову, но ответа не получила.

Владимир НЕУНЫВАХИН

28 августа в Информационно-досуговом центре «Перспектива» ТУ «Абагур» состоялась презентация электронного сборника «Я пишу для души... Неунывахин Владимир Максимович».

Выпуск диска приурочен к выходу десятой книги В.М. Неунывахина «Всполохи памяти». Цель создания электронного сборника - познакомить читателей с биографией писателя-земляка и дать наиболее полную информацию о его творчестве.

Основное место в электронном сборнике занимает собрание рассказов и зарисовок новокузнецкого писателя, а также публикации в периодических изданиях. Кроме текстов произведений диск содержит литературу о творчестве, методико-библиографические материалы, фотоархив писателя, аудиозаписи рассказов в исполнении автора и интервью, которое Владимир Максимович дал специально для этого издания.

На презентацию приглашены родные и близкие писателя, коллеги по творчеству, деятели культуры г. Новокузнецка и все кому интересно творчество В.М. Неунывахина.

Предлагаем вам главы из новой книги Владимира Неунывахина.

Всполохи памяти

Лирический рассказ-зарисовка

Наверное, нет такого человека, кто бы на склоне лет не вспоминал с теплотой и легкой грустинкой свое детство. Чудная пора, и как жаль, что невозможно хотя бы на минутку вернуться в него, почувствовать всю прелесть беззаботного, кратковременного периода нашей жизни.

У взрослых моего детства была куча проблем: война, послевоенная разруха, изнурительный труд, продукты по карточкам, жизнь впроголодь. Нас, тогдашнюю ребятню, эти невзгоды тоже били, но не наотмашь. Да, они сказывались на нашем питании, на гардеробе, то есть на богатстве нашей одежды, но сказывались чисто внешне, не касаясь наших душ и настроения. Мы были посвоему счастливы и никогда не задумывались о завтрашнем дне, что будет, то будет.

Мне сегодня за семьдесят, и я мысленно все чаще и чаще возвращаюсь в родительский дом, в свою родную деревню Бурановск. Млея сердцем, брожу по улице мимо палисадников и перелазов, пристально вглядываюсь в подслеповатые окна покосившихся изб в надежде увидеть знакомые лица и силуэты бывших односельчан. Вот и дом деда Василия и бабушки Федосьи. Дом по деревенским меркам - солидный, на четыре комнаты, с просторной горницею и высоким крыльцом.

Медленно вхожу в сени со скрипучими половицами, перешагиваю высокий порог, о который в детстве постоянно спотыкался. Милая горница встречает до боли знакомыми ароматами свежеспеченного хлеба, парного молока, ряженки, опарой и печеной картошкой. Эти запахи щекохнут ноздри и вызывают массу воспоминаний. Напротив двери - два окна, разделенные узким простенком, под ними вдоль стены широкая лавка, вплиты к ней добротно сработанный деревенским столяром-умельцем с выскобленной до желтизны столешницей крепкий стол персон на двенадцать, не меньше. Между торцом стола и простенком, отделяющим горницу от соседней светелки, еще одна скамья, образующая прямой угол с лавкой вдоль стены. На ней во время трапез всегда восседал дед Василий Иванович. В обычных деревенских избах данный угол до потолка занимали божницы с древними иконами, обрамленными вышитыми полотенцами. У деда Василия и бабушки Федосьи в этом углу висел портрет Сталина.

Василий Иванович всю жизнь работал на руководящих должностях (председателем

колхоза, председателем сельсовета, заведующим фермой и т. д.). Был высокоидейным и о достоинствах каждого человека судил только по вкладу последнего в строительство светлого будущего человечества. И детей своих Василий Иванович с Федосьей Алексеевной воспитывали в том же духе. А детей у них было много - восемь парней и единственная дочь Варвара, в том числе двое двойняшек: Владимир и Илья, Миша и Гриша (последние были старше меня, племянника, всего на два года). Не подвели сыновья родителя своего, работящими и идейными выросли, выучились, свою трудовую деятельность начали, как и батя, с руководящих должностей. Отец мой, к примеру, в двадцать лет сменил его на посту председателя колхоза. Но я отвлекся.

И вот стою я у порога горницы, а в голове, как всполохи, вспыхивают из былого отдельные картинки событий. Я поражаюсь их яркости и одномоментности, будто вижу со стороны и одновременно испытываю всю гамму чувств, обуревавших меня в то время. Вижу на столе кринку с молоком и каравай духмяного ситного хлеба, «отдыхающего» после жара русской печи под домотканым полотенцем с простенькой вышивкой по концам. Глядишь на них, а рот моментально наполняется голодной слюной.

И новая вспышка. Мне, по всей видимости, не более восьми месяцев от роду, я еще ползаю на четвереньках по полу в горнице. Меня страшно заинтересовало что-то блестящее в темном углу под широкой лавкой за столом, где сидел дед. Жутко, но ползу под стол и лавку, блестящий предмет завораживает, притягивает какой-то магической силой. Протягиваю ручонку и пытаюсь тронуть предмет пальчиком, и тут же обжигает ладошку жгучая боль. Ору благим матом. Дед выдергивает меня из-под лавки за ноги. На пальчике висит капканчик, поставленный кем-то из дедовых сыновей на мышей, которые задолбали своей беготней в ночной тишине...

Слева от входа в горницу весь угол и большую часть простенка занимает русская печь - основной и необходимый атрибут крестьянской избы во все времена. Русская печь не только обогревала всех домочадцев, кормила горячей пищей, но и лечила заболевших людей. Стоило кому-то промочить ноги или простудиться, оказавшись застигнутым непогодой, его тут же отправляли на печь, укладывали на горячую лежанку, укрывали пуховиком или овчинным тулупом, при этом почти насильно

поили горячим чаем с малиновым вареньем или медом и заставляли прижимать голые пятки к жаром пынущему чувалу. Помню, такой экзекуции я подвергался неоднократно. Плакал горючими слезами, когда нестерпимо жгло пятки, и обливался потом, пока сон не забирал меня в свои объятия. Зато назавтра всякую простуду и хворь как рукой снимало.

А еще дедова русская печь запомнилась мне историей с моими валенками, у нас их в деревне звали катанками и пимами. Было мне тогда года два, а может, три. Зима заканчивалась, конец февраля. На дворе - сплошные метели. Младшие двойняшки деда, Миша с Гришей, и я валялись на теплой лежанке печи - на улку играть нас не пускают, и мы изнывали от скуки. Внизу в противоположном углу - загородка, в которой на соломенной подстилке,

изрядно подмоченной мочой, топчет копытцами трехдневный теленок. Это означает, что отделилась бабушкина корова Зорька, и ее новорожденного срочно принесли в дом, чтобы он не простыл в прохладном хлеву. Его будут отпаивать теплым обратом до тех пор, пока он не окрепнет, только потом вернут под теплый бок матери. Загородка начиная с января практически не пустует, в ней периодически меняются малыши: то телята, то ягнята, в хозяйстве все-таки две коровы и два десятка овец.

Миша с Гришей вдруг начинают шептаться, я придвигаюсь к ним, но братья отталкивают, и неожиданно Мишка хватает мои пимы и, подтяв один из них над головой, заявляет:

- Ну все, прощайся со своими пимами. Сейчас брошу в загородку. Теленок и сожрет.

Я пришел в ужас, моментально представив, как теленок, слюнявя, жует мою обувь и тем самым лишает меня последней надежды выйти погулять на улицу. Я начинаю орать, захлебываясь слезами и соплями, истонно умоляю:

- Не на-а-ада-а! Не на-а-ада-а! А в чем я буду ходить на улку?! Не на-а-ада-а!..

Братья хохочут, пользуясь тем, что в доме из старших никого нет, издеваются. Я пытаюсь отнять обувь, но один из братьев держит меня, а второй продолжает размахивать валенком над «пропастью», на дне которой в загородке топчется, еще полчаса назад такой миленький бычок, а сейчас слюнявое страшилище, готовое моментально сожрать мои пимы. Я молю Бога и домового, которые, по утверждению матери, помогают,

когда людям плохо, чтобы они помогли мне, или пришел бы кто-нибудь из взрослых и спас мою обувь от неминуемой гибели. Но, увы, никто не спешил мне на помощь. Мишке надоело размахивать валенком, и он швырнул его вниз. Я зажмурился, уронил голову на скрещенные руки и разрыдался пуще прежнего: все пропало - сидеть мне дома до лета, пока не растает снег и не станет на улице тепло, а эта пора еще долго-долго не придет. Мишка с Гришкой бесновались, захлебывались смехом, толкали меня в бок:

- Смотри, смотри, как теленок лопаet твой пим.

Я долго не мог от охватившего меня горя и страха приподнять голову, но в конце концов пересилил себя и сквозь мутную слезу слез глянул вниз. Телок понуро стоял у дощатого барьерчика и будто дремал, ткнувшись мордой в угол. Мой валенок тоскливо мок в лужице его мочи чуть в стороне. Брательники продолжали хохотать, тыча в меня пальцами:

- Рева-корова! Закатился в крике, дурак. Сопли распустил! Нужен твой пим телку! Мы тебя проверяли, какой ты мужик. А ты размазня и нюня!

- Я не нюня, - вновь заревел я, размазывая слезы по щекам.

Вскоре пришла бабушка, отругала Мишу с Гришей и, почистив валенок, поставила сушиться на прежнее место на русской печи.

Мой отец, как я упоминал выше, уже в двадцать лет став партийным, сменил батю - моего деда Василия Ивановича - на посту председателя колхоза, и они постоянно спорили между собой, кто лучше понимает политику партии в вопросах индустриализации и в борьбе с классовым врагом пролетариата. Но спорили чисто теоретически, не переходя границ родственных и семейных взаимоотношений. Здесь был полный порядок - авторитет родителя оставался непререкаемым. Кстати, как я потом узнал, дед уступил отцу должность председателя колхоза по договоренности, сам ушел на более спокойную работу - возглавил поселковый Совет, ссылаясь на возраст и пошатнувшееся здоровье, что не помешало прожить ему аж до восьмидесяти шести лет, похоронить всех своих сыновей.

Но я забежал.

Отец мой был крупный и красивый мужчина, цыганского облика: черные, как смоль, чуть волнистые волосы, сросшиеся на переносье брови, прямой нос и сочные,

выразительные губы, чуть смуглое лицо и карие с прищуром глаза. При росте в сто восемьдесят с лишним сантиметров весил за сто двадцать килограммов, но не казался грузным. Очень любил ездить верхом, но редко какая лошадь из колхозного табуна могла выдержать его вес. Только два жеребца, Серко и Писдой, могли ходить под таким крепким председателем, не спотыкаясь и не качаясь к вечеру от изнеможения. Жеребцы были рослые, широкогрудые и холеные.

Помню, отец даже на обед из правления присажал на коня. И однажды решил показать меня, сел в седло, а мать с перелазы передала ему меня с рук на руки. Не знаю, сколько мне было, но, по всей вероятности, всего год с небольшим, потому как, оказавшись в седле впереди отца, я пришел в ужас от огромной высоты, хотел развернуться, но плавное покачивание при движении лошади успокоило. Это было такое необыкновенное ощущение и впечатление, что запомнилось на всю жизнь и отпечаталось в мозгу, как воспоминание. А еще запомнился не очень веселый эпизод из жизни нашей семьи, когда я уже несколько повзрослел.

Однажды, возвращаясь из района, при подъезде к колхозным посевным полям отец вдруг увидел огненный пал, бегущий по кромке поспевающей ржи. Спрыгнув с коня, отец кинулся тушить разгорающийся пожар. В горячах скинул пиджак и хлестал им по тлеющей траве, сбивая вспыхивающие пламя. И ему удалось отстоять ржаное поле, хотя и ценой выходного пиджака, который превратился в обгоревшие лохмотья. Только дома хватило, что вместе с пиджаком пострадал и партийный билет, превратившийся в обуглившиеся клочки.

Отца за халатное отношение к партбилету исключили из партии и сняли с должности председателя колхоза. Для него это была трагедия, которая чуть не привела к самоубийству. С трудом оправившись от навалившейся беды, отец в конце концов устроился в сельпо продавцом, и тот период запомнился мне изобилием в доме всяких сладостей, из которых я очень обожал конфеты - подушечки с повидловой начинкой. По отцу не очень-то баловал меня вкусняшками. Это мать в отсутствие его выставляла на стол тарелку со сладостями и позволяла брать все, что понравится.

Отцу, несмотря на то, что я был первенцем, недолюбливал меня. И все из-за того, что я не был похож на него, оказался не смугленьким, а рыжим (якобы в прадеда), был мелковат, рос болезненным и хилым. Только и взял от родителя карие глаза и сросшиеся на переносице брови.

Но я не закончил рассказ о дедушке с бабушкой.

Как рассказывала мать, дед Василий женился на Федосье в двадцать лет в далекие дореволюционные годы. По деревенским меркам - это как раз тот возраст, когда у парня из бабки выстреливается детская дурь и настает мужская пора. Родители берут сватов и отправляются сватать какую-нибудь местную девку. Или едут по соседним деревням в поисках заневестившихся девушек и находят для своего повзрослевшего отпрыска подходящую супружницу.

Василию сосватали Федосью аж в Алтайском крае, в одном из далеких степных сел. И что поразительно, прожив какое-то время после свадьбы, они влюбились друг в друга, да так, что за всю, почти семидесятилетнюю, совместную жизнь ни разу не поссорились и не сказали друг другу ни одного худого слова. Дед был чистоплю, обожал в доме порядок, по характеру был властный и любил руководить (всю жизнь проработал на руководящих должностях). И Федосья подходила ему по всем статьям, была чистоплотна, терпелива, обезоруживающе чутка и никогда не лезла на рожон.

Удивительно, но дед не умел бриться. Дважды в неделю бабушка брала опасную

бритву, правила ее на широком ремне и, усадив деда на табурет посреди горницы, принималась намыливать его заросшие щеки. И я не помню ни одного случая, чтобы она когда-нибудь допускала порезы. Кроме бритвы бабушка отлично владела ножницами и, на зависть всем деревенским мужикам, красиво подстригала не только деда, но и всех своих пацанов, которые, благодаря ее мягкому, но в то же время требовательному характеру, росли послушными и трудолюбивыми.

Дед, выполняя какую-либо работу по хозяйству, любил, чтобы жена находилась рядом. Обновлял ли он заголот из жердей вокруг огорода, Федосья - рядом, поливает из ковшика лунки, чтобы острая кольев легко входила в землю. Если дед Василий занимался своей пасеккой, которая насчитывала около трех десятков ульев и располагалась тут же, в огороде за домом, бабушка помогала ему, сдувала дымарем пчел с рамок. Определив, какие семьи начали запечатывать заполненные соты, дед приступал к выполнению меда. Такие дни для меня с Мишей и Гришей были особыми - сладкими, мы объединялись до горечи в горле свежим янтарным тягучим даром цветов и одновременно спасались на сеновале от рассерженных пчел. И я всегда поражался: несмотря на вторжение в пчелиные обитатели, пчелы деда не кусали, зачастую он работал без защитной сетки и рукавиц, а если какая и жалила - на месте укуса опухоль не появлялась, только красное пятнышко. К счастью, не приносили особых страданий укусы пчел и мне, а Мишка - тот чуть ли не умирал от укусов, у него распухало лицо так, что вместо глаз оставались одни щелочки.

Когда дед качал мед, я обязательно крутился рядом и то и дело предлагал свои услуги:

- Деда, разреши покрутить ручку медогонки.

Дед, зная мою страсть к участию в медодоборе, поощрял это желание и неизменно настаивал:

- Да я не против твоей помощи, только тяжеловато тебе эту ручку крутить, к тому же ее надо умело вращать, с особой скоростью...

- Я знаю, - перебивал я, - ты пропущил раз показывал. А когда устану, ты подменишь.

- Ну давай.

Дед вставлял рамки, и я хватался за ручку.

Медогонка - это та же бочка, в центре которой находился стержень с лопастями, похожими на шипку оконной рамы, куда вставлялись изъятые из ульев рамки с сотами, переполненными изумительно ароматным медом. На верхнем конце стержня с лопастями насажена небольшая коническая шестеренка. Она взаимодействует с такой же шестеренкой на валу рукоятки, находящейся заводную ручку автомобиля. Крутишь эту ручку, вал с лопастями вращается, мед из сотовых ячеек от вращения выбрызгивается на стенки медогонки и постепенно стекает на дно, а рамка с опустевшими сотовыми ячейками снова помещается в улей, где пчелки вновь заполняют их сладким янтарным нектаром. Так вот, вращать вал нужно с определенной скоростью: если медленно - половину меда оставишь в сотах, и это, как говорит дед, никуда не годится; быстро вращать - еще хуже, нарушишь на рамке всю воину, и добытый мед будет перенасыщен восковой крошкой. В среднем темпе, без рывков - самое то.

Перед тем как вставить рамку, заполненную медом в медогонку, дед острым горячим ножом срезал тонкий слой воины, которым пчелы запечатали заполненные ячейки. Эти-то срезы с остатками меда являлись для нас самым лучшим лакомством. Мы их жевали, обсасывая восковые комочки, пока они не переставали источать медовую сладость. А бабушка Федя тем време-

нем приглашала нас за стол и ставила глубокую миску чуть ли не доверху. наполненную тягучим ярко-янтарным медом, отрезала от каравайя по большому ломтю и приговорно строго требовала:

- Ешьте с хлебом. Сытнее. Макайте, макайте. Да не по чуть-чуть, глубже макайте.

И мы старались наперегонки, пока к сладкому не появлялось отвращение, а на животах не натягивалась кожа до предела. Шло время, я потихоньку взрослел, подрастал и братишка.

Мы с ним все чаще делали вылазки в окрестности деревни, познавали мир и окружающую природу. Интересно до жути. Уже тогда во мне начал зарождаться жгучий интерес к живой природе. Я приходил в азарт, когда видел пролетающих или плавающих диких уток, чувствовал непонятную внутреннюю дрожь, услышав всплеск играющей рыбы и видя расходящиеся по волной поверхности круги.

Первый опыт рыбной ловли мы с братишкой освоили в ручье, протекающем через нашу тихую деревню. Весной он, конечно, превращался в бурную речку, а летом журчал по камешкам, и только в омутках глубина доходила нам до пупков. Именно в них мы отводили душу в жаркие дни, плескались, и в них я впервые увидел стайки гальянов, которые снова и снова туда-сюда и сквозь слой воды казались довольно крупными рыбешками. Я сразу загорелся:

- Давай наловим на уху?

- Давай, а как?

Не помню, кому из нас пришла мысль использовать вместо снасти собственные рубаники, а возможно, осенило разом обоих, но мы тут же, скинув их, завязали узлом рукава, а горловины случайно подвернувшись веревочкой и принялись неводить. Однако результативность оказалась ничтожной. Гальяны шустро разбегаются, и в наших «несводах» оказывалось не более двух-трех рыбешек. Тогда мы решили сменить тактику. Братишка становился в самой узкой части того или иного омутка, перегородив русло рубашкой, нижний подол которой на всю ширину прижимался камнями ко дну, а верхний братишка поднимал повыше, так, чтобы получался своеобразный мешок, раздувшийся от напора струящейся воды. Я поднимался выше по течению в противоположный конец омутка и начинал, шумно приплясывая и шлепая по воде ладонками, брести к нашей запруде, которую сторожил братишка. Гальяны в панике улепетывали от моих бултыханий и выстали в расставленную ловушку. И дело пошло. Через полчаса улов превзошел полведра.

Бабушка показала, как нужно легко и быстро удалять внутренности у рыбешек, и вскоре большая семейная сковорода была полна. Бабушка залила сковороду взбитыми яйцами и поставила в русскую печь. Хрустящие гальяны в яичнице оказались обалденно вкусными, и мы не заметили, как умяли содержимое сковороды в течение пятнадцати минут.

И так мы пристрастились к жареным гальянам, что баба Федя не выдержала и взмолилась:

- Да будет вам. Всю речку обезрыбили. Уже в темноте светиться.

- Почему? - ужаснулся мы.

- А потому, что много рыбы едите. Чересчур.

Мы с Генкой - в чулане, проверять, действительно ли светятся в темноте наши животы, руки и ноги. Оглядели себя и вздохнули облегченно - опять баба Федя подшутила над нами. Гальянов ловить перестали, но полностью от рыбалки не отказались. Иногда со взрослыми я ходил с удочками на Кондому, конечно, если парни были снисходительными и разрешали присоединиться к их компании.

Однажды, обследуя наш ручей, за деревней в молодом подростке осинника и берез-

няка обнаружил странное озерцо, небольшое, но весьма глубокое - трехметровой палкой с дном достал. Попытался обойти кругом, и тут ка-а-к плеснет! Будто кто камешку бросил. Я струхнул и - домой.

Вечером поинтересовался у отца, что за озеро в лесочке за деревней.

- Когда-то там горели торфяники, потом водой залило, а весной в половодье из Кондомы щуки на нерест зашли и сейчас расплодилось. Но, по-моему, они уже все пожрали, даже лягушек.

Я на ус намотал и на завтра, наловив гальянов, отправился кормить щук на озерцо, а через два дня, убедившись, что всех моих мальков пожрали, решил изловить хоть одну ненасытную хищницу.

Соорудил примитивную жерлицу, нацепил живца и забросил в озеро. Через два часа приходим с братишкой. Мать честная! На жерлице огромная щука, как на привязи, гуляет. Вытащили и через всю деревню пронесли рыбацкий трофей на кукуане, изготовленном из тальникового прута. Щука колыхалась на кукуане в такт нашим шагам, ее хвост почти касался земли.

Как-то мать пожаловалась:

- Кроты, паразиты, всю картошку своими ходами изрыли и морковку начали таскать. Ребятишки, хоть бы вы как-то отвалили их от огорода.

Стали мы с братишкой думать, что делать, как отвалить зверьков от наших грядок. И придумали. Надо ловить наглцов капканам. И потом, крот хоть и маленький зверек, но ценный, шкурка в то время стоила полтинник, а это чуть ли не три буханки хлеба, но главное - спасение овец.

Отцу нашу идею одобрил и взял напрокат у заготовителя с десяток маленьких капканчиков (первый номер), пообещав расчитать «пушинной». Кстати, мне тогда было около восьми лет, брату - почти шесть, но во многих вопросах деревенской жизни мы уже разбирались и даже кое-что совершенствовались.

Способ ловли кротов придумал я. Дело в том, что ходы кротов обнаружить очень просто: они прокладывают их под самой поверхностью земли, разгребая которую, большую часть выталкивают наверх, и получается насыпь. Сам ход зверька представляет собой туннельчик без выходов на поверхность. Крот, хотя и слепой, но света боится и поэтому ведет подземный образ жизни, где вечный мрак. Он даже ночью не вылезает наверх и не гуляет по траве. Слепота зверьку компенсирована отменным обонянием. Путешествуя по своим ранее проложенным и чужим подземным ходам и прокладывая новые проходы, он чует личинок, червячков и другую съедобную живность на расстоянии и обязательно закусит деликатесом, как бы жертва ни улепетывала от слепого охотника.

Итак, в чем заключался метод ловли кротов капканчиками и их установка? Я вскрывал кротовую насыпь и пожом выкапывал поперек туннельчика квадратное углубление глубиной двадцать - тридцать сантиметров, а длиной и шириной - по размерам капкана. Стенки углубления делал отвесными и аккуратно поправлял туннельчик по обсем сторонам углубления, чтобы зверек не обнаружил вторжения в свои владения. Надис своеобразного окопчика устанавливал настороженный капканчик. Сверху углубление застилалось прутьями, травой и присыпалось землей, чтобы ни один лучик света не проникал в потревоженный и восстановленный путь подземного отшельника.

Обследовав огород по всему периметру, мы обнаружили столько кротовых ходов, что десятка капканчиков нам не хватило пришлось просить еще несколько штук у деда Василия, в чулане которого можно было найти все, что хочешь, натасканное туда за несколькими лет его подрастающими сыновьями.

И моя придумка сработала. Уже на следующее утро, проверяя замаскированные сторожки, мы с братишкой обнаружили четырех попавшихся зверьков. Моей радости не было предела - такая удача в первый же день! Рассказ соседа дяди Прохора накануне установки капканов о кротах и их повадках подтвердился. Зверьки действительно любят прогуляться по своим подземным ходам, не гнушаются обследовать и соседские - вдруг туда в отсутствие хозяина заползли какие-нибудь съедобные букашки.

Исходя из этого, я и соорудил практически на каждом проходе по ловушке, куда и угодили, сваливаясь в настороженные капканы, четыре похитителя нашей морковки в первую же ночь.

Я с любопытством разглядывал трофеи первой охоты и поражался необычности не только окраса, но и общего вида подземного существа. Удивительно мягкая и короткая шерстка угольно-черного окраса при поглаживании отливала каким-то фиолетовым цветом, уловить который можно было только под углом. Но больше всего меня поразила податливость шерстки крота, в какую сторону погладил, в ту и ложится. То есть в случае с кротом нарушено понятие «гладить против шерсти и по шерсти».

Здесь разницы нет. Как пояснил впоследствии дядя Прохор, такая способность шерстки зверька предусмотрена природой, чтобы не было никакого сопротивления его движению под землей: хоть вперед, хоть назад, хоть вбок под любым углом. И лапки его тому же служат: они похожи на человеческую ладонь с твердой белой кожей и крепкими коготками - развернутыми «ладошками» наружу, как весла у лодки во время гребли. Дядя Прохор научил меня снимать, обрабатывать и сушить шкурки, растягивая и слегка прибавая их гвоздочками на деревянные дощечки.

Спасая свой и соседские огороды от нашествия подземных ворюшек, страстных любителей морковки, свеклы, картошки и репы, мы с братишкой за лето добыли почти три десятка кротов и заработали приличные деньги на сладости и детские книжки.

Чуть повзрослев, я начал принимать сильное участие в работе взрослых на колхозных полях, особенно в страду - на уборке урожая и на сенокосе. Подрастая, ко мне присоединился и братишка. Косить, естественно, нам было не под силу, а вот ворошить подсыхающее сено и возить копны - всегда пожалуйста. Нам даже труднее за работу начисляли. Правда, заработанных денег оказалось меньше, чем полученных за шкурки кротов, но о крохоборстве в то время мы как-то не думали, нам было интересно и даже весело участвовать в коллективном труде, чувство гордости распирало нас.

Я очень люблю и всегда любил лошадей - это чувство, скорее всего, вспыхнуло еще в младенчестве, когда мать, поднимая меня на вытянутых руках, передала отцу в седле, тот, усадив меня впереди себя, тронул коня, и мы поехали. С тех пор я всегда с дрожью в душе и замирающим сердцем подхожу к этим благородным животным, пусть и не чистокровных пород. Вот почему возить копны - для меня самая почетная и ответственная работа на сенокосе, даже сегодня, спустя многие десятки лет. Как сейчас помню, за день, а работали мы от зари до зари, выматывались до такой степени, что с лошади не спрыгивал, а сползал на руки кому-нибудь из мужиков и плелся домой буквально нараскоряку. И не удивительно - поезди десяток часов на лошадиной хребтине без седла и не так раскорячишься. Через несколько дней наши ягодички были сбиты в кровь и постоянно саднили, доставляя

невыносимые страдания, но приходилось терпеть со слезами на глазах. Мало было пользы и от телогреек, которые использовали вместо седел. Но, несмотря на травмы в стыдном месте, к порученному делу мы относились ответственно. Иногда, правда, жалеючи братишку, я подменял его, уговаривая остаться дома и отдохнуть. Хорошей передышкой для нас и наших бедолаг-лошадей были дожди. Лошади набирались сил, отседались на пастбищах, а мы с братом заживляли свои коросты сметаной и какой-то кашней, приготовленной бабушкой из листьев подорожника и других трав, названия которых я за давностью лет уже подзабыл.

Заканчивалась сенокосная пора, поспевала ягода. Особенно мы любили собирать на косогорах-солнцесках землянику. Боже, какая она была пахучая и сладкая! Ешь, ешь, и никакой оскотины. Набрав полные лукошки краснобокой солнцеливой ягоды, мы в первую очередь заходили к бабушке, а та рада-радешенька гостям, усаживала за стол, выставляла глубокие миски, в которые мы чуть ли не доверху насыпали ароматной земляники, и из русской печи на ухвате появлялся объемистый глиняный горшок с топлёным молоком. Коричневатая поджаристая пленка на нем источала духмяный парок...

Столько лет прошло, а закрою глаза и вижу этот изукрашенный глазурью и пестушками глиняный горшок с варенцом или ряженкой, до сих пор ощущаю вкус земляники, залитой топлёным молоком, млею от нежного, тающего во рту варенца и бабушкиного фирменного деликатеса - тыквы, запеченной целиком в русской печи. Я как-то видел, как баба Феня готовила свое любимое блюдо.

Приносила с огорода большую тыкву, которую я с трудом поднимал с пола, мыла и срезала макушку вместе череночком, которым тыква крепилась к стеблю, затем ложкой тщательно выгребала все семечки, вместо них заливала несколько ложек меда. Возвращала на место макушку с корешком, напоминающим небольшой рог животного, и, установив тыкву на сковороду, отправляла в русскую печь. Через два часа деликатес был готов, мякоть тыквы, пропитанная медом, нежная и сладкая, шла у нас на ура - за уши не оттащишь.

Выскоблив содержимое до грамма, пустотелую тыкву мы приспособливали под страшилку, напоминающую череп с пустыми глазницами. Страшилку использовали в ночь на Ивана Купалу, пугали прохожих, поместив внутри зажженную свечу, выскакивали из-за углов или подкрадывались к чужим окнам и приближали черепушку к стеклу. Огненные глазницы, такой же ослепительный провал рта и огнелышащие дырки ноздрей наводили ужас на многих сельчан, за что нам частенько попадало и от родителей, и от деда с бабушкой. Но в детстве так хотелось сделать что-нибудь такое... чтоб сердце в пятки уходило.

Детство... детство... Как мы тогда торопили года! А сегодня так жаждем хоть на часок, хоть на минутку оказаться в том - забываемом и милом сердце времени... Так хочется пройтись босиком по домотканым бабушкиным половичкам в ее горнице, сесть рядом с ней на ступеньку крылечка и прижаться к ее теплому боку или принять из ее морщинистых рук кружку с варенцом и пить его маленькими-маленькими глоточками, чтобы продлить наслаждение от божественного напитка... До головокращения хочется уткнуться лицом в мамин передник, обхватить ручонками ее колени и замереть, ощутив ее горячую ладонь на своем затылке и ласковые пальцы, перебирающие пряди твоих волос...

Рассказ

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ОТЧИМ

В 1943 году, когда мне было четыре года, братишке Геннадю два, а сестренке всего девять месяцев, отец оставил нашу семью, женившись на молоденькой учительнице, прибывшей в нашу деревню по распределению после педучилища. Вдосталь нахлебались мы с матерью горького до слез в тяжкие годы войны без каких-либо средств к существованию, к тому же родимый папаша отобрал у матери братишку Генку, убедив окружающих, что они с бывшей женой разделили детей (я не буду повторять сюжет повести «Шерстяные перчатки», в которой описаны мытарства нашей матери и мое голодное детство, скажу только: нет ничего унижительнее, чем быть нищим, выпрашивающим по дворам ломтик хлеба, чтобы не слохнуть с голодухи).

В сорок шестом мать встретила Владимира Эмильевича Кеплера немца по национальности, предки которого еще в Петровские времена приобрели свою вторую родину в Поволжье. Поколение Владимира Эмильевича уже утратило свои корни в Германии, обрусело и законно считало себя русскими немцами, но... так не считало партийное руководство великой социалистической державы.

В 30-е годы после окончания с отличием летного училища Владимир Эмильевич был оставлен в училище инструктором. Заслуги молодого летчика-истребителя командование летной части оценило по достоинству, доверив обучение «желторотиков-птенов» летному делу.

Практически на второй день после начала войны Владимира Эмильевича без объяснения причин отстранили от полетов и вскоре вчистую уволили из Военно-воздушных сил страны. Он был в глубоком шоке: почему, за что? Хотя подспудно понимал: отлучили его от неба и выперли на гражданку только за то, что он немец (тогда из вооруженных сил по секретному постановлению ЦК вычистили всех военспецов, имевших финские, немецкие, румынские, итальянские и тому подобные иностранные фамилии, хотя в паспортах многих из них в графе «национальность» было написано - «русский»).

Двое детей, жена, он сам остались без средств, а к Ленинграду уже подступали фашистские войска. Помогавший какое-то время по предприятиям, фабрикам и заводам северной столицы, Владимир Эмильевич впал в отчаяние: его из-за отсутствия рабочей специальности на работу нигде не брали. И только однажды повезло: приняли на краткосрочные (недельные) курсы станочников-фрезеровщиков и токарей на небольшой заводик геофизаппаратуры, располагавшийся на улице Герцена. С первых дней войны заводик прекратил выпускать аппаратуру для геологов, спешно переключился на производство броневых снарядов и пулеметных патронов. Так из классного летчика-истребителя Владимир Эмильевич стал фрезеровщиком.

Стягивалась блокадная петля вокруг колыбели революции. Началась спешная эвакуация женщин и детей. На один из последних эшелонов Владимиру Эмильевичу удалось пристроить Фиру с детьми. Спустя несколько дней через десятые руки узнал: эшелон с

детьми, несмотря на налеты фашистской авиации и бомбежки, прорвался на Урал, и очень надеялся, что с его детьми и женой все благополучно.

Перенеся все ужасы блокады, даже через десятки лет Владимир Эмильевич отчетливо помнил ее каждый день. Когда перед глазами вдруг всплывали события того жуткого периода, у него начинались ноющие боли в сердце и усиливался звон в ушах, будто в черепной коробке кто-то методично постукивал по наковальне молоточком, постепенно убыстряя и убыстряя темп ударов. Только огромным усилием воли он отгонял воспоминания и клал валидол под язык...

...Шел 132-й день блокады. Постоянно сосущее и мучительное чувство голода притупилось. На смену ему пришли сонливость и тупое равнодушие. От слабости подкашивались ноги и отяжелевшие, точно свинцовые, веки смыкались.

Три дня назад Владимир Эмильевич и Виктор Петрович досели последний кусочек «студня» из брючного ремня. Рецепт приготовления этого своеобразного «студня» подсказал Виктор Петрович - сосед по подъезду с четвертого этажа, впоследствии перебравшийся к нему на второй.

В наличии у них оказались три брючных ремня из чистой кожи, которые, по уверению Виктора Петровича, и были пригодны в пищу. Их нужно было не менее суток вымачивать в воде, периодически ее меняя, затем размякшую массу прокрутить на мясорубке и образовавшийся фарш варить долго-долго в кипятке. Получалось желе в виде студня. По вкусу совершенно противоположное наименованию русского блюда. Сравнить его с каким-либо ранее употребляемым продуктом было бессмысленно. В общем, преснятина с горьковатым привкусом, почти не утоляющая чувство голода, но жизнь несколько продлевающая.

Поселившись вместе в одной квартире, они объединили усилия в борьбе с холодом, голодом и, оставшись одни на весь подъезд, невольно цеплялись друг за друга. У Владимира Эмильевича была буржуйка, которую он раздобыл в одном из подвалов и с трудом притащил в свою квартиру. Спасаясь от жестокого холода, они с Виктором Петровичем топили ее, используя в качестве дров старые книги, обломки кресел, столов и стульев, которые собирали по опустевшим квартирам, а в последнее время в топку шел паркет одной из комнат Владимира Эмильевича...

Агонию города блокадников ускорило уничтожение фашистской авиацией Бадаевских продовольственных складов и холодильников. Их бомбили в ночь на 8 сентября, когда кольцо блокады только-только начало смыкаться. Налет был неожиданным и массированным, самолеты шли волна за волной, и бомбы ложились кучно, точно в цель. Создавалось впечатление - фашистским летчикам подавались сигналы фонариками с крыш складских помещений. Пожар был страшным, в полночь было светло, как днем. В огне погибли все годовые запасы зерна, муки, мяса, консервных продуктов и т.д. Сахар, расплаившись от высокой температуры, мутным потоком расплзался по земле

вокруг горевших складов, застывал, перемешиваясь с грязью под сапогами солдат и пожарных.

Спустя три месяца, зимой в самый голодный период блокады, к месту пожара потянулись изможденные люди. Они долбили, колупали, скребли ногтями, собирали, заворачивали в тряпочки, рассовывали по карманам крошки застывшей сладкой земли и расползались по заснеженным улицам, уступая место другим. Побывали на пожарище и Владимир Эмильевич с Виктором Петровичем. Притащились, цепляясь друг за друга, когда на месте сахарных потоков уже образовались рытвины и ямы, где копошились, ползали на коленях похожие на мумии (подобные им) существа, с ввалившимися глазами, почерневшими губами и скулами, обтянутыми серым пергаментом кожи.

Набив карманы земельной крошкой и вернувшись домой, они долго фильтровали ее через тряпку, растопляя на буржуйке снег, пока густое месиво не превратилось в мутную и чуть-чуть сладковатую жидкость. Это лакомство они растянули почти на две недели...

А город, погрузившись во мглу, медленно умирал. Завод «геофизики» (так звали его рабочие между собой) закрыли - электроэнергия не хватало и на более мощные военные предприятия.

Специалистов, еще не дошедших до полного истощения, перевели на Петроградскую сторону на завод Энгельса, выпускавшего огнеметы и минометы. Кормежка здесь была получше, чем на «геофизике». В столовой раз в сутки давали кружку дрожжевого бульона, крошечный жмыховый пончик и 150-граммовый брикетик «черного хлеба», наполовину с отрубями и какими-то другими примесями, своим вкусом совершенно не напоминающий довоенный ржаной хлеб, который Владимир Эмильевич постоянно покупал в булочной рядом с институтом иностранных языков на Мойке. А после того как в одном из складов обнаружили несколько бочек с техническим рыбьим жиром (предварительно испытав его на добровольцах), стали выдавать по ложке всем рабочим вместе с кружкой дрожжевого бульона, многим это помогло избавиться от цинги и спасти хотя бы часть своих зубов. Но на заводе Энгельса Владимир Эмильевич проработал недолго. Трамвай на Петроградскую сторону не ходили, как не ходили они и по всему Ленинграду, и, чтобы добраться до завода, ему приходилось затрачивать до четырех часов - идти пешком, на что сил у него почти не оставалось.

Была возможность оставаться в цеху и на ночь, как делали многие, но Владимира Эмильевича тянуло домой, хотя бы на часок, чтобы заглянуть в почтовый ящик: а вдруг Фира нашла возможность каким-то образом передать весточку с Урала. Но каких-либо записок не было...

Всех ослабевших, в том числе и Владимира Эмильевича, включив в сандружины, перевели с завода по месту жительства. Теперь они с Виктором Петровичем дежурили ночами на крышах, спасая их от зажигательных бомб. Днем расчищали улицы после артобстрелов и бомбежек, ходили в укрепленных районах по квартирам, выявляли умерших и вместе с другими сандружинниками выносили иссохшие тела на улицы, складывали у подъездов на снег, откуда их машинами увозили на Пискаревское кладбище. Когда на Пискаревском не управлялись с подготовкой траншей (ломался экскаватор), трупы везли на другие кладбища, в том

числе на Сергеевское, что за фабрикой «Веретено», куда Владимир Эмильевич ездил с похоронной машиной неоднократно...

Очень мучительно, пожалуй, тяжело, чем голод, переносил Владимир Эмильевич отсутствие курева. Бывало, часами выстаивал он неподалеку от здания штаба обороны города, жадно наблюдая за входящими и выходящими офицерами, отмечаая, куда некоторые из них отбрасывают окурки. Затем, стыдливо втянув голову, собирал эти окурки, подсушивал дома, трясясь над каждой табачной крошкой, осторожно скручивал из газетки самокрутку и с наслаждением затягивался горьковатым дымком. С обострением цинги охоту за окурками пришлось прекратить. Распухшие, кровоточащие десны изматывали, отнимая последние силы. Выпавшие зубы Владимир Эмильевич пытался сохранить, складывая их в металлическую коробочку из-под чая, но она осталась в квартире блокадного Ленинграда, откуда его забрали сандружинники.

Однажды им с Виктором Петровичем здорово повезло. Обследовав заброшенный и захламленный подвал соседнего дома, где когда-то размещалась столярка местного ЖКЧ, они обнаружили весьма солидную плитку казеинового столарного клея. Работая еще на заводе Энгельса, Владимир Эмильевич как-то слышал от сменщика, что из казеина можно приготовить своеобразный сыр, он даже запомнил рецепт. Они долго, как и брючные ремни, вымачивали казеин в талой снеговой воде. Затем прокрутили матовую массу через мясорубку и получившийся фарш поставили кипятить до образования густого желе. Слив остатки кипятка, они с Виктором Петровичем завернули варено в тряпку и положили под груз. Через шесть часов «сыр» был готов. Темная вязкая лепешка отдаленно напоминала вкус плавленого сыра, но и она была деликатесом в течение нескольких дней. Владимир Эмильевич с Виктором Петровичем позволяли себе съедать «сыра» не более 50 граммов в день...

На театральной площади у Мариинского театра им. Кирова до войны обитало несметное количество голубей. Они сновали под ногами прохожих, чуть ли не на голову садились отдыхающим на скамейках, выпрашивая хлебные крошки, пшено и подсолнечные семечки.

Владимир Эмильевич любил посидеть здесь на скамейке в короткие присяды домой из летней части. Любил полюбоваться на спящих голубей и, полуприкрыв глаза, послушать шум города: шелест шин проносящихся невдалеке легковых машин, перезвон трамбасов, голоса прохожих, воркование голубей и многие другие звуки, присущие только городским улицам. У него всегда были с собой остатки батона или булочки, которые, раскрыв, скормливал своим любимцам с ладони.

Его всегда поражала страстная влюбленность и буквально человеческая нежность между парами голубей. Он с каким-то смешанным чувством удивления и восторга завороченно наблюдал за ухаживаниями какого-нибудь голубя за своей подружкой, как, раздув отливающие перламутром шейку и зоб, он воркует и пританцовывает вокруг голубки, как бы что-то нашептывая тихим воркованием, склоняет свою головку ей под грудку, и она начинает нежно перебирать клювиком перышки на его шейке, спинке и крыльях, будто расправляет их. А как они целуются! Страстно, упоенно, клювик в клювик, с человеческой нежностью, полуприкрыв бу-

синки глаз, трепетно вздрагивая крыльями. И такая любовная прелюдия заканчивалась не менее страстной интимной любовью (почти как у людей)...

Несколько десятков голубей гнездились и на чердаке соседнего дома, где жил с семьей Владимир Эмильевич. Фира частенько подкармливала пернатых соседей, высыпая на дощечку за подоконником кухонного окна крошки со стола, семечки и другие остатки пищи. Возможно, ее забота о птицах и возбудила у Владимира Эмильевича интерес к голубям.

Началась война. Блокада. Голод. Чувствуя людскую беду, стали исчезать из города и голуби: некому да и нечем стало подкармливать сизарей. Но к кухонному окну Владимира Эмильевича пара голубей продолжала изредка прилетать. Прохаживаясь вдоль подоконника по дощечке, на которую когда-то Фира сыпала крошки, голуби нетерпеливо заглядывали своими бусинками глаз внутрь кухни, часто постукивали клювиками по стеклу: ну, что же вы, люди, вы же были так щедры?

И однажды Владимир Эмильевич решился. Он будто въявь увидел наваристый бульон из голубей, ноздрями ощутил его щекоучий аромат. Поборов в себе чувство жалости, он приоткрыл створку наружной рамы, привязал к ее ручке бечевку и, пропустив ее через форточку внутренней рамы, набрал пригоршню мусора помельче у буржуйки. Демонстративно, чтобы видели голуби с соседней крыши, рассыпал мусор на подоконнике между рамами. Сам же спрягался за кухонную дверь. Вскоре голуби подлетели к окну. Настороженно косясь на приманку, голубь, отеснив подружку, первым на правах джентльмена направился к приоткрытой створке. Владимир Эмильевич дернул бечевку, и сизарь забился между рамами. Удерживая вырывающегося голубя в ладонях, Владимир Эмильевич ощущал, как под пальцами трепещет комочек сердечка птицы, как дрожит ее горячее тельце и ужаснулся: - Боже мой! Как ты истощен! Бедолага, и ты вместе с людьми страдаешь от тягот блокады, и тебе неведомо голод... Ну не дрожи так, не дрожи. Никто тебя не обидит. Ну, иди... Лети, - тут же поправился Владимир Эмильевич, открывая окно и отпуская голубя, - лети к своей голубке. Вон она ждет тебя на перилах соседнего балкона.

Голубь взметнулся, устремляясь к соседней крыше. Захлопав крыльями, будто заплотировав, бросился за ним и голубка...

...Виктор Петрович умер на 145-й день блокады перед заходом солнца. Его высохшая с восковой желтизной рука медленно сползла с вораха тряпья и костышками скрюченных пальцев глухо стукнула об пол. Из полуоткрытых почерневших губ вырвался хриплый, как вздох облегчения, еле слышный стон. Владимир Эмильевич открыл глаза, прислушался и, с трудом оторвав голову от подушки, всмотрелся, напрягая глаза, в серый полумрак комнаты, по-звал:

- Петрович, как ты?

С дивана не доносилось ни звука. «Отмучился Петрович...

«Скоро вот так и я... - откидываясь на подушку, с каким-то равнодушием подумал Владимир Эмильевич. - Надо бы спуститься, позвать дежурных из сандружины, чтобы забрали тело». Но, представив, что нужно выбираться из-под вораха одеял и спускаться, цепляясь за перила, вниз на 24 ступени, а затем столько же ступеней преодолевать вверх, он мысленно содрогнулся: «Не

осилить...»

...Его обнаружила одна из бригад санитаров, регулярно обходящих уцелевшие дома и подбирающих трупы по улицам. Обнаружив умерших жителей в обледенных квартирах, санитары, сами изможденные до крайности, стаскивали их вниз и складировали небольшими штабелями у подъездов. Затем трупы забирали бортовая машина и увозила на Пискаревское кладбище.

Когда санитары обнаружили его исхудавшее тело в квартире под ворахом всякого тряпья, у них не возникло никаких сомнений, что это очередной труп, и были потрясены, когда у подъезда, рядом с таким же жмуриком, этот скелет вдруг зашевелился и попытался сесть. Именно данный факт и вызвал у санитаров преклонение перед этим человеком, перед его жадной жить.

Почти в бессознательном состоянии доставили они его на эвакупункт, откуда по льду Ладожского озера (по Дороге жизни) его вывезли из блокадного города на Большую землю. Физическое состояние Владимира Эмильевича в тот момент было катастрофическим - дистрофия первой степени. Это когда у человека, по меткому народному выражению, остались кожа да кости. Если такого дистрофика поставить вертикально на дрожащие ноги и изучающее оглядеть, то сразу же бросится в глаза, что из-за отсутствия ягодич у него свободно проглядывается анальное отверстие.

Санитары перед отправкой сунули ему за пазуху все документы, что нашли в квартире. Эти-то документы и явились продолжением его дальнейших злоключений, продолжением горькой участи (лучше бы они потерялись!), «благодаря» им, чуть-чуть подкормив в лечебницах Урала, карательные органы оформили ему ссылку в Сибирь без права переписки и выезда за пределы места ссылки. Он разделил участь всех репрессированных соплеменников - немцев Поволжья. Так, Владимир Эмильевич в конце войны оказался в нашем поселке Абагуре, где трижды в неделю обязан был являться на отметку в спецкомендатуру и где местные жители таких, ссыльных и спецпереселенцев по-прежнему звали «сибулонцами» и пугали ими маленьких детей.

Они жили на отшибе нашего поселка, в так называемом «спецпоселке», в длинных бараках. Некоторые из ссыльных и депортированных были с семьями и из-за отсутствия работы в поселке перебивались временной занятостью на сплаве леса местной лесоперевалочной базы и на сезонных ремонтных работах, а в основном, чтобы не слохнуть с голоду, ходили по дворам, занимались за еду и овощи к местным вдовам напильник и наколоть дров, поправить сарай или забор, вскопать огород, запаять прохудившиеся ведра, тазы, кастрюли и другую посуду. Большинство, приспособившись к обстоятельствам, научились благодарному делу, наловчились ремонтировать в прах разбитую обувь, валенки, перешивать (перелицовывать) старую ношенную одежду взрослых на детскую, за счет чего и кормились.

Владимиру Эмильевичу очень пригодилась профессия фрезеровщика, приобретенная на заводе геофизаппаратуры, его приняли по этой специальности в мехцех местных мастерских, капитально ремонтировавших лесозаготовительную технику (трелесочные трактора и лесовозы) лагпунктов Южжубаслага.

Скудное питание в столовой при центральных мастерских плохо восстанавливало силы после перенесенной дистрофии, и Владимир Эмильевич вынуж-

ден был после рабочей смены в цеху, несмотря на усталость, ходить по поселку, как и многие обитатели их барака, предлагая за еду свои услуги местным жителям в выполнении любой работы по хозяйству.

Шел первый послевоенный год, мирный, но такой же голодный, как и предыдущие военные годы, особенно для нас с матерью. Мы тогда жили на квартире у одной сердобольной женщины, потерявшей, как и большинство женщин в поселке, мужа на фронте. Крошечная избушка с засыпными стенами, вросшая по самые окна в землю, внутри которой едва размещались две кровати (хозяйки и наша с матерью), стол, два табурета, лавка вдоль стены у входной двери и печь-голландка, обогревавшая наше ветхое жилье, снятся мне до сих пор, хотя и прошло уже более пятидесяти лет. Нет давно той развалюхи, на ее месте другие постройки, а она все снится и снится мне...

В тот послевоенный год Владимир Эмильевич и встретился с моей матерью. Он предложил нашей хозяйке свои услуги, что-то сделать по хозяйству, и, хотя работы не нашлось, чаем его угостили. Худой, среднего роста, с открытым взглядом и робкой улыбкой, он вызвал в тот раз у женщин сочувствие. И если от других посетителей они торопливо и опасливо отмахивались, то, перекинувшись несколькими словами и оглядев Владимира Эмильевича, стоявшего с внешней стороны калитки, пригласили в избу, где за чаем с сухариками долго расспрашивали, кто он такой, откуда и давно ли обитает в их поселке, есть ли постоянная работа, где семья? Посочувствовали, повздыхали. А назавтра он вновь пришел, и, конечно, не из-за чая.

Моя мать была симпатичной от природы и, несмотря на горе, обрушившееся на нее с уходом отца из семьи, потерю сына Геннадия, которого он отнял, похороны девятилетней дочки Гали, умершей в результате сильнейшей простуды, своей привлекательности не утратила, только заметно осунулась. Видимо, запала ему в душу молодая милотвидная женщина с грустными глазами и каким-то настороженно-испуганным взглядом. Эти глаза и привели его к покосившейся нашей калитке.

Через несколько месяцев Владимир Эмильевич перебрался со своим маленьким фанерным чемоданчиком в нашу развалюху. Хозяйка избенки уехала к родственникам, уступив ее матери за небольшую сумму, которую великодушно разрешила выдлачивать частями. Так, у меня появился отчим, вернее, отец в полном смысле этого слова, которого я очень полюбил. Вежливый и добродушно-улыбчивый мужик, среднего роста, худошавый, в темно-русых волосах - легкая проседь, в серых с голубизной глазах - задумчивость и чуть заметная грустинка. Мне он очень нравился, и не только своей рассудительностью, но как человек мужского пола, к плечу которого так и хотелось прижаться. В разговоре со мной он никогда не сюсюкал, как другие, он разговаривал со всеми пацанами на равных. И это как-то льстило и поднимало, особенно меня, в собственных глазах.

Когда дядя Володя пришел к нам с матерью со своим чемоданчиком и стал жить вместе с нами в крохотной однокомнатной избушке, я это событие воспринял вначале настороженно, но, пообщавшись, проникся к новоселу уважением и стал ходить за ним буквально по пятам. Несколько раз порывался поговорить на сокровенную тему, но боязнь, что дядя Володя может обидеться, останавливала. Наконец, воспользовав-

шись отсутствием матери, заикаясь и краснея, я спросил у него:

- Дядя Володя, а вы всегда будете жить у нас или скоро уедете?

- Всегда, - ответил он, улыбаясь, и пристально посмотрел на меня.

И я, зажмурившись, как перед прыжком с высокой нырялки, продолжил:

- А мне как вас называть - папкой или дядей Володи?

- А ты как бы хотел называть? - в свою очередь спросил он.

- Папкой! - выпалил я.

- Вот и хорошо. Так и называй.

Ур-ра-а-а! У меня появился замечательный отец! Тогда, будучи пацаненком, я понятия не имел, что такое депортация, почему моему новому ОТЦУ - дяде Володе, нельзя никуда выезжать из нашего поселка, почему он дважды в неделю, а потом каждую субботу обязан был являться в какую-то поселковую комендатуру на отметку. И мы с ним по пути в баню сворачивали к небольшому зданию, у крыльца которого он всегда просил:

- Вовк, подожди меня минутку, я зайду отмечусь.

...Теперь я знаю, что такое депортация, репатриация, репрессия, реабилитация... А тогда я все воспринимал как должное: если не разрешают никуда выезжать, ни с кем переписываться, требуют по пути в баню отмечаться в какой-то комендатуре - значит так надо, и это правило нельзя нарушать, иначе будет плохо. Будучи высокообразованным и интеллигентным человеком, Владимир Эмильевич не ожесточился сердцем, столкнувшись с жестокой несправедливостью власти, никогда не позволял на судьбу, не высказывал озлобленных упреков по поводу его ссылки и депортации, не превратился в зануду и злопыхателя. Он научил меня уважать окружающих, быть терпимым к отдельным недостаткам людей, учил не на словах (к сожаленью, многие любят сегодня читать нотации), а на личном примере. И я благодарен ему за такую науку. Особенно благодарен за любовь к природе, которую привил мне, беря с собой на рыбалку (он был страстным любителем-рыболовом и большим знатоком всех ее тайнств).

С появлением отца - дяди Володи, у нас все как-то изменилось в семье, будто теплее и светлее стало в избе, мать перестала хмуриться и вздыхать, ее лицо посветлело и стало улыбочивым.

Мы впервые отмечали Новый год с елкой, к украшению которой очень тщательно готовились, втроем вырезали из старых газет и цветных бумажек профили всевозможных игрушек, изготавливали из тонкой медной проволоки зайчиков, белочек, бабочек, рыбок, велосипедки, грибочки и т. д. Клеили домики, самолетики, очень похожие на настоящие, раскрашивали краснобокие бумажные яблоки, коричневые груши, кисти зеленого винограда и стручки красного перца. Но, главное, у нас был заведен новый и обязательный порядок - ежевечерняя читка вслух перед сном художественных книг. Мать очень любила слушать, так как, имея двухклассное образование, полученное в период массовой ликвидации неграмотности, сама читала с трудом по слогам. А отец читал классно: слушаешь - и перед глазами разворачиваются все описываемые события.

Бывало, мать с отцом, обнявшись, сядут за стол подле самодельной настольной лампы, и отец читает почти до петухов, а я, затаившись под одеялом и притворившись спящим, слушаю, слушаю и будто воочию вижу все переипетии жизни, выпавшие на долю героев, будто переносюсь в их время. Как давно это было, но я до сих пор помню со-

держание книг, прочитанных отцом в долгие зимние вечера. И мне не надо было перечитывать их заново ни в школе при прохождении обязательной программы по литературе, ни в институте на филологическом факультете. Герои «Тихого Дона», «Поднятой целины», «Как закалялась сталь», «Даурии», «Хождения по мукам», «Капитанской дочке», «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Обрыва», «Обыкновенной истории», «Отцов и детей», «Маленькой хозяйки большого дома», «Американской трагедии», «Спартака», «Собора Парижской Богоматери» и многих, многих других произведений вихрем ворвались в мою жизнь в малолетстве и остались в ней навечно. С каким благоговением я ждал каждого вечера и продолжения чтения очередной главы полюбившегося произведения. И представляю, с каким нетерпением ждала этих вечеров моя мать!..

Владимир Эмильевич с первого дня знакомства с матерью не скрывал, что у него есть семья, двое детей и что они после выезда из блокадного Ленинграда, где-то потерялись. Может, живут в какой-нибудь деревне на Урале или в Казахстане, может, на Алтае, а возможно, где-нибудь в Сибири, совсем рядом и также ищут его. Лишенный права переписки, он имел только возможность официально, через комендатуру, подавать не более одного запроса или прошения в месяц. За нарушения запрета переписки и нелегальную отправку писем могли крепко наказать, вплоть до увеличения срока ссылки.

Мать любила Владимира Эмильевича: чуть-чуть повзрослев и мало-мальски научившись разбираться в сердечных делах и отношениях взрослых, я видел, как она преображалась и буквально начинала светиться при его появлении. И, несмотря на чувства, она не препятствовала его попыткам разыскать свою семью, понимала, как дороги для него дети: сама страдала, потеряв среднего сына, отнятого первым мужем. Но ответы на запросы, в большинстве своем, приходили неутешительные, типа: «...указанные лица в нашем районе в списках эвакуированных из Ленинграда не значатся».

Приход отчима в семью богатства и изобилия на столе не прибавил: мать с отцом решили строить новый дом, и скромный заработок дяди Володи, работавшего в абатурских мастерских фрезеровщиком, практически весь до копейки откладывался на подготовку строительства. Наша засыпная избенка начала заваливаться на одну сторону, крыша просела и над сенями была, как решето, во время дождя в ней было почти так же сыро, как и на улице. Но удивительное дело, она мне снится до сих пор, хотя на ее месте давно растут кусты крыжовника и красной смородины.

Я помню, как засыпал, почти касаясь носом цветастого настенного коврика, под постоянную беготню мышей и шорохи осыпающейся земли между досок засыпной стены. Не знаю, почему, но с наступлением ночи эти подлые мыши устраивали свои гонки и возню именно внутри стены, вплотную к которой стояла моя кровать. И когда мы построили новый дом, меня долго мучила бессонница, я по два-три часа ворочался, не понимая, почему не могу заснуть. Оказывается, отсутствовал успокаивающий шорох мышей.

Прошло около трех лет. В сорок девятом родился мой братишка Толька. Я тогда закончил третий класс и его рождению был несказанно рад. Ликовал и чуть ли не плясал отчим-отец. Он тискал меня и беспрерывно повторял:

- Вовка, у тебя родился брат! Пред-

ставляешь, у тебя теперь есть братишка! И нас теперь трое мужчин в доме! Здорово, правда? Мы с тобой, как старшие, должны заботиться о малыше! Понимаешь?

Я понимал и был горд, что отец, как с равным, делится со мной радостью и предлагает совместно заботиться о новом члене нашей семьи. Это действительно было здорово...

Вечера чтения не прекратились и с рождением братишки Толика, который урезал мое свободное время, приходилось частенько водиться с ним. Но не успел карапуз сделать первые шажки, как арестовали отца за какую-то связь с заключенными (была тогда такая статья) и за приобретение краденого госимущества. Только много позже я смог разобраться в истинной картине совершенного отцом «преступления».

Весной во время сплава леса по реке Томи полою водой, как правило, разносило по берегам много бревен, которые зачастую после обмеления оставались в низинах и постепенно гнили. Такой бросовый лес снисывался как аварийный, много его по большой воде уплывало в море, часть вылавливалась местными жителями и использовалась на дрова. Однажды какой-то мужик, проезжая на тракторе по нашей улице, предложил отцу:

- Купи, хозяин, аварийный лес на дрова. Бревна хорошие, можно и на строительство пустить. - И кивнул на пять бревен, прицепленных к трактору на удавке.

Сговорились о цене. Тракторист оказался бесконвойным заключенным, а бревна - действительно бросовым аварийным лесом. Отца осудили на пять лет - по году за каждое бревно - с конфискацией имущества. Не было ни черта, и последнее выгребли. Началась новая полоса лишений и полуголодной жизни.

А вскоре я «загребел» в больницу с травмой позвоночника: неудачно приземлился с крыши нашей засыпухи, хотя и не высоко падал, но змея оказалась слишком жесткой. Через какое-то время начались приступы с ужасной болью в позвоночнике и потерей сознания. В гипсе от затылка до колен и без малейшего движения я провалялся на специальной больничной койке полгода. В лежачем положении закончил четвертый класс и прочитал громадное количество книг, читал все подряд при тусклом свете, падающем в палату из коридора, на рассвете и при закате, и угробил зрение до «минус трех». Совершенно разучился ходить и при выписке из больницы долго учился переступать непослушными ногами. За полгода лечения до жути надоели «утки» дляправления нужды (я всегда испытывал мучительный стыд, когда нянечка подсовывала посудину под мою задницу), и было крайне неудобно есть суп, черпая ложкой из тарелки, стоящей на груди - не видно, что черпаешь, и много проливается на подбородок и шею.

Выписался из больницы перед самым началом учебного года. Мать в пятый класс меня не пустила: побоялась - вдруг вновь спину сорву. Просидел год дома, запоем читал книги и водился с подрастающим братишкой. Когда выписывался, старенький доктор, ошупывая мой позвоночник, особенно в области бывшего смещения позвонков, улыбочиво напутствовал:

- Ну-с, молодой человек, пока у вас все хорошо, но послушайте моего совета: вас спасет только спорт, и только он, иначе - инвалидная коляска. Начинайте с малого - с гантелей и ходьбы, постепенно увеличивая нагрузки...

Я последовал совету старого доктора и до конца дней своих буду ему благодарен за напутствие: оно спасло меня

от инвалидности.

Заразившись рассказами отчима о небе и его покорителях - летчиках, я безумно влюбился в голубизну и бездонность высоты, в нежную белизну пушистых облаков, стал грезить авиацией. Во сне и наяву я видел себя в кабине краснопозвездного и стремительного ястребка: на голове - шлемофон, руки в крагах - на штурвале, унты и обязательно - планшеты на бедрах. Но моей детской мечте стать летчиком не суждено было сбыться. Поврежденный позвоночник поставил крест на унтах и планшетах пилота. Первая же медкомиссия вынесла жесткий приговор: «Не годен!» Не скрою, услышав такой приговор, я, оставшись наедине, горько заплакал.

Не сбылась мечта детства - не позволили обстоятельства, зато сбылась сокровенная мечта юности - стать писателем: я претворил ее в жизнь на склоне лет, набираясь с годами ума и творческого опыта, а главное, накапливая жизненный материал для будущих художественных произведений (но я забежал).

...Начало марта 53-го запомнилось мне теплыми, по-настоящему весенними деньками. Звенела с крыш капель, радостно чирикали воробьи и тренькали синицы-пухлячки, в лужинах, как в осколках зеркала, нестерпимо отражались лучи солнца. У нового клуба толпился народ, все слушали колокол-репродуктор, висевший на столбе. Многие плакали: умер великий вождь и учитель всего советского народа - Сталин. А мне было как-то все равно: кто умер, зачем умер и почему умер? Мне от этого было ни жарко ни холодно.

Вскоре амнистировали отца. Мы с матерью так по нему соскучились! А братишка Толян разревелся, едва папка взял его на руки и прижал к груди. Стал вырываться. Он, дурачок, не узнал в исхудавшем дядьке своего отца и не удивительно, ведь когда арестовали отца, ему было всего девять месяцев, а сейчас - почти четыре года.

И сразу же отец рьяно взялся за осуществление своей мечты - за строительство нового дома и выращивание сада на сотках нашего большого огорода. И вновь, как до ареста, все с нуля. После смерти Сталина с отца сняли ограничения в переписке и передвижении (мог выезжать из поселка в близлежащие города и даже съездить куда-нибудь в отпуск), но не более.

Свободная переписка и позволила отцу найти свою бывшую семью. Это случилось в пятьдесят пятом после рождения сестренки Галинки. Восстановив переписку с братьями и сестрами, с бывшими друзьями, он через них попытался найти следы детей и жены. И кто-то из друзей вдруг сообщил, что Фира с Юркой и Люсей вернулись в Ленинград.

Отец написал одно письмо... второе... третье... Ни строчки в ответ. Сделал официальный запрос. Паспортный стол подтвердил: да, такие проживают по указанному адресу. Снова написал несколько писем, и вновь... тишина. Мать, видя, как он не находит себе места, пробовала успокоить:

- Ты, смотрю, совсем раскис. Даже с лица сошел. Нельзя же так. Встряхнись. Видимо, не доходят твои письма. Я уверена, если бы доходили, давно бы пришел ответ. Пиши снова... Хотя, ты знаешь, меня все чаще одолевают сомнения: может, ты зря написал так подробно о том, как был сослан, как жил в Абагуре, о нашей встрече и о рождении детей, а?... Может, из-за этого она и не отвечает? Обиделась... Как ты считаешь? И опять же: скрывай не скрывай, а правда все равно когда-нибудь всплывет, и тогда во сто крат больше будет... Но ответное письмо пришло, пришло

почти год спустя, когда отец уже совсем отчаялся установить контакт со своей бывшей семьей. Письмо было на нескольких страницах, исписанных убогим почерком, и хранилось матерью долго, даже после смерти отца. Дословно я его не помню, но примерно оно было следующего содержания:

«...Володя, если честно, я не хотела отвешать на твои письма. И в основном из-за того, что ты встретил там, в Сибири, где отбывалась ссылка, другую женщину и живешь с ней в гражданском браке. Меня душила ревность, жалость к себе и детям... Но боль постепенно утихла.

Сегодня я вновь перечитала эти письма и многое переосмыслила. Да, ты хлебнул невзгод через край, не меньше досталось и мне, когда с детьми моталась по Северному Казахстану и Сибири после эвакуации из Ленинграда. Ты чуть не умер от голода во время блокады, голодала и я с детьми, проживая в Чите. Что сделаешь, так сложились обстоятельства, оба мы оказались в жизненной мясорубке и не знали - спасемся ли? А потом ты попал в новую круговорот, которая началась еще до войны. Видимо, крылатое выражение: «Человек - сам кузнец своего счастья!» - идеологическая выдумка тех... Ну, ты сам знаешь кого... Это пустые слова. Нам не дано решать свою судьбу, мы всецело зависим от Всевышнего и стоящих у власти... В общем, это наш крест, и нам его нести, как говорится: каждому свое...

Ты зовешь в Сибирь (вернее, настоячиво просил об этом в первых письмах, видимо, когда жил еще один), но я там уже была, и при воспоминаниях о том периоде меня бросает в дрожь. Кстати, скажи, а что я буду делать там, в твоей деревне, со своим высшим инженерным образованием? Копать огород, садить картошку, полоть грядки? И, прости, мне не хочется быть женой ссыльного, а тем более, чтобы на меня и моих детей все окружающие смотрели с презрением... Я этого очень боюсь! Времена «декабристов» прошли. Я никогда не поеду в этот дикий край!

Прости, но я скрыла от детей, что ты сослан в Сибирь. Они знали, что их отец до войны был военным летчиком и погиб при испытании нового самолета... И пусть они им гордятся и никогда не узнают, что он - изгой. Они почти уже взрослые: Юрию через два года - в армию, Люся после окончания школы мечтает стать медиком. И давай не будем ломать им жизнь...

У тебя сейчас двое маленьких детей. Растить их, поднимать на ноги, если уж так случилось... Я знаю, ты будешь настаивать на помощи нашим детям, и я не могу запретить тебе это, но делай так, чтобы они не знали, что это помощь от отца... Умоляю, высылай, пожалуйста, до востребования на мое имя, и не надо больше писем... Я очень прошу: пусть они хотя бы формально не будут детьми депортированного...»

Вот такое было тяжелое письмо. Я представляю, каким ударом оно явилось для отца, какую боль он испытал, читая его строчки.

Через какое-то время отчим узаконил свои отношения с матерью, зарегистрировав брак и усыновив своих родных детей от нового брака. Но он никогда не забывал Юрия и Люсю - своих первых детей: регулярно, особенно к праздникам, высылал в Ленинград деньги и бандероли с подарками до востребования, как и настаивала Фира...

Я не знаю, каким образом Юрий узнал о существовании отца, но во время его службы в армии неожиданно возникла их переписка. К тому времени я уже покинул родительский кров, рано женившись, пустился в самостоятель-

ное плавание. Какое-то время помотавшись по частным квартирам, я был приглашен в газету литсотрудником, стал журналистом, получил в городе квартиру и покинул поселок, где жили мой любимый отчим, мать и братишка с сестренкой. Письма Юрия мне читать, к сожалению, не пришлось, только знал, что, отслужив, Юрий вернулся в Ленинград и вскоре женился, поторопившись, как и я, взять на свои еще не совсем окрепшие плечи семейную обузу.

Встретились мы с Юрием в середине семидесятых, когда он со старшим семилетним сынулей приехал к нам, в далекую Сибирь лично познакомиться и пообщаться с родным отцом. Узнав о его приезде и готовясь к встрече, я, естественно, волновался, какой она будет - эта встреча, грустной или радостной? Выдержит ли сердце отца? Как Юрий отнесется к сводным брату и сестре и особенно ко мне - для него вообще чужом человеке. Однако волновался я зря. Юрий оказался очень общительным парнем. Меня приятно поразила его начитанность, с ним было интересно говорить на любые темы. Особенно он был силен в электронике и технических вопросах, в чем я вообще не «шарил».

Поразительно, но Юрий очень легко, будто только вчера расстался, сошелся с Толяном и Галинкой и даже мать покорила своей непосредственностью. Он ее с теплотой в голосе называл: «Тетья Грουνя!» И никакой обиды и отчужденности в глазах... Это было выше моего понимания.

А отец был на седьмом небе...

Тогда, при первой встрече, едва взглянув на Юрия, я поразились его схожести с отцом и братишкой Толиком (те же серые глаза, прямой нос, подбородок, темно-русые волосы и ранние залысины, общая сухощавость), а главное - это какая-то внутренняя теплота и магнетизм, притягивающий, привлекающий к нему всех окружающих (есть такое состояние души человека, а может быть, его ауры, когда к нему тянет, с ним приятно общаться и даже просто посидеть рядом).

В день отъезда, оставшись наедине, он мне сказал:

- Мне не удалось счастье расти в полноценной семье, не было крепкого отцовского плеча и мужской поддержки. Но сегодня я счастлив: у меня нашелся отец, и, кажется, неплохой человек. Как ты считаешь, Вольдемар?.. Ну, и я о том же, - засмеялся Юрий, выслушав мои комплименты в адрес отчима. - И вот, уезжая, я вдвойне счастлив не только от встречи с отцом, но и оттого, что приобрел двух братьев и сестренку. Да, да, не делай таких удивленных глаз. Я не оговорился. Я приобрел двух братьев - Анатолия и тебя. Я понимаю - ты не можешь быть мне родным братом, но названным-то ведь можешь? Ну, пожалуйста!..

Так у меня появился названный брат Юрий. Мы стали переписываться и изредка созваниваться по телефону. Частенько по делам службы, во всяком случае ежегодно, я бывал в столице, в Ленинграде и всегда старался захватить к Юрию, погостить у него день-другой.

В отличие от Юрия его сестра Люся на контакт с отцом и его новой семьей не пошла, видимо, сказала женская солидарность с матерью (Фира была категорически против таких контактов старшего сына Юрия). И за это ни Люсю, ни Фире осуждать нельзя: в женской психологии что-то есть такое, чего нам, мужчинам, понять не дано.

В начале восьмидесятых, получив назначение по службе в одно из строящихся и развивающихся исправительно-трудовых учреждений в Архангельской об-

ласти, я пересел с супругой в Североонежск и начал обживать доселе не известный мне северный край. Изобилие озер и тайга, совершенно не похожая на урман южных районов Кузбасса, поразили меня, особенно великим množеством рыбы в бесчисленных водоемах и всевозможной дичи в малохоженных лесах. Для меня, страстного охотника, это было настоящим счастьем.

От Североонежска до Питера поездом - всего сутки, и теперь мы с Юрием практически ежегодно брали отпуск ближе к осени и вместе с моим другом, таким же заядлым рыбаком и неизменным напарником по походам в тайгу, нагрузившись рюкзаками, уходили в глухомань, к черту на кулички, чтобы в какой-нибудь заброшенной охотничьей избушке отдохнуть на всю катушку вдаль от толпы и цивилизации.

В феврале восьмидесяти пятого из Сибири пришла страшная телеграмма: от сердечного приступа умер отец. Казалось, рухнули какие-то опоры, незримо поддерживавшие стену сзади и кровлю над головой, она вдруг осела, пригнув голову к земле, на плечи навалилась непомерная тяжесть...

В Домоделово у аэропортовой казсы лицом к лицу столкнулся с почерневшим и осунувшимся Юрием. Крепко обнялись со слезами на глазах и долго стояли, уткнувшись лицом в плечо друг другу, чтобы скрыть от окружающих свалившиеся на нас горе.

Ушел из жизни любимый человек, досыта нахлебавшийся жизненных невзгод, ушел, не сломавшись и осуществив свою сокровенную мечту: вырастил замечательный сад, построил хороший светлый дом и поставил на ноги нас - троих детей, передав в наследство частицу своей богатой души. И не только нам. Будучи на пенсии до последнего дня работал сторожем в спортивном клубе «Крылатая юность», созданном на базе бывшего Абагурского аэродрома, когда-то обслуживавшего местные авиалинии и перевозившего пассажиров и небольшие грузы «аннушками», «яками» и вертолетами в тасжные поселки, в Хакасию и в соседний Алтайский край. «Крылатая юность» растила и воспитывала будущих асов высшего пилотажа на спортивных самолетах, планеристов и парашютистов. И не только мальчишки, новички клуба, но и его ветераны и инструкторы все любили отца - бывшего летчика-истребителя.

Инструкторы частенько во время тренировочных полетов

брали его с собой в кабину и доверяли управление самолетом. А во время похорон над кладбищем и толпой людей, собравшихся проводить отца в последний путь, в небе два спортивных самолета, пилотируемые асами спортивного клуба «Крылатая юность», долго, кружась, выполняли фигуры высшего пилотажа, в том числе любимые когда-то отцом во время полетов на истребителях - «бочки», «мертвые петли» и перевороты через крыло. Асы отдавали дань их собрату по бездонному небу - скромному сторожу клуба.

Сердце Владимира Эмильевича не выдержало ударов судьбы, он так и умер, не дождавшись извинения власти за гонения по национальному признаку, ушел из жизни с черной меткой репрессированного, как враг народа... Только двадцать лет спустя, вернувшись с Севера на малую родину, мне удалось добиться реабилитации отчима-отца посмертно.

Доброе имя хорошего человека, беззавестно влюбленного в голубое небо и насильно отлученного от него, было восстановлено... К сожалению, с большим опозданием...

Владимир ДЕГТЯРЁВ

«Здравствуйте уважаемые работники редакции «ЛХГА «Устьтская россыпь»!

Я знаю, что стихи мои неважные, но приятели мои, которые их читали, думают иначе.

Я пробовал писать существенные стихи, перефразы, но Кустова М.А. – ответственный секретарь газеты «Красная Шория», их игнорирует и всегда находит повод к отказу. Перефраз о лете, то есть стихи, которые приношу ей осенью, говорит, что публиковать их уже не время, а существенные считает заумными...

И таких стихов, коих я написал, кипа и они заполнили тумбочку.

С уважением – Владимир Дегтярёв, город Таштагол.

Вторая память

Зачем же она мне, память вторая?
Забуть я хочу круговерть наших дней,
Всё то, что гнетёт так меня ежедневно
В жизни нескладной моей.
Но проснулась во мне, сама того не желая,
Прозорливая память вторая.
Эта память во льдах Гималаев,
В китайской стене и постройках ацтеков,
В уцелевших жилищах нищих и эков.
И эти события все проснулись во мне.
Я помню полотнища красной материи
На здании каждом
В бывшей огромной империи,
Жившей дважды.
Да, работает быстро история,
Как печь крематория:
На Сахалине и на Аляске,
На острове Шохово, острове Пасхи.
Значит, нужна эта память вторая,
Как группа крови моя, нулевая.

Я слышу голос моря,
От него за тысячи миль вдали,
В моём дорогом Таштаголе,
Куда уже спешат грачи.

На смену клестов и снегирей,
Которые в холодную пору жили,
И над безмолвием заснеженных полей,
С зимой прощаясь, горестно кружили.

А я слушаю весны аккорды,
Звуки подзабытые зимой.
И хочу, чтоб в срок рекордный
Вернулись все пернатые домой.

Хочу увидеть ранним утром,
Когда уже соседи спят,
На пруду уставших уток,
Которые о чём-то говорят.

Языка я птичьего не знаю,
Но считаю, что не ошибусь,
Какие чувства наполняют стаю,
Увидев вновь свою родную Русь.

Времена года

На Буланже, на Буланже
Цветёт черёмуха уже.
Значит весна в зените,
Если мох цветёт на граните.
Значит – жизнь продолжается.
Чёрт возьми!
Люди влюбляются
В Таштаголе, Кузнецке, Твери...
Значит зима низложена,
Коль цветами земля запорошена,
По ночам здесь поют соловьи,
И мир зелёный в объятьях любви.

А на Буланже, на Буланже
Малина спелая уже.
Планета кружится, как ей положено
И всё вокруг омоложено.
Прохожий! Постой, погоди,
Ты ладонь на гранит положи
И под шапкой мха многолетнего
Почувствуй пульс времени летнего.
На Буланже, на Буланже
Снег лежит давно уже
И солнце давно в надире,

Всё меняется в нашем мире:
За порогом снег кружится
И февральская метель,
Но за каждой снежной кучей
Давно прячется апрель.
Я люблю весны творенье –
Ледоход, как первый гром.
У реки столпотворенье
Подогретое вином.

Времена года все прекрасны
Тут всё ясно, спора нет.
Не жалел всевышний красок,
На свой божественный сюжет.

Апрельский дождь

Скучно мне в своей квартире,
Непогода...во всём мире.
Где-то ветер во всю мощь
Разгоняет тучи прочь.

Пёстрые, жёлтые, красные
Вижу зонты из окна.
Значит погода ненастная,
А я у окна – сирота.

Выйду под дождик весенний,
По асфальту пройду, не спеша,
По мокрой пупырчатой пене,
От холодного ветра дрожа.

Зачерпну из лужи горсть
Водяной небесной манны,
Он ещё не тёплый гость
С высоты туманной.

Дождёмся мы начала лета,
Оно шагает рядом где-то,
И тёплый дождик как награда
Озеленит деревья сада.

А я иду, иду куда-то,
Сам не ведая куда.
А дождь уже на пару с градом
Хлещет мокрого меня.

Вспомню я в знойное лето
Этот потоп весной,
На дождик когда будет вето,
А я изувечен жарой.

Звучала музыка в ночи
Во дворе под клёном.
Кто-то боль свою лечил
Аккордеоном.

Аккордеон рыдал взлёт, б,
Я курил и слушал.
И ничем помочь не мог
Плачущим двум душам.

Минорной музыка была.
Мне стало грустно и больно.
В бездну, в ночь она звала,
И я шагнул... невольно.

Дороги речка убегала
Сквозь гречишные поля.
Во мне музыка звучала,
Заполнявшая меня.

И до боли захотелось понять,
Что со мною стряслось?

Должно быть запоздаю зрелость,
Разбудил во мне
странствующий гость.

И покатится жизнь под овражек –
Всё быстрее, быстрее.
И кто-то с усмешкой
мне скажет:
«Ты стал не мудрее, старей».

Я схал домой на подводе,
Неспешно сигаркой дымя.
Мне утро кричало: «Володя,
Отцвела давно юность твоя».

Осень! Дожливая осень!
Поубавилось красок в ней.
Лета уход больней переносим,
Что-то сломалось в природе вещей.

Не видно птиц летящих к югу,
Земли сместилась, видно, ось.
Летают бедные по кругу –
Уставшие, промокшие насквозь.

И грусть беспричинная чаще
Напротив сидит за столом.
И этот, о ком-то скорбящий,
Стал, как уставший фантом.

И раньше обычного срока
Охрой пылает весь лес,
Краской зловещего смога,
Который струится с небес.

Незримо, мало-помалу,
Состарилось года дитя.
И шагает октябрь устало
В белый дворец ноября.

Жизнь – это зал ожидания.
Пассажирам там всем по пути,
Не слышно там слов «До свидания!»
А только «прощай» и «прости».

Экспресс наш промчится по кругу
Сквозь темень и солнечный свет.
В пути заменив всю «обслужу»
Старших на несколько лет.

Однажды, быть может под вечер,
Увидишь знакомый вокзал,
На миг потеряешь дар речи,
Припомнив, что здесь ты бывал.

Видел зелёное здание,
Перехода железный скелет, и

Чей-то голос объявит: «Внимание!
Вы в городе прожитых лет!»

Ты скажешь тихонько: «Как можно?
Взгляните, ведь я не старик!»
Вагон твой, почти осторожно,
Навечно загонят в тупик.

Жизнь – это зал ожидания,
Где все одержимы одним,
Что диктора фраза «Внимание!»
Сулит что-то доброе им.

Улететь, убежать, удалиться
От того, что я вижу вокруг.
Я невольно завидую птицам,
Летящим на север или юг.

Инстинкт им подскажет дорогу.
Прямая у них полоса.
Ведь птицы поближе нас к Богу,
Без фальши у них голоса.

Нет в них притворства и лести,
Неведомы злоба и месть.
Несут Ему разные вести,
Что было недавно и есть.

А есть беспробудное пьянство,
Наркотики, злоба и смрад...
Одно лишь есть постоянство:
Ворота открытые в АД.

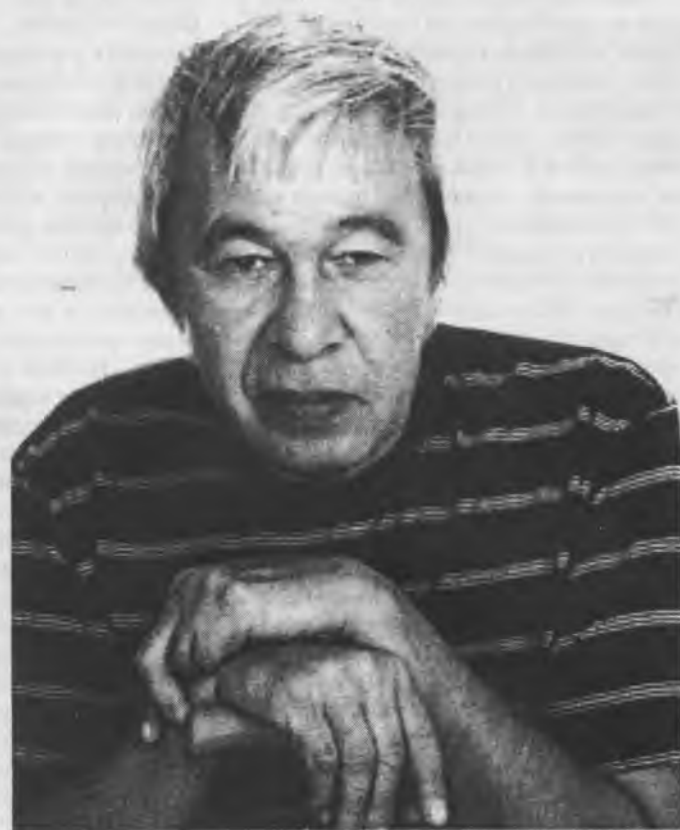
У церковных дверей не стоял я и близко,
О подобном и думать не мог.
К чему и зачем атеисту
Молебн, иконы и Бог?

Привычной огни ресторана,
Запах сигар и духов.
Безжизненный взгляд наркомана,
Как пара ружейных стволов.

Меняется жизнь и взгляд на неё.
И церковь уже не экзотика в ней.
Для кого-то игла, для кого мумий,
А я вот стою у церковных дверей.

Поцелуя ангела я не дожусь,
Бредовая слишком затея.
В атмосферу новую лишь окунусь,
О духовном здоровье радая.

Может быть, ещё успею
Очистить душу от грехов
И что-то доброе посеять,
На пашне прожитых годов.

Сергей ЕРОФЕЕВ

Старший преподаватель кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».

Призер поэтического конкурса «Союзники-Кузбасс» (III место), победитель литературного конкурса журнала «Огни Кузбасса» (I место) и V конкурса «Рецензент», проводимого издательством «Союз писателей».

Автор трех книг стихов и прозы. С апреля 2011 года представитель литературного объединения «Мастер-Круг» (г. Новокузнецк).

Моему комусу

1.
Под язычком послушного комуса
Колеблется немеркнущая нить...
Движений пепь не силясь полонить —
Ты принужден звучать в устах уруса.

Пока еще играет в прятки муза,
Пока чисты образчики желаний,
Томимый осознанием искуса,
Отверзни двери таинства преданий,

Восстань из бездны тягостных исканий
И помоги мечтанья обновить...
Мой проводник и кладезь вечных знаний,

Земной металл, способный возродить
И страх и страсть ушедших состояний,
Сумею ли тебя я покорить?

2.
Сумею ли отвадить злые сны,
Где выйдет боком каждая помарка,
Где, услышав Благою весть от Марка,

Воспрянут телом мертвые сыны
И стражи мирового зоопарка, —
Башибузуки царства сатаны?

Сумею ли? Немолчное созданье
Подарит мне мелодию крестин,
И три слона, в межзвездье мироздания,
Низвергнут прах с натруженных хребтин,

Под язычком послушного комуса
Дугою изогнется дума-нить...
Ее плетенье не остановить
Рукой и волей странного уруса...

Село на границе горного округа

1.
Вдоль дефиле, в клоках седых осин,
Ухваченное долом за пороги,
Не достигая жертвенных трясин
В безмерном упоении тревоги,

Не омочив ступней у камыша,
Лежит село, рожденное статутом, —
Придавлена вобановским редутом
Удалая сибирская душа.

Скитальцы-песни, звуки вороша,
Дыша на перетянутые струны,
Вонзая в кожу солнечные руны...

Напитываясь жаром постоянства,
Врастают в даль истерзанного ханства,
С азартом, два чугунных крепыша.

2.
Увесистой монаршая тамга
Сухой лозы демидовского пыла,
Но в доле братской равно невзлюбила

Смутьяны-песни... Ну, без дураков,
Чем наполнять утробы рудников, —
Под боком непролазная тайга...

Тут многие, не будучи глупцами,
В тенета уходили насовсем,
Одолевать когда-то праслепцами
На брение променянный Эдем,

Маячащий в величии картин
Иль миражей зубчатого Алтая,
Что иногда, прикрыв глаза от мая,
Возможно видеть с линии куртин...

Неизбывная печаль одинокого искателя

1.
Мой тусклый край — небрежные мазки,
Понурые случайные селенья,
Таскылы, что будила от тоски
Лишь гуннская волна переселенья, —

Уйду в тебя, приветить и впитать
Каменьями расцветенные ночи...
Я здесь размыт, я как бы между прочим —
Никчемный брат, эстетствующий тать...

Искателю положено искать, —
Чем гуще перепачканы манжеты,
Тем более терзают слух сюжеты,

Которым довелось его ласкать,
Когда в фаворе были откровенья,
И шансами казались преткновенья...

2.
Уже сомнений вырвана чека,
Осталось выгнуть брови коромыслом
И рассказы наполнить
здравым смыслом,

Превознося в стихах, забыв о лени,
Остатки укреплений Верхней Нени
Иль серебро бедняги Колчака...

Тяжелая, натужная строка
Не сразу застит мерный такт походки,
А скрип уключин старой доброй лодки
Она опять отторгнет свысока,

Пришпоривая загнанную статью
Искателя чудес и треволнений.
Простых картин и пышных
обрамлений
Я череды не в силах обуздать...

Анданте для комуса и струнных

1.
Я верный страж мелодии плсненной
И автор слов, и перенос строки, —
Простая мысль для пишущей руки,
Смычок и резонатор для Вселенной

Мельчайших струн — тсории виват!
Во истребленье штампов и канонов
Живой пучок расчесанных нейронов,
Натянутый на костный аппарат,

Над позвоночной эфой заскрежешет...
Не предусмотрен к прошлому возврат, —
Пока еще разомкнут бархат врат,

Нет дела, что никто не рукоплещет...
И мой комус солирует и блещет —
Родня анакреоновых цикад...

2.
Но отзовутся, резвы и вольны,
Лучи водой искромсанного света;
Носители искомого совета

Доставят мне приветы старины:
Плач Эйлером терзасмой струны
И нафталин отжившего сонета...

Перкуссия дождя создаст объем,
И, понимая замысел не сразу,
Привычна слуху и не чужда глазу,
Тьма образов уйдет за окоем...

Те, что вернутся верить и молчать
С надеждою Вергилия и Данте,
Вольются в ток бредового анданте,
Которое не даст мне заекувать.

Авторские примечания

Моему комусу

Комус (варган) — один из древнейших музыкальных инструментов. Представляет собой рамку с укрепленным на ней язычком. Рамка во время игры прижимается к зубам, язычок приводится в движение пальцем, гортань и ротовая полость выступают в роли резонатора.

Евангелие (Благая весть) от Марка — единственная часть Нового завета, переведенная на шорский язык.

Башибузуки — турецкие и регулярные формирования, ополченцы. Термин часто употребляется для обозначения врага, отвергающего любые правила, способного на любую низость или жестокость.

Село на границе горного округа

Дефиле — пригодный для передвижения войск путь в гористой или любой другой малопроезжимой местности.

Редут — полевое укрепление, предназначенное для круговой обороны. На Колывано-Кузнецкой линии они зачастую представляли собой довольно сложные конструкции (автор — инженер-майор Ларс Мальм).

Себастьян Вобан (1633—1707) — выдающийся французский военный инженер, мастерски применявший фортификационные схемы построения крепостей к особенностям местности.

...два чугунных крепыша. — имеются в виду шести- и двенадцатифунтовые орудия Каменского завода (г. Каменск-Уральский), которыми оснащались Сибирские пограничные линии.

Тамга — у тюркских народностей — символ рода, клеймо, печать, удостоверяющие право на власть или право собственности.

...лозы демидовского ныля... — в верхней части гербового щита рода Демиловых изображены три рудознатческие лозы.

Куртина — часть земляного вала (или стены) между двумя соседними бастиянами.

Неизбывная печаль одинокого искателя

Таскылы — гольцы, горы с лишенной леса (голой) вершиной.

Верхняя Неня (Верх-Неня) — село в Ельцовском районе Алтайского края. Верхненнинский редут был частью Колывано-Кузнецкой линии укреплений (Кузнецкая дистанция).

Колчак Александр Васильевич (1874—1920) — вице-адмирал, российский полярный исследователь, военный и политический деятель, один из раководителей Белого движения. Существует множество легенд, связанных с судьбой золотого запаса Российской империи; местные (бытующие на юге Кузбасса) истории о «серебре Колчака» — из их числа.

Анданте для комуса и струнных

...теории виват... — имеется в виду «теория струн», ставшая фундаментом для поиска универсальной «разгадки тайн мироздания» в XX веке.

Эфы — резонаторные отверстия в корпусах ряда струнных музыкальных инструментов (например, скрипки), имеющие форму латинской литеры «f».

Анакреон (Анакреонт) (570? — 487 до Р.Х.) — древнегреческий поэт. Строка адресует читателя к оде Анакреона «К цикад».

Леонард Эйлер (1707—1783) — российский математик швейцарского происхождения. Участник, наряду с Ж. д'Аламбером, Д. Бернулли и Ж. Лагранжем, «спора о звучащей струне».

Анданте — один из музыкальных темпов, также — музыкальная пьеса, написанная в этом темпе.

Геннадий МОРОЗОВ

Легенда о Вараве

Живи своим трудом, не кражей -
Одно из наставлений Моисея.
И если уж ведут под стражей,
То не спасёт никто злодея.
О бегстве

думать

глупая затея.

Конвойные - отряд бородачей,
Служак из Бене-Вартея.
Будь ты хоть дьявола ловчей,
Не ускользнёшь от их мечей.

Получит каждый за грехи,
И не задержится расплата.
К мольбам законники глухи.
Синедрион - опора постулата,
Следит за этим делом свято.
Иначе, в обществе разброд,
Пойдут стеною брат на брата.
Итог известен наперёд -
Погибнет

Богом

избранный

народ.

Закон ветшает, обрастает пылью,
Как древний камень мостовой.
Процессию неспешную, унылую,
Проходим видеть не впервой.
Их насмотрелись здесь с лихвой.
Привык уже священный город
Частенько наблюдать конвой.
Старуха-смерть, испытывая голод,
Предпочитает тех, кто молод.

Зловещая мелодия оков.
В один конец ведёт дорога.
Варавва мысленно готов
Предстать перед глазами Бога -
Убийц наказывают строго.
А жизнь ведь только началась
И обещала парню много.
Но не дала напиток власти,
Оставила неутолённой страсть.

Опять банальный треугольник
Сыграл трагическую роль.
Ещё один любви невольник
Над чувством потерял контроль.
Зачем терпеть обиды боль?
А молодость всегда упряма,
Ей только действовать позволю.
Варавва не потерпит срама.
Убийством завершилась драма.

Юдифь!

Восторженною песней
Воспоминание звучит.
Нет девушки тебя прелестней.
Жаль, песня скоро замолчит -
Прервут восторг мой палачи.
Давно известен приговор:
«Распни!» -
тысячеглаво закричит
Жестокий, кровожадный хор,
Погаснув эхом среди гор.

Исчезну я в расцвете лет,
Уйду из жизни навсегда.
Смахнёт порывом ветра след
На той дороге, в никуда.
Душа взлетит, отмщением горда,
Над сумрачной, земною твердью.
Взметённая решением суда
Над жуткой круговертью
Любви танцующей со смертью.

На Иудею римская корона
Давно набросила аркан.
Но для устойчивости трона
Был нужен хитрый интриган,
Иначе непокорности вулкан,

Чей рокот слышен ощутимо,
Рассыплет ожерелье стран
Объединённых волей Рима.
Пилату непокорность зрима.

Стоят навтыяжку солдаты.
Священники поднялись на ступени.
Под балдахин - трон Пилата.
Он явно болен, под глазами тени.
И что-то изменилось в поведении
Толпы.

Она не смотрит на конвой.

Варавва озирается в смятении,
Такое дело здесь впервой.
Кому же дикий свист и вой?

Крик яростный и страшный
Направлен человеку в белом.
Оставил сердце страх вчерашний,
Владевший мыслями и телом.
Людское море бешено гудело,
А тот стоит без тени страха:
Как будто,

до судилища нет дела.

Дождавшись царственного взмаха,
Зашелестела в тишине бумага.

Озвученный народу свиток,
Количеством бумаги и чернил
Ввёл канцелярию в убыток,
Был многословен и уныл.
Народ зевал и писаря бранил:
- Нельзя ли покороче?
Вторую Тору сочинил.
Неужто нам стоять до ночи?
Болягу слушать нету мочи.

Варавва слышит разговор:
- Вот этот проповедник
Получит смертный приговор
За еретические бредни
Среди униженных и бедных.
Считал,

наивная душа

И плотника Иосифа наследник,
Что нужно жить не для гроша,
А чистым помыслам служа.

На площадь выбежал свидетель,
Известный в городе меняла:
- Пилат,

заступник

и радетель!

Таких, как ты, на свете мало.
Хочу, чтоб Иудея знала -
Хранитель нашего уклада.
Моя страна счастливей стала
От твоего заботливого взгляда.
Ты - небом данная отрада!

Я в Храме в долг даю монеты:
Святая бескорыстная работа.
И выполняю мудрецов заветы,
Не жду от горожан дохода.
О благе ближнего забота.
Богоугодным занят я трудом.
Вдруг на виду всего народа
Бандит ворвался в божий дом,
Ударил по спине кнутом!

Торговцам рассыпал проклятия:
Надгробные,

мол,

плиты вы!

Бездушная,

слепая братия!

Храм создан для молитвы,
Для яростной, духовной битвы
Сил света против зла!
Слова опасней острой бритвы
Речь осквернителя несла.
Всех оскорблений несть числа.

Пилат с холодной улыбкой
Прервал разгневанную речь:
- Вина мне показалась зыбкой,
Заране хочу предостеречь.
Тебя, Енох, пора бы сечь,
Наслышан я про твой обман.
Твоя мечта доход извлечь,
Набить потуже свой карман,
А остальное всё - туман.

Теперь я совершенно убеждён,
Что этот проповедник молодой
Ошибочно был вами осуждён.
И выход вижу здесь простой:
У вас обычай есть святой -
По жребию,

на Пасху,

не казнить.

Воспользуйтесь лазейкой той.
Могу и чётче пояснить:
Распятие придётся отменить!

Каифа, член Синедриона.
Вспылил на это предложение:
- Посланец Кесарева трона!
Ты потеряешь наше уважение,
Принявши необдуманно решение.
Мы требуем Варавву отпустить!
Совет наш утвердил прошение.
Убийцу

легче

нам простить,

Чем Иисуса в храмы допустить.

Толпа в угрюмом ожидании,
Немного и обрушится бедой.
Отдал правитель указание.
Подали таз, наполненный водой.
Сверкает перстень золотой,
Пилат спокойно умывает руки.
Ответ, известный прямою:
- Вы обрекли невинного на муки,
Но в этом нет моей заслуги!

Варавве всё происходящее
Казалось удивительным, как сон.
Как будто всё ненастоящее:
Конвой,

которым окружён,

Цепей стальных зловещий звон.

И вдруг,

счастливая звезда,

Живым отсюда выйдет он!

По воле всенародного суда

Продолжат счёт его года.

Спокойный Иисуса взор
Явлением невиданного чуда
Затмил судилища позор.
Свалилась каменная груда.
Душа взлетела из-под спуда
Обиды,

страха и смятения.

Но почему у остальных людей
Не изменилось поведение,
Неужто слепы от рождения?

Над головой сияющее небо,
Раскрыли лепестки цветы.
А из толпы людской нелепо,
Не замечая божьей красоты,
Несётся крик на все лады.
Потоком яростных угроз
Размыты райские сады.
Юдоль печали, горя, слёз
Не принимает запах роз.

Час казни приближался.
И город, как обычно, жил.
Подобных зрелищ не пугался.
Привык, спокойно ел и пил,
Толпою место казни окружил.
В толпе зевак стоит она,
Его Юдифь!

Варавва поспешил

К богине, нарушительнице сна,
Чья красота туманит без вина.

Но вместо жарких слов любви -
Он слышит вдруг надменное:
- Меня ты не ищи и не зови,
Запомни, существо презренное!
Любовь - монета неразмённая.
А ты, виновник моих мук,
Украл сокровище бесценное.
Иаков, мой сердечный друг,
Погиб от этих грязных рук.

Какая страсть, какой накал,
Любимой овладели черти!
Варавву монолог не напугал.
Он вышел из объятий смерти.
И разве кто-нибудь очертит
Границы, где живёт любовь?
Она захватит и завертит,
А закипающую кровь
Не охладит нахмуренная бровь.

Команды,

как удар хлыста,

Звучат отрывисто, размеренно.
Пробиты руки у Христа.
Садист работает уверенно.
Работа много раз проверена.
Вдруг шёпот удивления в толпе
Прошелестел и стих растерянно:
- Какое мужество в покорности судьбе,
Без стонов, терпит муки на столбе!

Как утомившийся в дороге,
Он прикоснулся телом к брёвнам.
Как будто на отеческом пороге,
В порыве искреннем, любовном
На ложе лёг, отцом дарованном.
Покорностью желая показать,
И зная о финале уготованном,
Что смертью жизнь не наказать,
Жизнь будет вечно воскресать!

Над головой кружила птаха.
Пыталась удалить венец,
Сил не жалея и не зная страха.
Чем вызвала сочувствие сердец.
Возможно, крошечный гонец
Из мира Горнего явился.
Всевидающий, заоблачный Отец
К заблудшим душам обратился,
И отзвук покаяния родился.

В сторонке, знатные особы,
Чей род от патриарха Авраама.
На лицах ни сочувствия, ни злобы,
Им надоела затянувшаяся драма.
Юдифь рассказывает дамам
Печальную историю о брате:
- Увлёкся он словесным хламом
Мятежника, принявшего распятие.
За это вся семья в расплате.

Дрожали слёзы на ресницах.
- Иудушка из дома убежал.
В кошмаре лишь такое снится.
Он как в агонии дрожал,
Казалось гибельный кинжал
Пронзил его живое тело
Мне руки напоследок сжал.
Мол, совершил худое дело
И кровь на нём лежит всецело!

- Страх исказил черты лица
Состарил милого Иуду.
Ни слёзы матери, ни доводы отца
Не помогли. Я не забуду
Как мы искали брата всюду.
Всю ночь без отдыха и сна.
Но Бог не дал случиться чуду.
Без брата в мире - я одна.
А в этом проповедника вина!

Зарницы вспыхнули вдали,
Спугнули поджидающих ворон.
Приблизились и силу обрели.
И вот уже со всех сторон
Крест Иисуса озарён
Каким-то неземным свечением.
Народ тревожно удивлён
Искрящимся, внезапным облачением.
Задумался над сутью и значением.

Качнулась неожиданно Голгофа.
Зашевелилась старая гора,
Разбуженная волей Саваофа.
Его рука божественно мудра,
Но далеко не всякий раз добра,
Опасна может быть смертельно
Землянам Высшая игра.
Хотя он действует прицельно,
Для каждого из нас отдельно.

День мигом обратился в ночь.
Упрятав головы в ладони,
Толпа рванула разом, прочь,
В безумном хаосе и стоне.
Но под крестом на склоне
Клочок земли остался цел.
Стоит центурион Петроний.
Бежать, как все, не захотел:
Ведь трусость не его удел.

Клочок образовался не спроста.
Он, как незыблемый оплот,
Ученикам казнённого Христа
Поддержку силы духа шлёт.
Не сомневались.

Равви не умрёт.
Зачем он дал себя казнить?
Ведь мог же поступить наоборот —
Божественную силу применить.
Кого теперь в содеянном винить?

Петроний выражает мнение:
- Тут многое, друзья, неясно.
Моё простое объяснение
С Каифой напрямую связано.
Специалист обмана и соблазна
Явился ваших бед виною.
Внушил Иуде, будто не опасно
Учителю судилище земное.
Доверчивость ужасною ценою.

Всем хочется шагнуть без горя,
Навстречу счастью и добру.
Всем хочется, не спорю,
Трапезничать на жизненном пиру.
Не все придутся ко двору.
Юдифь уже не та отныне.
Иуды тень окутала сестру,
Легла печатью на судьбине.
Погас рассудок ветреной богини.

Спокоен город Иерусалим,
Безумие его не раздражает.
Сон равнодушия неодолим,
Лишь взглядом провожает,
Не остановит, не мешаят.
Вот показалась колоннада.
Любезный голос приглашает:
- Входи, бесценная отрада,
Цветок любви,
души улада.

Красавица сегодня необычна.
Глаза чужие, смотрит строже.
Всё это для Каифы непривычно.
Осунулась и стала не похожа,
На ту, что украшала его ложе.
Вдруг сердце молния пронзила.
Никто не ожидал, что сможет
Такая хрупкая, откуда сила?
Кинжал священнику вонзила!

Воскликнула: «Убийца и растлитель!
На совести твоей невинные сердца.
Ты возомнил, что на земле правитель.
Избавлю мир от подлещи,
Ты не достоин лучшего конца!»
Воскликнув, замертво упала.
Коснулась смерть её лица.
Живое сердце биться перестало,
Оно так долго замирало и страдало.

Ночь южная накрыла Галилею.
Луна сквозь облако желтела.
Плащи у стражников белеют
У грота, где святое тело.
Вход камнем наглухо заделан.
Опасен мёртвый проповедник.
Воистину, у страха нет предела.
Вдруг оживёт защитник бедных,
Для воплощения идей победных?

Варавва осторожными шагами,
Приблизился к подножию горы.
Пещеру загораживает камень.
Такой не сдвинуть, не открыть.
К тому же, стражники хитры.
Вдруг лучик появился на востоке,
Хоть далеко до утренней поры.
Два ангела в сверкающем потоке,
Спустились с неба в мир жестокий.

Лик ангелов ему не страшен.
Открылся, сам собою грот.
Короной ослепительной украшен,
Живой Христос идёт вперёд!
Варавву оторопь берёт.
Склонились ангелы в поклоне:
Он обессмертил человеческий род,
Он царь царей, хоть не сидит на троне,
Подвластно всё божественной короне.

Раздался возглас далеко окрест,
Смесь изумления, восторга, славы.
Два слова ёмкие: «Христос воскрес!»
Звучанием прекраснейшей октавы
Откликнулись в душе Вараввы.
То голос был Марии-Магдалины.
Несла цветы к могиле равви,
С букетом поднималась из долины,
И лицезренье невиданной картины.

Но далеко не всем по нраву
О воскресении народная молва.
Нашли виновника — Варавву.
Методика и в наши дни жива —
Виновная найдётся голова
Когда властям необходимо.
Судьба у парня такова —
Опасность не проходит мимо,
Хватает за рукав незримо.

Лицо тюремщика знакомо:
«Входи, входи, мы рады встрече.
Тюрьма тебе милее дома.
Синедриону станет легче
Когда палач тебя излечит».
Ночь принесла волшебный сон.
Варавва слышит ласковые речи:
«Не бойся, ты Христом спасён,
С рассветом будешь вознесён!»

Под утро слышатся шаги.
Тюремщик открывает дверь:
«Пора, дружок, платить долги.
Крест уготованный примерь,
Не будет снисхождения, поверь».
И замер, очень удивлённый.
Не зная, как же быть теперь.
Увы, не дышит заключённый.
Лежит, от мира отрешённый.

Оборвалась невидимая нить.
Та связка, что держала душу,
И заставляла в теле жить.
Вознёсся наш герой наружу,
Сквозь жар и ледяную стужу,
В мир счастья,
мир блаженства.
Из океана слёз на сушу.
Здесь не дерутся за главенство.
Здесь ждут Юдифь и совершенство.

Достоевский: смерть и бессмертие

«Достоевский: смерть и бессмертие» — так называется выставка, открывшаяся 2 октября в литературно-мемориальном музее писателя в рамках празднования его 191-летия.

На выставке демонстрируется порядка 150 вещественных источников, повествующих об ушедшей эпохе: исторические реконструированные платья, мемориальные панно, траурные женские украшения, в том числе — постиженные, перчатки и сумочки, открытки-соболезнования, кольца с камнями, гравюры, фотографии, книги, документы...

Большая часть из представленных предметов является собственностью новосибирского Музея мировой культурной культуры, члена Европейской ассоциации музеев смерти, сохраняющего похоронное наследие под эгидой UNESCO. С начала октября и до конца декабря 2012 года у новокузнецан и гостей города есть возможность познакомиться с небольшой толикой из богатейшей коллекции этого учреждения и осмыслить одну из самых волнительных для Ф.М. Достоевского тем — тему смерти. Применительно к русскому классическому, пережившему ожидание смертной казни, «плывцу страшности человеческого глубин», как называл его знаменитый литературный критик начала XX века Ю.И. Айхенвальд, она звучит по-особенному.

Мрачные и подчас пугающие мысли, вещие сны, предвидения и предзнаменования, эпилептические припадки, в любой момент готовые свести счеты с жизнью, ситуации «кажется» и «мерещится», а также сами знаки смерти, словно предостережения или напоминания о смысле-бессмысленности человеческого бытия, преследовали литератора с раннего возраста. За 60 лет, отмеренных ему судьбой, Федор Михайлович пережил смерти своих родителей и родного брата Михаила, смерть Пушкина — «солнца русской поэзии» и друзей-писателей, смерть первой жены Марии Дмитриевны Исаевой, а также преждевременный уход двух малолетних детей — Сонечки и Алексея. И не просто пережил, а осмыслил во всем философском величии своего таланта на страницах записных книжек, писем, личных дневников, литературных произведений: «Неческая Незванова», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Кроткая», «Мальчик у Христа на елке», «Идиот», «Бесы»...

«Вершиной размышлений Достоевского о смысле существования личности, о семье и браке является дневниковая запись от 16 апреля 1864 года, сле-

ланная им у гроба его первой жены Марии Дмитриевны Исаевой. Эта запись легла в основу нашей постоянной экспозиции в мемориальном доме писателя», — сопровождала экскурсантов по музейным залам научный сотрудник, куратор выставки Екатерина Мингазова. Она рассказала о вдовстве Марии Дмитриевны в первом браке, о жизни и смерти писателя и его близких, ознакомив присутствующих с особенностями художественного мира Достоевского, обрамленного траурной рамой смерти литературных персонажей.

«Без веры в свою душу и в ее бессмертие бытие человека неестественно, невыносимо, — напишет Достоевский своим современникам и потомкам. — Развитие, ведущее к Царству Божию и вечной совершенной жизни в нем, придает смысл всем страданиям и бедствиям, которые испытывает человек в земной жизни, пока не исполнил «стремление к идеалу». Без этой цели, считал Федор Михайлович, «земля бы была бессмысленна». Словно продолжая размышления русского классика, о значении смерти в христианской традиции рассказал гостям выставки студент пастырского отделения Новокузнецкой православной духовной семинарии Олег Самодуров...

Особое внимание посетителей привлекли женские траурные украшения и наряды: кольца с камнями, кулоны, броши, старинная дамская обувь, шикарные платья и со вкусом подобранные к ним шляпки и сумочки. Неужели все это великолепие, вся эта роскошь и разнообразие фасонов, буйство тканей и декора называется трауром?

«Во все времена женщина стремилась быть красивой. Несмотря ни на что, вопреки всему и во что бы то ни стало, — пояснила Е. Мингазова. — Смертность в XIX веке была достаточно высокой, иногда случалось, что женщине практически всю жизнь, следуя традиции, приходилось соблюдать траур». Мы попутно получаем информацию о культуре вдовства, введенной королевой Викторией по случаю смерти любимого мужа, о символике глубокого траура и полутраура, о траурных элементах в нашей повседневной одежде, утративших глубокое внутреннее содержание и уже не воспринимаемых нами в таком качестве.

Приглашенная на мероприятие публика долго не расходилась. Гости внимательно

Владимир ШИШКИН

* * *

Небесная Любовь
нам дарит иногда земную
И благодарности от нас за это ждёт.
Без Бога человек живёт вслепую
И в чём причина бед не разберёт.

Скорбями нас Отец небесный учит,
Мы в этот мир пришли не тело ублажать.
И если над головой сгустились тучи,
Давно пора нам в храм шагать.

Лишь в храме православном нам свидание
Назначила Любовь и ждёт всегда!
Священное познав Писание и Предание,
Оставишь ту дорогу в никуда.

* * *

Когда весною с яблонь облетает
Их белоснежный свадебный наряд,
Ему навстречу тихо выплывает
Сиреневый туман, пьянящий аромат.

Я куст сирени взглядом обнимаю,
С блаженством тот вдыхаю аромат,
Всё серое куда-то исчезает...
К Тебе, о Господи, я устремляю взгляд.

Я не прощу, я благостью наполнен,
Тебя всем сердцем за сие благодарю.
Вселенский Океан Любви,
как Он огромен,
И я в Нём вольной птицею парю.

* * *

Как чудесен наш мир многоцветный,
Как прекрасен сибирский мороз!
Погружаясь в туман предрассветный,
Я роняю горюшки слёз.

Мне смышляевский бор всех роднее,
В нём, как в храме, блаженствую я.
Он весною цветами пестреет,
Там зимою лыжня ждёт меня.

Как сочувствуем мы африканцам,
Снег увидят они лишь во сне,
Я ж могу в нём зимой искупаться
И стихи написать на лыжне.

Но лишь только метели и вьюги
Забуранят, украсят тайгу,
То музеем всё станет в округе.
Я на лыжах его обегу.

Дятлов дробь барабанная лихо
Маршем праздничным мне прозвучит.
В ивиак фыркнет тихо лосиха.
От испуга сорока взлетит.

Белой молнией заяц промчится,
Подгоняемый лисьим хвостом.
Это всё будет ночью мне сниться,
В сказках внукам родится потом!

* * *

Я шагаю на лыжах по лесу
Средь искрящейся бахромы.
Вьюга ночью здесь ставила пьесу
На подмостках седой зимы.

Полон сказочных декораций
Наш смышляевский бор.
Дятлов стук здесь вместо оваций
И синичек весёлый хор.

А на сцене лесной поляны,
В ярком свете дневном,
Над кустом рябины румяной
Свиристель взмахнула крылом!

Разноцветное оперенье
Словно радуги зимней цвет...
Память прячет эти мгновенья,
Чтоб достать через много лет.

Как художник, лыжнёй разрисую
Склон горы и поляны в лесу,
К Чумышу ту лыжню проведу я,
Зайца встречу там или лису!

Здесь в тайге, среди снежных ваяний,
- наш прокопьевский Эрмитаж!
В изумруде кедровых сияний
Тает в воздухе зимний мираж!

Нет, не нужен мне берег турецкий
И Канары меня не влекут.
Я люблю тебя, Край наш Кузнецкий!
Здесь оплот мой и Родина тут!

* * *

Но грибы вдвоём с Надюшей
Любим на охоту мы ходить.
Утреннего леса песню слушать,
За приходом осени следить.
Тихая, без выстрелов, охота
Романтизма и чудес полна!
Без погони шума и без пота,
Нас пьянит с женою без вина!

И как сердце трепетно забьётся,
А душа от счастья запоёт,
Когда в шляпке шоколадной у болотца
Боровик пузатенький мелькнёт!

Стоит ему только поклониться
И перевести в сторонку взгляд,

Вам во сне такое не приснится...,
Ещё два красавчика стоят!

Шляпы — здоровущие как каски!
Цветом, что твой шоколад!
Не жалует лес кофейной краски,
Открывая белых чудо-клад!

От таких подарков шоколадных
Быстро тяжелеет кузовок
И душе становится отрадно:
- славный нынче выдался денёк!

* * *

Коко Шанель, был твой Париж,
А наш Прокопьевск, что молчишь?
Ведь город наш весьма хорош
И на Париж слегка похож!
Есть и театр, и горсал,
Хорош собою углеград!

Из недр земли тепло исходит,
Горняк тепло земли находит,
И, обогрев теплом себя,
Хочу отдать тепло, любя!

* * *

В долине Большого Казыра, в горах,
Где фауна с флорой богаты,
Отважный турист, как отшельник монах,
Приют тут построил когда-то.

Красуется сруб на слиянии рек,
Вкруг дома левзеи куртины.
Забудет печали любой человек
От сказочной этой картины.

Гайдаровский пик здесь, как нос корабля,
Набег облаков отражает.
Весной, изумрудом укрывшись, земля
Пожаром купальниц пыласт!

Растёт черемша, хоть косою коси,
Средь кедров поляны черники.
Лишь дождик ночной изумруд оросит,
Взыграют хрустальные блики!

На кедрах-атлантах лежит небосвод,
Они как заглавные буквы.

Сентябрьской порой
вдоль альпийских болот
Зардеют плантации клюквы.

Я всею душой этот край полюбил:
- небес отраженье земное!
Мне грешному это Господь подарил,
Устроил наш друг остальное.

* * *

В Кузнецких горах на слиянии рек
Влюблённый в природу живёт человек.
Ему птицы райские песни поют,
А кедр, что стража, приют стерегут.
Цветы ярких красок волна за волной
Глосуют здесь взор уже ранней весной!
И делают воздух в округе хмельным
Купальницы пламя, черёмухи дым!
Лишь только жарков затихает пожар,
Левзея бросает свой розовый шар,
Ей цвет этот нежный бадан отлаёт
И гаснет его кружевной хоровод.
А цветом небес междуречья простор
Стремится залить голубой водосбор.
Всё лето продлится цветочный парад,
Сентябрь принесёт золотистый наряд,
Черничной услдой наполнит уста
Ни с чем не сравнимая та красота!

Вас больше морочить не буду, друзья,
Тот тип в междуречье конечно же я!

* * *

Я в таёжной баньке печку затеплю,
Влагой родниковую ёмкости залью.
Буду топку жаркую кедром угощать,
Ароматным паром баньку наполнять.

Раскалятся докрасна гальки-камешки
Те, что как подарок взял я у реки.
Хвойный и берёзовый веничек возьму,
В кипятке для нежности оба окуну.

Кину тело брренное на пихтовый полчок,
Пятами достану банный потолок,
А устанут веники по бокам хлестать,
Ковш угомонится пару поддавать,

Тут из жаркой баньки двери распахну
И с разбегу в речку горную нырну!

Щекотнёт игольчато бойкая река
И на берег выбросит поэта-горняка.

Сяду на скамеечку, дух переведу
И хмельной походкою к костерку пойду,
Где чай душистый, травяной бальзам
Мне с лихвой заменит
с градусом сто грамм.

Будем вместе с Наденькой
чай волшебный пить
И Отца Небесного за всё благодарить!

* * *

Луна зависла над Егосом,
В полночный час в родном краю
Я с тишиной брожу по росам
И запах трав медовый пью!

А вдоль реки, куная листья,
Склонились ивы над водой.
По деревенскому красивый
Пейзаж смыслился родной!

Здесь всё пропахло сладкотравьем
И я хмелю без вина!
Тебя в стихах своих прославлю
Егоса нежная волна!

Ты уток выводок укроешь
И цаплю нежно приютишь,
Накормишь всех и успокоишь,
Сам без любви людской скорбишь.

Я заблужусь в кустах смородины,
В куржак черёмух окунусь.
Егос, ты лучшего достоин,
Ты мой исток, - родная Русь!

Страну весны май третьим завершает,
Природе всей она дала «добро» на всход,
Ведь после мая лето наступает.
О, как тепла народ в Сибири ждёт!

Но нет пока тепла, и ночью снег местами,
Одеть черёмуха боится кружевной наряд.
Грибы — сморчки,
под прошлогодними листьями,
Весенний гимн запели невпопад...

Но ближе всех к земле
весною первоцветы,
Им снег не страшен, - грест их земля.
Лужайки кандыками
в розовый наряд одеты
И в нежно-желтое одели примулы поля!

А тёплый ветерок мне весть приносит:
- ещё не долго нам осталось ждать!
Земля последние зимы оковы сбросит
И с новой силой
будет гимн цветов звучать!

* * *

Буйство красок, фантазия цвета,
Фейерверк разноцветных огней,
Это всполохи бабьего лета
На просторах Отчизны моей!

* * *

Дивных красок волшебные звуки
Над Кузбасской землёю плывут,
Мои в крестном знамении руки
Благодарность Творцу вознесут!

Нынче осень к нам пришла внезапно,
Не кралась плутовкою лисой:
В сентябре накрыла снежным залпом,
Даже не линия ещё косой.

Иней утром начал пудрить почву,
Высохшие травы побелели,
В слюдяном наряде лужи ночью,
Птичий клин в дорогу поспешил.

Я люблю любое время года,
Но особенно мне осень дорога.
Пушкин -- гений русского народа,
Осень восхвалял, а не ругал.

Золотым дождём осенних листьев
Меня встретит мой любимый лес
И рябиновый, беззвучный выстрел
Полыхнёт багрянцем до небес!

* * *

На Зубьях Поднебесных,
Едва лишь снег сойдёт,
Бадан лилово -- нежный,
Пленяя взор, цветёт.

Средь листьев изумрудных,
Всех бабочек маня,
Букет розово -- чудный
Расцвёл на склоне дня.

Цветок оттенков красочных
Меня приворожил.
Без мира красок сказочных
Поэтом бы не был!

* * *

В январских воротах стояла зима,
Прошло Рождество и Крещение,
В сугробы одев и поля, и дома,
Царило оцепенение...

Я шел по посёлку, домой торопясь,
Собраться на смену ночную,
И пели снежинки, на солнце искрясь,
Морозову песню озорную.

Вдруг что-то заставило их замолчать,
Иль петь свою песню потише,
И я, было, начав о чём-то мечтать,
Взглянул на деревья и крыши.

На веточках клёна в гирляндах семян,
Рубиновы яблоком рдея,
Как сказочный сон, или детский обман,
Красавицы птицы сидели!

Их клён-великан как гостей угощал,
Лишь слышался шорох, - так шёлкали
клювы...,
Дыханье замедлив, я тихо стоял,
Слегка приоткрыв чуть озябшие губы..

А шесть снегирей, что наелись семян,
Уселись на крыше соседнего дома.
...Шесть алых шаров среди снега полян
напомнили строчки из песни знакомой!

...Яблоки на снегу, розовые на белом ...

Но голос за кадром мне тихо сказал:
- на смену, дружок, опоздаешь!
Я птицам легонько рукой помахал,
Бегом направляясь к трамваю.

* * *

Пышно-белый куржак
Взор мой утром пленит,
Я спроsonья никак
Не настроюсь в зенит!

Это чудо Господь
Мне за что-то послал.
Его раньше во сне
Я как мог рисовал.

А теперь наяву
В этой сказке плыву,
Волны снега вокруг
Пенят неба канву.

В белом кружеве
Плещется ультрамарин,
Я, подобных доселе,
Не видел картин!

Но, едва лишь, коснётся
Ветвей ветерок,
И куржак снежной дымкой
Осядет у ног!

* * *

Три белых, пленительных, сказочных дня
В Кузнецких горах нас катала лыжня!
Она привела всех в Алгуйский приют,
Где любят туристов и трепетно ждут!

Здесь пихты-красавицы в белых мехах
Пленяют ваш взор до слезы на глазах,
В хрустальных разводах кедры изумруд,
Ручьи, зарываясь в сугробы, поют!

А на исходе короткого дня
С берёзовым паром ждёт банька меня,
Где мы, не стесняясь друг друга особо,
Горячее тело бросаем в сугробы...!

Какая зимою в горах благодать,
Её не возможно в словах передать!
Спасибо тебе, поднебесный Алгуй,
Я сказочный твой сохраню поцелуй!

Мне зимней ночью снится сон:
- я в сказочном лесу...,
на встречу мне бежит дракон,
преследуя лису.

Постой, дракон, не тронь лису,
Пусть растит лисят!
Осталось мало лис в лесу,
Лес ими не богат.

Твой год пройдёт
И ты уйдёшь опять, в небытие.
Пусть лес живёт,
А в нём зверьё, на радость всей земле!

Родина

Там где в косы берёз
Вылелся солнечный луч,
Где среди радуг и рос
Больше света, чем туч,

Я родился и рос,
И бродил по лугам,
Не боясь гулких гроз,
Рад был вешним ветрам!

И всегда меня лес
Своей песней манил,
В нём как в царстве чудес
Счастье я находил.

На закат рамой сот
- солнцем лес затекал,
пуль пчелиных полёт
шорох трав рассекал.

Я от запаха трав
Летней ночью хмелел,
Притяженьё поправ,
Над тайгой летел!

С высоты стрижевой
Милый край созерцал,
Где Прокопьевск родной
Огоньками мерцал.

Где ещё красоту
Мне такую найти,
Я любую версту
Не ленись рад пройти,

Лишь бы Родины дух
Грудь мою наполнял,
Лишь бы, радуя слух,
Внуков смех прозвучал!

* * *

Наш жемчужный углеград
Много чем сейчас богат:
- углем, спортом и культурой,
поэтической натурой!
Нынче осень к нам пришла внезапно,
Не кралась плутовкою лисой:
В сентябре накрыла снежным залпом,
Даже не линия ещё косой.
Иней утром начал пудрить почву,
Высохшие травы побелели,
В слюдяном наряде лужи ночью,
Птичий клин в дорогу поспешил.
Я люблю любое время года,
Но особенно мне осень дорога.
Пушкин -- гений русского народа,
Осень восхвалял, а не ругал.
Золотым дождём осенних листьев
Меня встретит мой любимый лес
И рябиновый, беззвучный выстрел
Полыхнёт багрянцем до небес!

Фото Владимира ШИШКИНА.

Людмила ТАНКОВА

Камни не лопаются от боли

В тускнеющей пустоте горизонта слабо светила последняя полоска света. Она тихо гасла под тяжестью надвигающейся свинцовой тучи, вытемняя, и без того черные, силуэты деревенских домов. В каких-то домах чуть свистелись огоньки, другие — полуразрушенные — стояли, разинув черные проемы дверей и окон. Над заброшенной деревней, раскинув сильные ветви, скрипели тополя.

Откуда-то из далекого далека слышалось надтрывное гудение машин. Оно прилетало с порывами ветра и гложло в тягучей тишине запустения.

На окраине бывшей деревни, в еще крепком доме сквозь дыры в парусине, затянувшей окно, пробивался огонек.

Грубый занавес отодвинулся. В окне маячил силуэт. Невысокий человек долго под поленья страницы, вырванные из книги, поправил тряпье, которым было заткнуто одно из выбитых стекол. Хотя и оно не спасало.

Никита дернул плечами от струи холода, вернулся к давно не беленой печи, в которой медленно разгоралось пламя. Подложил под поленья страницы, вырванные из книги, поворочил в топке длинной кочергой.

Бумага прилипла к тоненькой струйке слабого огонька, как будто хотела погреться, прогнулась и вдруг вспыхнула всей поверхностью. Оранжевые языки лизали исписанные черными буквами белые поля, обгрызая их со всех сторон.

— Ишь, какие жадные, — хмыкнул паренек, разговаривая сам с собой, — всё хотят сразу схватить. Хватайте, хватайте, я вам ещё положу, чтобы тепло было.

Отблески печного света озорно прыгали среди стариковской грусти серых мальчишечьих глаз.

Никита подложил тоненькие поленья, заглянул в топку и плотно прикрыл дверцу, слушая, как пламя набирает силу и начинает тихонько гудеть. Налил в прокопченный чайник воды, поставил на печь. Он ждал, когда металл плиты раскалится добела и будет обжигать кожу лица.

От окна тянуло холодом, и тепло печи не уменьшало этого потока. Никита поворачивался к печи то спиной, то лицом, но согреться не мог.

— Дурак ты, Туран, — беззлобно проговорил мальчик, — выбил стекло на радостях, запустил холод в избу. Тобой бы заткнуть это окно, чтобы знал, что делаешь и не носился бы по избе, как ненормальный? Скоро морозы начнутся, как зимовать будем?

За печкой раздалось ворчание.

— Ладно, не переживай так, — успокоил Турана Никита, — завтра пойдем в клуб, там есть целые стекла, да и дров надо еще привезти. Так, что есть тебе работёнка.

Отопшел от печи, поёжился: холод пробирал сквозь драный свитер. Никита взял с лежанки за печью подушку и начал затыкать ею разбитый глазок окна. Получилось очень даже удачно.

— Здорово! Что же я раньше-то не догадался?

В избе стало теплее. Закипел чайник. Никита сунул в него сухие веточки, и по жилищу потек сладкий дух смородины.

— Сейчас сварим картохи и будем вечерять, — как-то по-стариковски сказал он, — жалко хлебунка негу. Ну, ничё, баба Груня завтра будет печь хлебы, так нам целую буханку обещала. Не пропадем. Надо самим

научиться делать хоть бы лепешки.

Между словами паренек поставил на печь выдавшую виды кастрюлю, наложил её доверху картофелинами, бросил туда соли и залил водой. Подложил в топку поленьев, по дверцу печи не прикрыл, сел на невысокий кривой стул, взял в руки книгу и углубился в чтение.

Пламя вытанцовывало на поленьях замысловатый танец, перекидываясь с одного уголька на другой, пощелкивало деревом, пытаясь выпрыгнуть на пол. Только бдительность Никиты не уменьшалась чтением, он подхватывал выпавшие угольки совком и отправлял их в печь.

Шелестели листы книги, потрескивала печь, скворчала на плите выплеснувшаяся в кипящую воду. К смородиному духу прибавился картофельный.

— И-и-и-и... — послышался за окном не то вопль, не то плач.

Никита поднял голову, прислушался. Звук повторился и перешел во всхлип. Отложив книгу, мальчик накинул на плечи теплое пальто с вырванным карманом и вышел на улицу. Осенняя тьма окутывала жилую избушку сплошным покрывалом. Вдали за тремя березами чуть светило мутное пятно — это бабушка Груня зажгла лампу трехлинейку. Наверное, опять перебирает фотокарточки. Вздохнув, вспомнил, как бабушка звала к себе жить: вдвоем все же легче и веселее. Никита бы, конечно, с удовольствием перебрался к ней, помогал бы во всем, но он ждал возвращения отца.

Иде-то перед самой весной, отец отправился в город. Встали они в тот день засветло. На улице тянула тоненькая поземка.

— Ишь затягивает, — улыбался отец, собирая в запястный мешок вещи. — Это зима злится, не хочет уходить.

У Никиты вдруг защемило сердце, и захотелось плакать.

— Папа, может, не пойдем сегодня?

Отец поворочил кошку не стриженных волос на голове сына.

— Именно сегодня! На завтра у меня

встреча должна быть с одним хорошим человеком.

— Если он хороший, то подождет.

— Он-то подождет. А вот нам с тобой ждать некогда. Если все хорошо будет, то вернемся мы с тобой в город и проживем лучше прежнего.

— Тогда я с тобой...

Никита бросился собирать вещи.

— Нет, сынок, — обнял его отец, — сегодня я пойду один. До города, конечно, не так далеко, всего тридцать километров, но тебе будет трудно идти по целине. Тропинки-то не проторены. А на кого мы бросим хозяйство? Турана кормить надо, картошка замерзнет, да и делу Павлу мы обещали дров наколоть.

Он радостно потер руки, встряхнулся и, натягивая выдавшую виды шапку, сказал: — С Петром Никитовичем, сынок, не пропадешь. Твой отец еще нужен людям, у него руки золотые и голова мыслящая. Помнишь, сынок, я по ночам сидел, когда мы в городе еще жили?

— Мама сильно ругалась на тебя.

— Вот, вот... Я тогда расщепление сделал заводу, мне главный инженер еще помогал. Так это предложение большую пользу принесло заводу. Может и нам ка-

кие деньги перепадут. Старую сберкарту посмотрю.

— Пап, а когда вернешься?

— Сегодня к вечеру доберусь до города, переночую у Ивановича, завтра на завод свой сбегу, если там ничего не получится — поработаю на вокзале. Вагоны всегда требуют разгрузки. Денег подработаю и через неделю-две домой. За весну отделаем избу, не узнаешь будет.

Уже подходя к дверям, обернулся и подмигнул:

— Книжек тебе принеся.

Никита долго стоял на крыльце, все пытался в предвечерней мгле рассмотреть отца. Иногда перед глазами появлялось темное, движущееся пятно и мальчик инстинктивно его крестил. Ветер крепчал, он уже нес ледяное крошево и резко сёк по лицу, пришлось вернуться в избу.

Прошлым летом они с отцом сели подремонтировать, справили новые сены, разобрав на доски соседний сарай. В брошенных домах собирали инструменты, посуду, нашли неплохой стол и три стула. Вместо кровати отец соорудил лежанку за печкой, так что там всегда было тепло. Больше всего новые жилища радовались, найдя хороший топор и двуручную пилу.

— Теперь мы с тобой короли, — смеялся отец, пробуя острие пальцем. — Теперь нам сам черт не брат, и зима за радость.

Зиму они хорошо перезимовали. Даже баню топили раз в месяц. Отец ходил на заработки в город и по деревням: кому чем помочь. Тем и перебивались. Одна печаль была у заброшенных мужиков: Никита не мог учиться, ведь ходить в школу надо было в город. Жилья там у них больше не было, да и прописки нигде не было, а без нее в школу не брали.

Правда, в старой, заброшенной деревенской школе нашлись учебники. Мужики перенесли их к себе в избу и по ним учились, как могли. Много было непонятным в книгах, особенно трудно давался учебник физики. Никите приходилось заучивать целые темы наизусть. Выручал старый престарелый дед Павел, который жил за речкой. Он в молодости учился в школе механизаторов, а потому немного кумекал в технике.

Но с делом Никита рассорился еще по весне, когда в обещанный срок домой не вернулся отец.

— Похожее, Никитушка, — сказал тогда дед Павел, — остался ты круглым сиротой. Батя твоя видно не дошел до города. Видно во степи сбился с дороги да и замерз. Сказывали люди, человека нашего обгрызали волками. Там не узнаешь, кто он был.

Вскинулся тогда Никита, накричал на

деда, убежал к себе, и больше к нему не ходил. Теперь уже он и лето прошло, а отец всё не возвращался.

— Наверное, много работы, — снова вздохнул Никита, — зато много денег заработает, и мы сможем вернуться домой в квартиру, тебя заберем, я в школу пойду, потом в институт...

— И-и-и-и... — всхлинули рядом.

— Папа, ты?

Сердце мальчишки запрыгало так, что его стук отдавался в ушах. Заглянул за угол сенцев, там повисел темный ком.

— Ты кто? — приходя в себя, спросил Никита.

— Леха... — прохлюпал ком.

— А что здесь делаешь?

— Сижусь-у-у...

— Ты не из нашей деревни, я тебя не знаю.

— Конечно, не знаешь, я в машине приехал.

— В какой?

— Меня ребята в «Газельку» на повороте сунули, я им мешки скинул, а выпрыгнуть побоялся. Тут в кусты спрятался. Как в город уйти не знаю. Здесь автобусы ходят?

— Ты дурнее Турана. До города за день не дойдешь, иногда автолавка продукты привозит. А зимой вообще дороги нет. Чё приперся, сам не знаешь.

Леха заревел в голос.

— Ладно, не пой, заходи. У меня, наверное, картохи сварились.

Леха проворно заскочил в избу и остановился около порога.

— Родаки дома?

— Не, я один.

Незванный гость ринулся к печи, протянул озябшие руки огню.

— А чё, скоро родаки вернутся? Не прогонят меня? А то давай я куда спрячусь... На улице сильно холодно...

Чистил папаненок, хлюпая носом от тепла.

— Не бойсь, — успокоил его Никита. — Отец в городе на заработках. Так что я один дома.

Хозяин дома неспешно слил воду из кастрюли, высыпал немного горячих картофелин в жестяную чашку, налил в две кружки смородинового чая.

— Садись, — позвал он Лёху, — только хлеба у меня нет.

— Я могу и без хлеба, — обрадовался приглашению гость.

Он ухватил самую большую картофелину и спешно стал заталкивать ее в рот. Опаляющая рука и глотку, белые куски рассыпались во рту, и мальчишка глотал их, почти не жуя. Каплял, выплескивал, снова хва-

тал...

Никита отодвинул чашку.

- Полавишься и путро сожжешь. Ну-ка, спишь нормально...

Лёха вдруг весь вскинулся, сгреб чашку, дернул к себе.

- Да пошел ты, как хочу, так и хаваю, - лико заорал он, вытаращив глаза. Будешь дергаться, я тебя на перо поставлю.

- Не больно-то ори, герой, - спокойно сказал Никита, - и поставь чашку на место.

- Ты, лох, заткнись, - орал, опьяневший от тепла и сды папан, - будешь пальцы гнуть, так я тебя опущу. Приведу своих, они тебя раком поставят.

- Иди, если дойдешь.

Лёха мотанулся по избе, хватая то полсно, то кочергу. Подскочил к топке, увидел рядом топор... Но только протянул руку, как рычащий громадный клубок вылетел из-за печи, сбил с ног.

Прямо перед лицом буяна разверзлась зубастая пасть, смрадное дыхание опалило душу, отрезвив разум. Тяжелые лапы с тупыми когтями умостились на животе, не давая вздохнуть. Ноги и руки Лёхи плетью расстелились на полу, зубы закали.

- Туран, - послышался голос хозяина дома, - оставь дурака. Иди ко мне. Турана, Турик... Я тебе картошечки остудил. Иди, поспишь...

Пес, рыкнув еще раз, спрыгнул с Лёхи и направился к столу. Ткнулся в колени Никиты и стал аккуратно брать с его рук остывшие картофелины. Виногато покивав головой, подобрал с полу крошки и улегся у ног хозяина. Услышав, что Лёха зашевелился на полу, глухо заворчал.

- Ты как наш Готя, - мелко трясаясь, заговорил Лёха. - Ты, что пахан?

- Картоху с пола подбери и садись за

стол.

- Так эта зверюга меня сожрет.

- Не будешь беситься - не сожрет.

Ползком, оглядываясь на собаку, Лёха собрал рассыпанные картофелины в чашку, поставил на стол.

- Ешь медленно. Мне отец говорил, что еду надо пережевывать тщательно, а то живот будет болеть.

- Ага, - плаксиво зякнул папан, - пока я медленно жевать буду, стая все сметет. Мне чё с голоду слышать?

- У тебя, что отца нет совсем?

- Есть. Тока я от их ушел.

- И что отец тебя не ищет?

- Ищет наверно. Тока я не лох. Он с меня каждый день бутылку тряс, а не принесу - так поддаст, чё еле живой от его уползал. Матуха иногда за меня заступалась, но тоже по пьяни дралась. Вот я и сбегал.

- Эт точно, матери он все такие.

Мальчишки немного помолчали, прихлебывая чай. Никита подкинул дров и задумчиво наблюдал за пламенем.

В жарких языках он видел другую жизнь, ту, которая была раньше. Там была радость теплого, уютного дома, веселая и умная школа, друзья. Тяжкий вздох вырвался из детской груди и вернул в настоящее.

- У тебя спички есть? - спросил Лёха.

- Есть, а тебе зачем? Вон печка как горит, иди, грейся.

- Я согрелся, мне закурить.

Никита дернул плечом.

- Курить на улицу. Отец не курит и мне не разрешает.

- Чё ты всё: «Отец, отец...» Боишься его или как? Я вот подрасту, найду своего и завалю.

- Большой ты во всю голову. У меня такой отец, что всем бы такого. Он знает, как меня любит...

- И чё, даже не бьет?

- Он за меня любого приберет...

Лёха присел около печи, чтобы прикурить сигарету, куртка с большого чу-

жого плеча собралась гармошкой. Из сильно подвернутых рукавов торчали худющие руки.

- Ты хоть бы куртку снял, в избе тепло уж, - сказал Никита.

- Шас! - усмехнулся папаненок. - Я разденусь, а твой батя нагрянет, и чё я голяком побегу?

- Как хочешь. Книгу дать?

- Зачем?

- Читать. У меня много книг разных.

Мы с отцом из школы много чего приносили.

- Я только считать деньги могу.

- Ты же в школу не ходил?

- А когда? Отцу каждый день на выпивку надо было. Сначала с матухой ходили, потом я один.

- Хочешь, научу читать?

- Я чё, лох какой, учиться? У нас один ботаник всё книги читал, так его менты влет выловили и в приют.

- Давай, я тебе расскажу, что в книге написано?

- Только если про бандюков...

- Таких у меня нет. Отец говорит, что книги жить учат.

- А они не учат, как прибить родаков, чёбы они не дрались?

- Отец говорит, что родителей уважать надо.

- Чё ты всё «отец... отец», противно слушать. Я вот один раз матухе своей так напинал, чё она мою заначку украла. Я копил на велосипед, а она украла.

- Матери он такие, - вздохнул своим мыслям Никита. - У меня тоже была мать. Мы жили в городе тогда. Я в школу ходил. Наш пятый класс веселый был. Друг мой Серёга на переменках колесом крутился. Вот так разбежится, подпрыгнет и на руках через голову кувыркнется. Хотел нас научить, но директор сказала, что нужен для этого тренер. Обещала секцию акробатики открыть. Только не успел я научиться колесо крутить...

Никита отвернулся и замолчал. Он, не мигая, смотрел на огонь в печи и будто забыл про гостя.

- Чё опустила вас директорша? - ощерился Лёха.

- Да нет, - качнул головой Никита, - мы пересеклись.

- Куда?

- Сюда...

- Чё совсем больные? Из города и сюда...

Лёха руками провел по закопченной комнате, изобразив на лице презрение.

- Мы же не знали, - дернул плечами хозяин дома, - это все мать. Мы с отцом

на лето уехали на пещу к его другу. Рыбачили, за ягодой ходили. Столько рыбы навялили, на всю зиму бы хватило. Приезжает к нам эта, на тако-о-о-ой машине, и говорит, что мы будем теперь жить в коттедже за городом. А квартиру нашу она продала. Оставила бумажку с адресом и уехала.

Отец и я поехали домой, проверить, как вещи собирают к переезду, да коттедж пообзореть. В нашей квартире уже другие люди живут, нам даже двери не открыли. Тетя Валя, соседка рассказала, что вещи погрузили в машину и увезли.

- Коттедж-то большой был? - вздохнул Лёха.

- Не было никакого коттеджа. Она нас в этот дом выселила, приехала с новым мужем, меня звала с собой.

- И чё мужик-то, наверно, богатый?

- Наверное. Тачка у него крутая. Только не поехал я с ней.

- Совсем лох?

- Как же я отца брошу? Он у меня знает какой? Всё умеет делать. Вечером ляжем с ним спать, а он мне рассказывает о разных странах. Про самолеты... Он добрый и меня любит. Вот вернется с заработков, сам увидишь.

- И когда твой... этот вернется?

- Должен бы уже прийти. Наверно работу постоянную нашел. Вот будет здорово, мы поедем домой, я в секцию акробатики пойду.

- Пока родак не вернулся, я у тебя живу, - с ноткой превосходства изрек Лёха и по-хозяйски распрямил плечи. - Ты дров-то в пещу подкинь побольше. Я люблю тепло.

Никита усмехнулся, прикрыл дверцу печи поплотнее.

- Оттаял?! Ты не очень-то командуй. Не дома.

Гость сверкнул глазами, набрал в грудь воздуха, чтобы закричать, но, услышав глухое рычание Турана, успокоился.

- Спать ляжешь на лавку у печи, - также спокойно продолжил говорить Никита.

- Так вон кровать есть.

- Это папина кровать, а у тебя вишей, наверно, полно. Вон весь чешешься.

- Не виши, а блохи. У нас в стас у всех блохи. Готя говорит, чё блохи нас от ментов спасают. Те бояться нахватаются от нас блох, потому и не трогают.

- А мне твои блохи зачем? Завтра баню истопим, а баба Груня тебя острижет, даст другую одёжку. У неё этого много, целый сундук.

- Шас бегу и морду подставил. Я чё зек какой стричься, ты мне ищё куфай-

ку полосатую дай.

- Ладно, тогда завтра с утра гуляй отсюда.

- Куда?

- А куда хочешь. У меня отец не любит блохастых.

Лёха покосился на Турана, глянул на окно, передёрнул плечами и подвинулся ближе к печке.

- Ладно уж, на лавку так на лавку...

Осенний рассвет еще не спешил дарить земле день, а Никита уже растопил печь, согрел чай и принялся растапливать спящего Лёху.

- Вставай, надо за дровами сходить.

- Ехай, а мне не надо, - пробурчал папан, распрямляя затекшие за ночь ноги.

- А баню для кого топить будем? Знаешь сколько дров надо.

- Вот полный угол твоих дров.

- Этого на зиму мало, и тратить на баню их нельзя.

В спор вступил Туран. Он коротко рыкнул в лицо Лёхе, и того словно востром сдуло с лавки.

- Ты чё такой правильный? Мы таких ботаников «стригли» и «окучивали».

Утро было сухим, несмотря на тяжело ползущие тучи. Никита надел на Турана упряжь, прицепил к ней самодельную тележку и ребята отправились к соседнему дому за дровами. Еще крепкий деревянный остов человеческого жилища хранил следы прошлой счастливой жизни. На стене, покривившись, висела рамка с фотографиейми.

- Смотри, Лёха, это, наверно, хозяйка. Вон какие счастливые...

На лавке сидели дед и бабушка. На колених держали мальчишек. Два папаненка были похожи как две капли воды. Рядом с дедом стояла девочка лет двенадцати с букетом полевых цветов. За спинами стариков улыбались жизни молодые мужчины и женщина.

- Лыбятся прикурки, - хыкнул припильный, - а чё и сами не знают.

Он дернул рамку, швырнул её на пол и стал с остервенением топтать ногами.

- Я вам улыбочки-то сотру, галы... Галы...

На перо бы вас всех, чёбы не лыбились...

Постепенно Лёха приходил в себя, тяжело дыша, он шутил остатки фотографий, смачно плюнул на них.

- Галы!..

Никита удивленно наблюдал за припадком бешенства своего нового жильца, потом молча, повернулся и вышел в другую комнату.

Ломиком стал выворачивать половицы. Ржавые гвозди не хотели отдавать дереву, они сердито скрежестали, кричали, а потом с визгом вытягивались из насиженных мест. Уже несколько оторванных досок были сложены у порога. Нарезав подцепил очередную половицу, и она на удивление легко поддалась.

Под ней, прямо на земле лежали кучкой игрушки: тряпичная куколка, несколько кукольных платьев сшитых из разных лоскутков, глиняная игрушечная посуда.

- Надо же, - спустился в подполье Никита, - целый склад. Это, наверно, девочка от своих братьев прятала.

- Потому што лохунка, - это подошел Лёха. Он присел на корточки и заглядывал вниз. - Куклы из тряпок...

- Перебесился? Перенеси доски на улицу, да поаккуратнее складывай в тележку, а то рассыплются по дороге. А я еще несколько выдерну.

Большая куртка слегка пошевелилась, из неё зло глядели холодные глаза.

- Чё раскомандовался? Надо - сам и неси... Я вот шас дыню тебе топором располовину. Кто тебя искать будет? Родак-то твой тебя уже забыл как зовут. Нашел себе телку...

Договорить Лёха не успел. Никита пу-

лей выскочил вверх, схватил его за шиворот и принялся трепать из стороны в сторону. Потом придавил к стене.

- Мой отец меня не забыл... Он меня любит... И никакой телки у него нет... Еще раз рыпнешься, не пуцуй в дом.

Отпустил воротник куртки, отряхнул руки и, по-стариковски сгорбившись, поднял локтик. Молча постоял, обернулся:

- Доски неси на улицу, да поосторожнее, Туран не любит дерганных.

Увязанные на тележке половицы свободным концом волоклись по раскисшей дороге, загребая кучи грязи. Пес из всех собачьих сил тянул тяжелый груз. Лямка врезалась в шею и, казалось, вот-вот передавит глотку.

Мальчишки толкали воз сзади. Недалеко от ворот бабушки Груниного дома Никита остановился, дал передохнуть собаке.

- Вот что, Леха, - с тихой угрозой сказал Никита, - если ты у бабы Груни заорешь, или еще что выкинешь, я тебя отдам Турану.

День пролетел незаметно. Ребята до вечера возили доски на дрова из полуразрушенных домов. Тележка скрипела от тяжести. Ее колеса то и дело застревают в размокнувшей дороге, и Туран, напрыгая лапы, старательно тащил поклажу. Мальчишки, что было сил, помогали ему, подталкивая тележку и вытаскивая её из грязи.

Потом носили из колодца воду для бабушки Груни, топили баню.

Вечером, сидя в теплой, пахнущей хлебом, избе, чистые и сытые мальчишки смотрели пожелтевшие фотографии.

- Эт мой сынок, - говорила бабушка Груня, показывая на молодого паренька, улыбающегося среди сирени. - Эт он аккурат перед армией снимался. Его по весне и призвали. Хороший мальчишка, добрый был. Он и сейчас добрый, к себе зовет жить.

- Эх, баб Грунь, и что ты не соглашешься? Здесь-то уж никого и не осталось, вон пять окон светится, да сколько же за речкой.

Старушка погладила Никиту по голове мягкой ладонькой.

- Куда мне от своей хаты-то бежать? Я в ей родилась, даст Бог, в ей и помру. Ну, а не помру, то на тот год и уеду. Стара я стала. Вот кабы не ты, так и с хозяйством бы не справилась.

В окна ветками стучала старая, корявая яблоня.

Сумерки вычернили небо, и Никита засобиравшись домой.

- Оставляйтесь да заночуйте у меня, - захопотала бабушка Груня, - кулайт вы на ночь-то глядя.

- Точно, - закрутил остриженной головой Леха, - тут вон как тепло, и хлеба полно. А мы куда-то по грязи погрёмся...

- Не, баб Грунь, вдруг отец придёт, а у меня и печь второй раз не топлена. Ему и согреться негде будет.

- Горемыка ты мой, - закачала головой старушка, вытирая фартуком намочившие от слез глаза - как же сердце-то не лопнуло у твоей матери, когда она так вас одманула.

Никита резко крутанул головой, отвернулся к окну и прерывисто засопел. Потер глаза и сказал:

- А у неё нет сердца. Отец говорил, что у неё там камень. Камни не лопаются.

- Лопаются, милоч, ещё как лопаются. Ты вон накалишь их, а потом холодом то плеснёшь, так куски и полетят. И у твоей матери сердце когда-нибудь раскалится, и пойдешь она к тебе прощения просить...

- Не прощай! - с натугой закричал Ни-

кита, - в ногах валяться будет - не прощу! За отца -- не прощу...

Он вскочил из-за стола, схватил одежду и выскочил из дома на улицу. Холодные струи дождя текли по его лицу, смешиваясь с потоками слез. А в голове билась только одна мысль: «Папа, папочка, да где же ты есть? Что же ты за все лето ни разу не смог прийти?» Осенним ветром веномились слова деда Павла: «...остался ты круглым сиротой. Батяка твой видно не дошел до города».

«Дошел! - кричал парнишка ночи, и крик тонул в темноте. - Дошел! Не мог он не дойти! Он же знает, что я его жду!»

Слова становились всё тише, горло перехватывало рыдания.

«Дошел! Дошел!..» - твердил сам себе мальчишка.

Открылась дверь, и тихий голос бабушки Груни позвал: «Никитушка, лютятко, иди у хату, промокнешь весь, захворасишь...»

Парень вытер глаза мокрым рукавом, поднялся на скрипучее крылечко.

- Не, баб Грунь, мы домой пошли. Завтра дров еще поколю. Кликни Турана и Лёху.

Всю ночь полоскал разоренное село осенний дождь. Тяжелые капли стучали в окно, словно просились погреться.

Тревога за отца вдруг выпрыгнула из темного угла души, где за семью замками держал её мальчик.

Черным комом сдавила сердце. Хотелось выскочить в ночь и броситься на помощь самому родному человеку на свете, заслонить его от беды, привести домой в тепло...

Не спал и не, время от времени он поднимал голову, лизал горячим языком лицо и руки хозяина. Лохматая спина вздымалась от тяжелых вздохов. Животное чувало беду.

На лавке сонел Леха. Он был сыт.

Синий рассвет начал выбеливаться первым снежинками. Робкие белые комочки прочерчивали темноту, падали на окно и тут же таяли, стекая тоненькими прозрачными струйками.

Боль перешла в тревожный сон. Никите снился город.

Холодные улицы быстро заполнялись талой водой. Каменные дома перегородивали дорогу. Надо было пройти немного, завернуть за угол, и там будет дом, отец.

Но найти поворот не мог. У горизонта появилась лодка, а в ней отец. Мальчик кинулся навстречу. Вот он уже рядом, только протянуть руку...

- Папа, я тебя жду, - закричал Никита, - возьми меня с собой...

Но отец покачал головой:

- Не могу, тебе еще жить надо. Прости, сынок, что не дошел...

- Папа, - хрипел Никита, просыпаясь. За окном уже был день.

Над ним наклонился Леха.

- Ты чё, герика наглотаешь? Чё так орешь? Напугал меня.

- Я папу во сне видел, - всхлипнул Никита.

- Эт да! Я кода своих во сне вижу, тоже ору. Стая меня за это сколь раз била. Ну ничё, вырасту, найду их и - на перо, чтоб не снились.

Липкий пот тек по спине. Никита слушал Леху и не слышал его. В ушах звенел голос отца: «Прости, сынок, что не дошел...» Не дошел... Не дошел...

Как же теперь жить?

- Да не парься ты, - присел рядом Леха, - шас сигарет купим, пива и конфет. Я люблю конфеты... Где у вас тут магазин-то?

- К-какой магазин? - не сразу понял жилища Никита.

- Ну, куда «Газелька» привезла жрат-

ву, где всё продают...

- Нет у нас никакого магазина.

- А ларек?

- И ларька нет.

- Где же вы жратуху берете?

- С машины и берем. Только деньги у меня давно кончились...

Никита хотел еще что-то сказать, но всхлипнул и замолчал.

- Не бойсь, братан, - солидным голосом произнес Леха, - я угощаю.

Он вытащил из-за пазухи свернутые трубочкой и перевязанные шерстяной ниткой деньги.

- Во, - гордо сказал он, - живи, не хочу в наше удовольствие!

Вместо того, чтобы обрадоваться, Никита вдруг рассвирепел, с размаху врезал по носу.

- Она тебя накормила, а ты ее обобрал...

...Мальчишки катались по полу и тузили друг друга, Туран носился вокруг. За шумом и лаем никто не услышал, как открылась дверь. Впустив легкий морозный воздух, в избу вошел высокий мужчина в камуфляже.

- Что за шум, и что за драка?

От звука чужого голоса ребята распались. Леха, словно ящерица, пополз под лавку. На полу остался сидеть Никита. Он вытирал разбитый нос и смотрел на воншедшего.

- Вы кто?

- Тебе дядя Андрей.

Мальчик встал с пола, показал кулак Лехе, поднял перевернутые стулья.

- Проходите, садитесь. Вы, наверно, хозяин этого дома, так не переживайте, мы живем здесь аккуратно. Все целое. Вон посмотрите. Если надо я переберусь в другой дом...

Дядя Андрей не успел ничего сказать, как в избу ввалился дед Павел. С порога он начал размахивать своей палкой и кричать:

- И никакого вашего права тута нетути, мальчонку забирать. У сво батяка родной есть. А што живет в доме, так сто дом мово кума Митрича.

Задыхаясь от бега, вошла бабушка Груня. В изнеможении упала на лавку.

- Вот как автолавку поворовали, так вас властей и не до кричишьси. А как пропажа вечером случилась, так вы вот оне. Я можа сама куды приткнула денегу, а мальчонка тута при чем?

Никита подошел к лавке, заглянул под неё.

- Ну-ка, вылазь.

Из-под бабушкиной юбки показалась стриженная голова. Посмотрев на присутствующих, Леха вылез, деловито отряхнул колени и протянул приезжему скалочку денег.

- Вот под лавкой нашел. Это вон тот жучара их у бабки вчера увел.

- Ну, гад, - кинулся на него Никита, но повис на сильных руках дяди Андрея.

- Не слухай сво, мил человек, - встреможено говорила баба Груня, вертя в руках свою пропажу, - скока живут оне с отцом, никакой пакости не было.

- Помочьник нам старым, - загородил собой мальчика дед Павел, - головастый парень, сам по книжкам учит науки. Ты чей, начальник, будешь? А ну докладай: какая нужда к нам привела, чего к мальчонке пристаешь?

Мужчина силой посадил мальчика рядом с собой, заглянул в глаза.

- Ты меня не поминишь? Я приезжал к вам, когда ты маленьким был. Спрашиваю: «Как тебя зовут?» А ты говоришь: «Кит». Это ты не выговаривал свое имя. Так мы тебя Китом и звали. Не поминишь?

- Мне папа рассказывал историю про Кита, и мы смеялись, - недоверчиво произнес Никита. - Только он говорил, что звали его друга Почталёном.

- Так я и есть Почталёон. Фамилия моя Почтин. Ребята из части прозвали Почталёном.

- Дядя Андрей, а вы от моего папы? - глаза мальчишка засветились надеждой.

- Ты взрослый парень, - нахмурился и покрутил головой Почтин, - я могу говорить с тобой серьезно?

- Конечно! Что с папой?

- Я вас искал. Вы как-то пропали быстро, и адреса не оставили.

- Так нас...

- Знаю теперь. Я нашел твою маму, и от нее узнал все. Не хотела давать адреса. Выбросила, как котят...

Он помолчал, похлопал Никиту по плечу и неожиданно прижал к себе.

- Теперь всё будет хорошо. Ты поедешь со мной.

- Не поеду, - твердо заявил паренек и отодвинулся от Почтина, - я буду папу ждать.

- Видишь-ли, весной папа твой погиб. Нашли его рюкзак, а там документы. Маме-то сообщили, а где ты живешь, кроме нее, никто не знал.

Земля ухнула из-под ног: «Папы нет... Не дошел...»

Сполз по стенке печки, скрутился в маленький комочек, закрыл голову руками, а в голове: «Прости, сынок, что не дошел...»

В тишине было слышно, как дышит у ног хозяина верный пес.

- И не страдай, мил человек, - заговорила вдруг бабушка Груня, - не оставим мы малыша. Сын у миня хороший, добрый мальчишка к себе зовет жить. Так мы с Никитушкой к ему и поедом. Сыном ему будет, в школу отправим на ученого.

- Спасибо, бабуля, но я Никиту к себе заберу. У меня долг перед его отцом, моим другом...

Шум в сенях не дал мужчине договорить.

Дверь распахнулась, впустив элегантную даму. Она брезгливо подернула дорожную шубу и высматривала место, куда бы пройти, чтобы не испортить сапоги. Туран вдруг ошестинился, зарычал, встал между женщиной и Никитой.

- Свиначник развели, ступить некуда человеку.

Женщина остановилась посередине комнаты, оглядывая присутствующих.

- Дмитрий Николаевич, - окликнула она кого-то, - тут целый симпозиум собрался. Где ты там?

На пороге возник круглый человечек в длинном пальто, которое оттопыривалось на животе так, словно он прятал под ним большой арбуз.

- Я здесь, дуна моя.

- Что значит: «Я здесь»?.. Забирай мальчишку и поезжай. Сколько я могу торчать в этой развалине?

Человечек ринулся было к сидящему неподвижно Никите, но дорогу ему преградил Почтин. Он с высоты своего роста разглядывал воншедших.

- Что, адресок вспомнила, - усмехнулся Почтин. - Наживу почуюла.

- Я сына любимого своего забираю.

- Любимого, а что же ты его без жилья оставила?

- Что ты лезешь не в свои дела? - повысила голос воншедшая. - Может ты на эту премию метишь? Так вот тебе ее не видать как своих ушей.

- Ишь, вспомнила про сына, как только Петру деньги большие пришли. Что без Никиты получить их не можешь?

Лицо Андрея побагровело, кулаки сжались, загораживая собой Никиту:

- Никита единственный наследник у Петра, и я всё сделаю, чтобы у него жизнь была доброй... и без тебя.

- Да кто ты такой? - рассвирепела дама и ринулась на живую преграду.

- Кто ты такой, - орала она, - это мой

сын, что хочу с ним, то и делаю.

Прорвалась к мальчику, грубо схватила за руку и с силой дернула к себе. Рывнула:

- Быстро в машину, пошушь за ним по всем деревням по колесу в грязи...

От рывка Никита пришел в себя. Перед ним стояла его мать... Холеная... Живая...

- Ты, - закричал он, вырывая руку, - ты убила папу!

- Никто его не убивал, его волки загрызли. Нечего было мотаться в город. Сидел бы в своей деревне...

- А-а-а, - вопил мальчик, всплывший в лицо матери, - ненавижу тебя, ненавижу...

Дмитрий Николаевич сделал попытку оторвать от жены Никиту, но злобное рычание пса остановило его.

А тут еще бабушка Грunya стала наступать да так активно, что круглый шарик человечка выкатился за порог. Дед Павел и Почтин пытались оторвать Никиту от матери.

Наконец справились с ребенком. Почтин, схватив его в охапку, гладил по голове и уговаривал:

- Успокойся... Всё будет хорошо. Я тебя сй не отдам.

Тело мальчика ходило ходуном.

- Дмитрий Николаевич, - истошно завопила мать, вытирая окровавленное лицо, - где там твои долбаки, пусть тащат щенка в машину... А с тобой, волчонок, я поговорю дома...

Сунувшись было в избу два крупных мужика, наткнулись на палку деда Павла и кулачки бабушки Грunya.

- Слушай, хозяин, - сказал один из них, - мы не панимались убивать делов. Их толкнул, а они помрут. Из-за них садиться...

- Слушай, Кит, - вдруг высунулся из-под лавки Леха, - а давай я се замочу? Ну, вон, хучь топором?.. Мне ж ничё не будет, мне нет четырёхпалати.

Сказал и потянулся к топору...

Взвизгнув, женщина выскочила из дома. Вскоре послышался удаляющийся рокот мотора.

Никита глянул на приятеля, на топор и вдруг... засмеялся:

- Как ты се: «Давай замочу...» А она как кинулась...

- А чё нам, - хохотал над своей выходкой Леха, - она как моя, только напуганная.

Глядя на них, вздохнули облегченно взрослые.

- Никитушка-то остался круглым сиротой, - качал головой дед Павел, - Вся надежда на тебя Андрей. Не забивай мальчонку, али нам оставь.

- Я его в Суворовское училище отдам учиться, так его отец мечтал, А Никита? Мальчишки перестали смеяться.

- Дяд Андрей, а нельзя куда-нибудь Леху пристроить? Пронадет, в стас.

- Пристроим конечно...

Леха шмыгнул носом в знак согласия, и пробурчал под нос:

- Шас! Мне бы до городу добраться, видели вы миня.

- Так-то хорошо будет, - говорила баба Грunya, обнимая Никиту, - паренек-то больно уважительный, душевный.

- Как ты здесь одна-то зимовать будешь? - прижался к ней мальчик, - дров то я мало наколот.

- Дела Павла к себе позову, так он и приедет, - засмеялась бабушка, - а вдвоем-то и не пропадем...

За окном падал белый снег. Он медленно закрывал следы от протекторов, черные крыллы домов, ветки безхозных тополей.

Черное медленно исчезало, оставалось только белое.

День приходящего клошара

День у старшего лейтенанта Евгения Котеночкина начинался как обычно: встал, умылся, оделся и отправился на службу. Всё как всегда. В маршрутке старухи разглядывали его форму, девушки пытались строить глазки.

- Хорошо начинается смена, - подумал умиротворенно Котеночкин, - лишь бы никого не принесло.

За окнами тянулся привычный городской пейзаж: серые однообразные дома, обрубленные тоскливо изогнутые остовы кленов, текущая по своим делам масса народа.

Уже переходя через дорогу, Евгений встретил своего приятеля. Перескочились несколькими фразами о том, о сем, чтобы не идти молча. Около управления на прощанье дружески пожали друг другу руку... И в этот момент к Котеночкину подошел клошарного вида тип и подаль сверток. «Просили передать», - сказал он лаконично и посеменил к соседнему пивному ларьку.

- День приходящего клошара, - сочувственно сказал приятель и махнул на прощанье рукой.

На «автомате» взял Котеночкин сверток, открыл дверь и вошел в отделение. Тут его внимание привлек странный тикающий звук, доносящийся из пакета. «Бомба!» - пронзила догадка мозг.

- Бомба! - взревел Котеночкин во все децибелы своего голоса. - У меня в руках бомба!

Дежурного буквально вынесло из дежурки. Уже с улицы он начал звонить саперам, жене, теще и своему начальнику.

Через три секунды все отделение залегло за соседним домом. Саперы прибыли как раз во время, потому что бомба еще не взорвалась. Да и бомба-то оказалась липовой: в пакете был обнаружен будильник. Простой советский будильник марки «Янтарь».

Выходят работники правоохранительного органа из-за соседнего дома, чтобы приступить к своим обязанностям, ругают Котеночкина за беспокойство. А тот не знает, куда глаза от стыда подсвять. Не добдел... или перебдел... А, какая теперь разница, все равно выговор от начальства прилетит, ведь полгорода на уши поставили.

Идет Котеночкин, размышляет, а самому хочется встретить того клошарного типа и набить ему фэйс. Глядь, а тот ему навстречу. Схватил старший лейтенант террориста-шутника за шиворот и тащит в отделение.

- Ты, что, старлей, спятил совсем? - спрашивает тип, упираясь при движении.

- Не спятил, ты у меня сейчас все расскажешь: кто мне передал пакет...

- Так это кум Васяшка починил твой будильник, дал мне чирик на фуфырик и попросил, как свободного человека, занести часы тебе на работу. Он то на смену ушел.

Оторопел Котеночкин, вспомнил, как просил Васюку Ивкина поскорее починить проклятый будильник, отпустил мужичка и отправился сочинять объяснительную. «День приходящего клошара», - вспомнил он слова приятеля и горько усмехнулся.

Полдня пришлось сочинять объяснительную: зачем он принес на работу неизвестный пакет, неизвестно с чем. Перепортив кучу бумаги, старший лейте-

нант собрался идти к начальству, каяться и рассказать чистую правду, про будильник. Сбросил порванную бумагу в корзину, встал, поправил рамку с грамотой, полил кактус около компьютера, подошел к двери... Но тут зазвонил телефон.

- Котеночкин, - услышал он в трубке голос дежурного, - на выезд, на твоём участке, на базаре, битва не на жизнь а на смерть, вроде бы есть жертвы.

Пока сжали к месту происшествия, старший лейтенант все размышлял, кто на этом долбанном базаришке мог устроить битву. Стартеры с луком, да продавцы Ашота - вот и всё активное население двух торговых рядов рынка.

До прибытия наряда милиции инцидент еще не был исчерпан. Деды и бабки с лукового ряда сгрудились в кучу, побросав прилавки. Они кричали, махали руками.

- Граждане, разойдитесь, - громко крикнул Котеночкин, - идите по своим местам, сейчас во всем разберемся.

Граждане разойтись не желали, потому что они только еще разошлись в крике, а потому гвалт не стихал.

- Всем молчать, - рявкнул старший лейтенант, подождет, когда толпа стихнет, и тихо сказал, - допрашивать буду по одному. Начнем с тебя, - указал он на молодого человека.

- А чего это с меня? - отшатнулся дел. - Мне торговать надо. У меня вон покупатель стоит.

Срезвостью молодого торговца ринулся за прилавком. За ним последовала большая часть толпы.

На пятаке остались четверо: незнакомая бабенка средних лет с рыжеволосой девушкой по одну сторону, по другую сторону вечные завсегдатаи торгового ряда: скандальная Наталья Курносова и её соседка, степенная бабушка Зина.

«Уже легче, - обрадовался Котеночкин. - и чего они не поделили?»

- Так, Зинаида Матвеевна, рассказывайте, в чем дело? - строго свел брови участковый.

- Да и ни в чем. Вот эта, - показала пожилая женщина на незнакомку, - пришла. Ни жила, ни была, а на само лучшее место села. Вон Наташку сдвинула, пока та побегла на почту. Сама села и девку свою давай пристраивать. Наташкин товар весь перетолкла.

- Ничего не перетолкла, - заговорила бабенка, - только чуть-чуть пододвинула. А че оне расселись во все прилавки? Приличному человеку и пристать не куда.

- Фамилия? - спросил Котеночкин.

- Фамилия моя простая: Силиверстышная. Имю право по закону торговать, где хочу.

- Так ты становишься в зад и стой там, - визгливым голосом вступила в спор Наташка, - че на мое место садиться. Я в шесть уже здесь, а ты выспалась, да пришла. Умная какая. Я на тебя еще в суд подам, заплотишь мне за испорченный товар.

- Это я на тебя в суд подам, - повысила голос незнакомка. Кричит, а сама на милиционера поглядывает, поддержки ждет.

- Это за что на меня в суд? - подбоченилась Наталья.

- Да ты мне пол прически выдрала, - всколыхнулась бабенка, - ну-ка, Насья, покажи мои волосы, что эта ло-

худра мне выдрала. Вот, товарищ мильцанер, доказательство. Видете - это мои волосы. Это вот эта... мне их вот отсюда выдрала.

Пострадавшая стала прикладывать клочки выдранных волос к тому месту, где они раньше росли.

- Надо мне было их драть, если оне сами у тебя отпали... - набычилась Наташка.

Назревала новая волна разбирательств.

- Так, все замолчали, - прикрикнул на спорящие стороны Котеночкин, - сейчас проверим у всех документы на право торговли. Предъявите разрешения.

Торговцы, ворча на «двух дур», полезли в карманы за справками.

- Какие разрешения, - возмутилась Силиверстышная, - я такая же пенсионерка, как и оне. Вы вот про мои волосы решайте.

- Что с вашими волосами я не знаю, - негромко сказал старший лейтенант, - кто-нибудь видел, как Курносова драла волосы новенькой.

Деды и бабки, точно по команде, отрывательно дернули головами.

- Да у неё плохой шампунь, вот волосы и лезут ключьями, - пробурчал кто-то из них.

- Предъявите разрешение, а шампунь вам придется поменять, чтобы не было проблем с волосами.

Кос-как успокоил участковый торговое общество, а у самого из головы не идет угрожающее происшествие - это вам не выдранные волосы, тут на увольнение тянет, или на строгий выговор. Да-а, прощай квартальная премия, а может и тринадцатая.

Вот с такими мыслями вернулся на рабочее место Котеночкин. Дежурный как-то странно посмотрел на входящего участкового, с какой-то внутренней завистью. «Чего это он?» - подумал старший лейтенант и направился к кабинету начальника отделения Зверчеву. «Чего тянуть», - решил он. Неожиданно дверь распахнулась, оттуда вывалилась толпа людей с микрофонами, телекамерами...

- А вот и наш герой, снимайте его, наш лучший участковый - широко раскрыв руки, сказал Зверчев, дружески похлопал по плечу, приобнял Котеночкина и шепнул на ухо: - Смотри, лишнего не болтани.

От толпы телевизионщиков отделилась девушка в джинсах, хлопая длинными ресницами, затараторила, спрашивая обо всем и сразу: «Как вам удалось обнаружить взрывное устройство? Это наверно страшно? Вам правится ваша работа?..» Вопросы сыпались, но у старшего лейтенанта не было возможности ответить ни на один из них, поэтому он просто молча кивал головой, разглядывая новый стенд, на котором красовался лозунг: «Долг превыше всего».

- Что бы вы хотели сказать нашим зрителям? - задала последний вопрос девушка в джинсах.

Котеночкин не знал, что ей ответить, потому что ему совсем не хотелось разговаривать сейчас с кем бы то ни было. Но девушка настойчиво смотрела в глаза.

- Долг превыше всего, - туло прочитал он лозунг на стенде.

- Вы действительно герой, - восторженно проговорила девушка, и телевизионщики ринулись «монтировать материал в вечерний выпуск».

Витерев пот, Котеночкин двинулся к себе, мало понимая, что произошло и почему. Полковник Зверчев, проводив телевизионщиков, заглянул в кабинет к участковому, долго тряс руку и, уходя, сказал: «Молодец, хорошо говорил. Правильно, правильно. Считаю, что звездочка досрочно тебе обеспечена!»

Аделья Мачкова

Начало

Здравствуй, земля моих предков, здравствуй, море.

Стою на крутом берегу Черного (почему черного, оно яркосинее) моря и думаю:

- Вот через меня на эту землю смотрят папа и мама, наверное, переживая мой восторг перед этой южной красотой. Смотрите и радуйтесь. Возвращение, затянувшееся на сорок лет, все-таки завершилось, пусть не вами, а мной, вашей дочерью. Я выполнила свое обещание – поклониться Крымской земле.

Теплый ветер обнял меня и высушил слезы, которые все-таки навернулись на глаза (конечно, от радости).

Так началось мое путешествие по Крыму – земле предков.

Крымский дневник

Севастополь

Приезд

Самолет приземлился в Симферополе. Пассажиры дружно аплодировали. Я с изумлением посмотрела на соседку:

- Что, так часто разбиваются самолеты?

- Люди благодарят пилотов за работу. Такая традиция, — ответила она.

Неплохая традиция. Вот бы за всю хорошо проделанную работу благодарить аплодисментами. Стимул для производителя!

В Севастополе меня радостно встречает Фаира - золовка. Поит чаем, расспрашивает, как я добралась, и мы идем к морю. Фая с удочками, а я с ожиданием «чуда».

Волны набегают на берег. Трогают его белыми пенными гребешками и отступают. Вода прозрачна и ласкова.

Я замираю на берегу на несколько часов. Любуюсь многоцветием открывшегося простора. Море играет красками, показывая новые и новые оттенки.

Смотрю на Фаю. Какая может быть рыбалка?! А она с азартом размахивает удочкой, надеясь на улов. И вдруг радостный крик. Поймала ерша!

Бедный ерш, ошестинившись всеми колечками, прыгает по берегу в поисках спасения.

А золовку действительно, нашла рыбачья удача. Одна за другой на берег летели рыбки.

Темнело. Рыбаки-мужчины, уходя домой, положили к ее ногам свой улов. Кто одну рыбку, кто две, признавая неоспоримое первенство рыбачки.

Утро следующего дня встретило нас хмурым небом. Море штормило. Шел холодный дождь.

Я сурово посмотрела на Фаиру.

- Вот. Рассердила ты морского владыку.

- Чем? - изумилась та.

- Приплыла к нам рыбка и спросила: «Чего вам надобно, старчи?» А ты ее хвать и в сумку. А она, может быть, хотела выполнить твоё заветное желание.

- Так. Рыбу жарить не будешь?

- Не обижайся - успокаиваю я ее - все сделаю, но ершей жалко. Целая семья нас навестила (шесть штук), а мы их на сковородку! На рыбалку буду ходить, но как наблюдатель.

Фаира оглядывает меня с интересом.

- И кто только были твои родители?

- Здравствуйте! Через сорок лет знакомства, ты вдруг решила узнать, что такое твоя

невестка!

Папа — кареглазый, жаркий темпераментный юг. Мама - голубоглазая мечтательная Сибирь. Я — результат их встречи и любви. Кареглазая фантазерка и мечтательница. Какая получилась, такую и принимай.

- Придется — вздохнув, отвечает золовка.

Город.

Знакомство с городом начинается с графской пристани. К ней причаливает наш катер.

Выходим и попадаем в цветник! Цветы на клумбах, в корзинах, в кашпо, подвешенных на фонарных столбах, на улицах в цветниках.

Севастополь, наверное, таким и останется в памяти — город белоснежных домов, цветов и синего моря.

Иду к Панораме защиты Севастополя в 1854-1855 г.

Экскурсовод с огромной гордостью рассказывает о событиях тех лет.

Я смотрю на портреты русских офицеров. Сколько достоинства, благородства и мужества. Думаю для них слова «Честь имею» не были пустым звуком. Они действительно ее имели — «Честь» с большой буквы.

Какие жизни были отданы во славу русского воинства и оружия!

Низкий поклон вам, воины.

Спускаюсь от Панорамы, мимо памятника защитникам Севастополя и медленно иду по улицам города. Вывески с непонятными названиями, напевный южный говор.

Вспоминаю, что надо купить батарейки к фотоаппарату. Подхожу к окошку маленького магазинчика. Беру батарейки и прошу показать срок годности. Продавец, усталая, но с цепким взглядом женщина, берет у меня деньги и показывает товар со словами: «У нас все свежее, только вчера завезли».

- То, что вчера завезли, еще ничего не значит, — замечаю, — а вот годность Вашего товара просрочена.

Показываю, где это написано. Что тут началось! Мне и русским языком, и украинским объяснили, что я ничего не понимаю. Все свежее, и все годное, но деньги вернула.

Иду, ошалев от крика. Взглядом натапливаюсь на вывеску «Окна по-немецки». Смеюсь.

Меня обходит хозяин магазина

- Хотите заказать?

- Только с баварским пивом!

- Причем здесь пиво?! Мы окнами торгуем!

Как тяжело русскому в Украине!

Купила огромную карту Крыма. Разложила в комнате на полу и поползла по ней, определяя места будущих экскурсий.

После знакомства с картой решила, что часть экскурсий совершу цивилизованным способом — в группах, на экскурсионных автобусах. Часть самостоятельно на общественном транспорте и ногами. Начинаю со второго варианта.

Херсонес

Херсонес Таврический основан более двух тысяч лет назад. Его история — это сила историй Древней Греции, Древнего Рима и Византии.

Сетка улиц. Узкий коридор ведет во внутренний дворик. Усадьбы херсонских граждан были невелики — менее двух соток. Две, три жилые комнаты, кухня, столовая, кладовая и производственное помещение — это жильё рядового херсонского гражданина.

Две тысячи лет! Не так уж далеко ушли мы (рядовые граждане) от херсонского гражданина. А некоторые и не дошли даже. Кто может позволить себе иметь в своем жилище производственное помещение?! То-то!

В 1861 году был заложен Владимирский собор. Владимирский — в честь Киевского князя Владимира, который принял крещение в Херсонесе. Собор великоле-

пен. Двух этажный.

Первый этаж — церковь Рождества Богородицы. Второй этаж — церковь Святого Владимира. Внутри собор просто роскошен!

Христианство пришло из Византии. Теперь понятна тяга православных храмов к роскошному внутреннему убранству.

Развалины древнего города, и над ними Владимирский собор, как оплот Несокрушимого Великолепия Византии.

Южный Берег Крыма

Алушка

Наш экскурсионный автобус покидает Севастополь. Мы подъезжаем, нет, подлетаем к Алушке. Вид на городок с высоты гор, как с высоты птичьего полета.

Перед нами гора Ай-Петри, как стена древнего замка великанов. А внизу, у моря маленький городок, утопающий в зелени — Алушка.

Устремляем свой интерес к дворцу графа Воронцова.

Дворец прекрасен и как архитектурное сооружение, и своим внутренним убранством.

Входим, словно в сказку — старинный английский городок, а затем попадаем в роскошь XIX века с зимним садом, львами у входа. Проходим через дворцовые комнаты. У центральной лестницы два льва. Нет, львов больше, но меня поразили два. Один спящий, а второй бодрствующий. Полюбовалась на спящую «кошечку». Такое блаженство на мордахе!

- Хороший пример для охранников, — по-

хвалила я графа, — один спит, другой «работает». Можно было бы, конечно, не так грозно рычать.

Спускаемся в парк. Парк потрясающей красоты. Много укромных уголков с маленькими озерами, крохотными водопадами. И чудо — белые лебеди!

Осматриваем все, что только можно и продолжаем свое путешествие дальше.

Ласточкино гнездо.

Гаспра, Корсиз, Мисхор слились в одно целое — курортную зону Мисхор.

Подъезжаем к смотровой площадке, и перед нами открывается вид на мыс Ай-Талор, на котором прилепилось на Авроринской скале Ласточкино гнездо.

Ласточкино гнездо напоминает средневековый рыцарский замок в миниатюре.

Сооружено Ласточкино гнездо было в 1912 году для Бакинского нефтепромышленника. Сооружение действительно, как гнездо. Двадцать метров в длину и десять в ширину. Для жилья олигарха даже XVIII века оно маловато. А вот, как символ уникальности, поглаживающий самолюбие промышленника, вполне приемлем.

Во время землетрясения в 1927 году обрушилась часть скалы, а здание уцелело.

Хранит Природа уникальные творения рук человеческих для будущих поколений. Спасибо ей.

Ливадия

Ливадия — маленький поселок на склонах горы Мотаби.

Ступеньки вверх, ступеньки вниз — таким он мне и запомнится. Но знаменита Ливадия, я думаю, не многочисленными ступеньками, а Ливадийским дворцом.

В 1860 году территорию имения графа Поттоцкого в Ливадии приобрели для постройки летней резиденции императора Николая II.

Дворец построен из белого инкерманского камня. Он белоснежно наряден и изысканен. Строгие внешние формы здания, изящны внутренние дворы.

Несомненно это было местом летнего отдыха царской семьи.

Крымская (Ялтинская) конференция глав правительств — СССР, США, и Великобритании тоже проходила в Ливадийском дворце в феврале 1945 года.

Что можно сказать по этому поводу? Изысканную роскошь умеют ценить все. Это радует.

Великолепен и парк, окружающий дворец. Его считают одним из лучших парков ЮБК (Южного Берега Крыма).

Не буду перечислять виды кустарников и деревьев парка, тем более, что я

много видела первый раз в жизни. Скажу только, что очень радовалась, когда что-то узнавала. Даже немного гордилась, что некоторые южные сорта прижились и у нас в Сибири. Очень мало, но все же! Сибирь не ЮБК.

Поразила церковь

Крестовоздвиженская церковь в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня была построена еще при Александре II.

В плане здание представляет собой крест. Рядом с церковью звонница на шесть колоколов, которая воспроизводит храм в миниатюре.

Обхожу храм со всех сторон. Великолепен!

Голубое, белое, зеленое с небольшими цветочными вкраплениями — это и есть «мой» ЮБК

Ялта.

Ялта — завершение нашей поездки по ЮБК.

Ласковое синее, нет голубое море. Шумная, раскрашенная всеми цветами, набережная. Ощущение, что попала на карнавал.

Села на скамейку, закрыла глаза и все — другой мир. Ветерок — бальзам для разогретого лица.

Открываю глаза. Синее небо, синее море, и среди этой синевы парусник. Точно, другой мир.

Что еще людям надо?

Возле меня останавливается молодая парень. Красивая, я бы сказала, точное лицо, внимательные ласковые глаза. Протягивает пригласительный билет на презентацию какой-то продукции. Приглашает прийти, но я отвечаю, что вряд ли смогу. Он настойчиво учит:

— Надо говорить смогу! Ваш столик номер два, и я Вас буду ждать.

Мне не хочется ломать красивую иллюзию, что в этом живописном месте меня кто-то будет ждать. Каюсь. Я отвечаю: «Приду!»

Улыбаюсь ему и спешу к экскурсионному автобусу. По дороге отдаю билет молодой загорелой девушке. Думаю, с ней ему будет интереснее за столиком номер два.

До свидания, Ялта — праздник жизни. Город пышных садов, цветущих роз, загорелых, неунывающих, громкоголосых жителей.

Севастополь — Шелкино.

Саня

Автобус рано утром отправляется с автовокзала ст. Севастополь до ст. Шелкино.

Настроение ниже среднего. Встреча с прошлым не всегда бывает радостной.

Со мной рядом в кресле сидит солидный озабоченный своими проблемами мужчина. Время от времени он пытается решать их по мобильнику, нервничает, кричит. Наконец-то на очередной остановке он выходит.

Из-за переднего кресла появляются веселые голубые глаза под козырьком светлой кепки, куртка и удочки. На метр, опережая мужчину, плывет винное амбре.

Я отворачиваюсь к окну.

— Вот только мне этого не хватало. Пять часов поездки и даже без соленого огурца, — думаю.

Голубые глаза вни-

мательно осматривают меня и исчезают. Автобус сигнализирует. В последний момент кто-то заходит, заполняя весь салон запахом одеколона.

Мой сосед! Смотрит на меня и, оправдываясь, говорит:

— Сам не люблю запах перегара, а тут завис. Две недели не пил, а тут завис.

— И что, есть причина? — любопыствую.

— Из больницы вышел, на радостях, — счастливо сообщает он, — две недели лежал! Я спортсмен, бывший правда. Бухаю, бухаю, а потом на стадион бегу бегать. Растяжка — это обязательно.

Снимает кепочку, гладит себя по лысой голове и сокрушенно вздыхает.

— Вот не думал, что волос не будет. Шестидесят только, а уже лысый.

— И как Ваше имя? — спрашиваю.

— Саня, Санек. Давайте знакомиться. А Ваше имя?

— Ну, раз в шестидесят Вы — Санек, то я в свои шестидесят четыре — Ада.

— Да? Ладно, пусть будет Ада, — разрешает.

— А ты откуда? — переходит на дружеское «ты».

Видимо, имя без дополнений резко сократило дистанцию.

— Из Сибири.

— Я люблю Сибирь. Я был в Ангарске, за лесом ездил. Пока ехал, лес отправили. Я фрукты в Сибирь вез, а мужики хохотали, что лучше бы рыбу с Азова привез, а не виноград.

— В Удмуртии у меня друг-человек, — продолжает.

— А что значит друг-человек — перебиваю.

— Человек — это мужчина, а ты — женщина.

— То есть друг человека, — смеюсь и объясняю, — Ангарск — это Сибирь, а вот Удмуртии в Сибири нет.

— А я живу в Шелкино на берегу Азовского моря. Дельфины там раньше были, а сейчас не видно. Погубили что-ли всех?

— Я была на Азовском в Приморско-Ахтарске у родственников.

— Где это? В России?! Как наше море оказалось в России, — с изумлением на лице смотрит на меня человек.

— Это же море, — развожу я руки, — один берег ваш, а другой наш.

— Не может быть, — Саня трясет головой, не в состоянии обнять необъятное.

— А горы у вас есть такие, как у нас? — показывает в окно автобуса.

— Есть, конечно. Я живу у подножия горного массива Шории. Это предгорье Алтая.

А на востоке нашей области — хребет Кузнецкого Алатау — предгорья Саян.

— Ты меня удивляешь. В Сибири горы?!

Я думал, что там только тайга.

— И тайга, и горы. А где ты учился Александр, что видел кроме Ангарска?

— Учился в Харькове, служил в Керчи, Феодосии. Был в Симферополе. Участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Сейчас живу в Шелкино. А ты где остановилась?

— В Севастополе, — отвечаю, — красивый город, белоснежный.

— А я вот по больницам больше, — продолжает Александр, — подлечусь, выхожу, и бухать начинаю.

Все друзья ушли из жизни, а я живу. За чем живу, не знаю, а живу. Сам пью, жена пьет, две дочери тоже пьют.

Я грустнее и лицом, и душой.

— Вот смотри, какой я перетень себе купил, — пытается развеселить меня Саня.

— И зачем нужна тебе эта цапка? Лучше бы съездил, мир посмотрел. Такой подарок судьба дала — живой после Чернобыля. Пенсию дали неплохую. Хотя чем-то удивил себя!

— Так я тебя удивить хочу, — отвечает, и заговорчески шепчет. — Кольцо-то поддельное. Пятьдесят гривен стоит.

— Кто бы сомневался, — смеюсь.

Смеюсь и понимаю — попрошу помощь,

не задумываясь, поможет.

Как же истосковались мы, люди по обычному человеческому вниманию и теплу.

Выхожу на остановке и слышу на всю станцию прощание, — «Удачи тебе, Ада!»

Оглядываюсь. Александр стоит у автобуса и машет руками.

Счастья тебе, Саня, и здоровья!

Семь колодезей.

Я выхожу из автобуса на станции Семь колодезей. Пока искала гостиницу, вспомнила легенду, услышанную еще в Севастополе.

Семь братьев вырыли семь колодезей, и брали люди чистую родниковую воду из них бесплатно. Как только владельцы запросили плату у людей за воду, стала исчезать вода в колодцах, пересохла они. Ушли люди, погибли сады. Ушла вода, ушла жизнь.

Люди разных национальностей населяли Крым до войны. Депортировали целые народы, вывели со своей земли, и замесла жизнь.

Люди — родник, дающий жизнь! Помнить бы это нам не мешало.

Семь колодезей — это Родина моих родных людей.

Сколько незаслуженной обиды и горя унесли они с собой при депортации. Разбросала их судьба по всему бывшему Союзу. Собирались (кто жив остался) только после войны. Никто не вернулся в Крым, даже после реабилитации.

Я спрашивала себя иногда — почему?

Думаю, что боль обиды не давала. И уходили они из жизни один за другим, так и не повидав родную землю. Закрывались от прошлого глухой стеной.

И только в шестидесят лет я решила съездить в Крым, сломать эту стену. Поклониться земле, подарившей мне замечательного отца, и простить все обиды от имени всего нашего рода.

И вот я здесь.

Набираю в платочек землю для папиной могилы в Сибири.

Рано утром выхожу на улицу поселка. Глядя на восход, прошу солнце, небо, все пространство, чтобы никогда люди на нашей планете не делились по «национальному признаку».

Прощай, земля моих предков. Увидимся ли еще?

Разделились!

Возвращаясь в Севастополь. Смотрю на небо, горы, на море, и вспоминаю разговор с хозяйкой гостиницы, в которой останавливалась.

— Вы откуда?

— Из Сибири.

— Это за Волгой?

— Нет, за Уралом. Западная Сибирь. А Волга перед Уралом, ближе к вам.

— Та для нас все, что за Крымом, все Сибирь. Мы свое-то не очень знаем, а вы хотите, чтобы вас знали. Нам своих дел хватает.

Думаю: «Ваше, наше»...

Как можно разделить Землю? Ведь это тоже самое, что разделить человека. Жене — нижнюю часть, детям — руки, стране — голову, себе — ноги. Согласитесь? Да ни за что и никогда. Мы — неделимы!

А Земля?! Она ведь тоже единое целое с морями, реками, лесами, со всем, что прилепилось к ней на поверхности.

Это невозможно разделить, как невозможно разделить воздух, солнце, звезды.

Это все принадлежит не человеку. Человечек только пользуется.

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Будем же благодарны Природе за такой Дар всему Роду человеческому. Примем с любовью ко ВСЕМ!

Пещеры.

Подземный мир Крыма

Следующая экскурсия — пещеры.

Пещера Эмин-Баир-Хосар. Спускаемся. Навстречу нам выходят группы туристов. Измученные, усталые лица. Мы весело смеемся.

— Где энтузиазм?!

Они только машут руками

— Пробуйте сами сохранить этот самый энтузиазм!

В первых залах видим скелеты животных, когда-то случайно попавших сюда, да так и оставшихся навечно.

Зал идолов. У входа в зал — страж. Высокий сталактит, похожий на страшного, злого человека. По всему залу растут сталактиты различной формы на любую фантазию.

Каждый видит свой образ: я — старика с посохом, парень рядом со мной — женщину с младенцем на руках. Короче, «у кого, что болит».

Очень впечатляют и узенькие переходы из зала в зал, и подземное озеро, и застывшие каменные водопады. Но для меня самым незабываемым был выход на поверхность. Действительно, с каждой ступенькой вверх радость как-то иссякала. На поверхность я не вышла, а выползла. Но когда спросили у группы пойдём ли мы в Мраморную пещеру, все дружно поднялись и пошли к спуску.

И не пожалели!

На берегу небольшого светло-зеленого озера загадывали желания. Проходили через узенькие двери из зала в зал — загадывали желания. Столько загадывали, что я забыла, что же просила у подземных духов.

Чтобы выпустили меня на белый свет — это точно! Какое счастье, когда выходишь, а перед тобой вершины гор, а над головой голубое небо!

Я бы всех, кто угрожает нашей природе отправляла на месяц в пещеры для обдумывания своего поведения. Уверена, что после выхода из-под земли люди строили бы Храмы Солнцу, Воздуху и вообще всему живому на планете.

Древний город Чуфут-Кале. Бахчисарай.

Чуфут-Кале находится на юго-восточной окраине современного Бахчисарая. Занимает плоскую вершину горы, высотой более 500 метров над уровнем моря.

Это один из самых известных пещерных городов Крыма. Первые археологические раскопки были проведены в 1853 году графом Алексеем Уваровым.

В 1340-х годах город захватили монголо-татары Золотой Орды. В 1443 году крымскому правителю Халжи-Гирею удалось до-

биться независимости для своего ханства.

К концу XV века крымские ханы стали вассалами Османской империи и переселились на окраину Бахчисарая. Город в это время называли Гевхер-Кермен (крепость драгоценностей) или Чуфут-Кале (еврейская крепость).

После присоединения Крыма к России, изменилась экономика Крыма. Жители стали покидать город. К началу XX века город полностью опустел.

Поднимаемся по достаточно крутому подъему к вершине горы. Справа отвесная гора, слева обрыв...

И вдруг чудо — На горе, вернее, в горе монастырь Успения Богородицы с уникальнейшей росписью фасада Успенской церкви. В Крымскую войну 1854-1855 годах в монастыре был госпиталь, где лечили раненых Севастополя. На дне ущелья находится кладбище, где похоронены умершие от ран. Останавливаемся, отдавая дань памяти тем, кто защищал эту землю от врагов.

С перерывами на отдых двигаемся выше, и выше. Вот плоская вершина с остатками древнего города. Город делится на три части. Западная оконечность — мыс Буручак (26 га). На востоке — Старый город (Древняя крепость — 7 га). Еще восточнее — Новый город (3 га). Вот такие размеры.

Но меня поразили не размеры, а вид с плоской вершины. Сады, виноградники до самого горизонта. Узкая лента дороги, по которой мы карабкались наверх. По обе стороны дороги отвесные скалы.

Неужели мы преодолели этот подъем и забрались сюда?!

Теперь я начинаю понимать людей, уходящих к вершинам. Там ты становишься частью Высоты, частью всего простора. Стою, как в песне — «на вершине стоял хмельной». Думаю:

— Главное, чтобы голова трезвой была. На вершине это очень важно. Впереди спуск.

Спускаемся к автобусу, и он везет нас в ханский дворец Бахчисарая.

О Бахчисарасе и рассказано, и написано много. Повторяться не хочется. Фотографирую, фотографирую, фотографирую.

Когда вернулась в Севастополь, то соседки по дому спросили:

— Почему так много фотографий гарема?

— Стало интересно, как жили в то время обеспеченные женщины.

Крыша над головой бесплатная, на еду, одежду тоже зарабатывать не надо. Можно гостей принимать (женщин, конечно), можно музыкой заниматься, рисовать, вышивать. Шахматы стоят на столике. Значит, играли и в шахматы. Иногда выпускали в маленькие садик с розами, иногда приходил в гости мужчина (правда один). Что еще надо? Свободы не было!

Мы получили свободу, зато многое исчезло. За все надо платить.

...А знаете, друзья, я за такую вот возможность — мир посмотреть, по лесам походить, среди цветов поваляться — любую роскошь гарема бы отдала, не задумываясь!

Феодосия

Феодосия — один из древних городов Крыма.

Феодосия — «Богом данная». Основан город был греками из Милета. Город амфитеатром расположен у подножия гор на берегу залива.

Заходим в старую часть города. Здесь еще сохранились развалины старых береговых укреплений. Вот возвышается половина угловой стены башни св. Константина. Когда-то эта башня была и замком, и арсеналом. По разрушениям на стене видно, как захлестывали ее волны при шторме. Сейчас береговая линия далеко от нее. Значит, море отступает.

Вообще старая часть города смотрится, как своеобразный архитектурный исторический музей. В старинном доме музей А.С. Грина романтика и мечтателя.

Перед картинной галереей И.К. Айвазовского завершенной городу, бронзовая фигура художника.

Айвазовский на пьедестале с палитрой и кистью в руках. И у ног надпись «Феодосия — Айвазовскому».

Набережная. Приморский бульвар. И, как привет из прошлого века — через город паровоз! Не веришь в реальность увиденного.

Реально только море, золотой песок и прозрачная зеленоватая вода.

Спокойный, чистый, приморский город, который выгодно этим и выделяется из всех городов Крыма.

Дожидаюсь автобуса, гуляем по парку. Чистый воздух, тишина и какое-то душевное умиротворение — это и есть Феодосия.

Домой!

Вот и закончилось мое путешествие по земле предков.

Я бесконечно благодарна судьбе за подаренную возможность побывать в Крыму. Прикоснуться к стенам домов, где когда-то жили мои тети и дяди, бабушки и дедушки, побывать в городах, где они учились, мечтали, любили и были счастливы.

Спасибо всем, кто мне помогал в этой поездке.

Самолет отрывается от земли Симферопольского аэропорта, мы взлетаем.

Раньше, когда я летала на самолете, мне не очень-то везло: то место у окна занято другим пассажиром, то облачность, то забот столько, что не до красивого вида за бортом самолета.

Сейчас же все эти препятствия словно растворились. Мы летели... Нет, парили в прозрачном воздухе над землей.

Унес куда-то берег Крыма, Арабатская Стрелка. Мы летели на северо-восток, на Урал, в Сибирь.

Лоскутное покрывало обнимало землю.

Желтые, бурно-зеленые, коричневые прямоугольники. А вот и сине-зеленые квадраты (наверное, озимые). Черные лоскутки вспаханной земли напоминали бархат, и, как золотое ожерелье — лесопосадки, ярко раскрашенные осенью.

Глаза озер все разного цвета. Вот голубой круглый глаз, а этот вытянулся цвета оливы, а здесь сразу три подряд!

Появились холмы с яркими пятнами осеннего леса.

Воздух был настолько чист и прозрачен, что можно было разглядеть компании, собравшихся в кружок, березок.

На поднимающихся над землей холмах

лесные группы были словно вырезаны.

Я дух не могла перевести от восхищения.

И вдруг — Урал!

Коричневый хребт могучий и прекрасный. Замираю.

— Смотри, смотри, — толкаю дремавшую соседку.

Она поднимается с кресла и застывает с восторженным «Ах!»

Сколько угодно можно ходить по лесам, сидеть у костра на берегу озера, подниматься в горы. Когда на все это смотришь сверху, все воспринимается по-другому.

Немногу от восторга. Как прекрасна наша Земля!

Появляются первые облака. Нежные, тонкие, как легкая дымка. Они, как дымок, то тянутся под крылом нашего ковчега, то растворяются.

А мы плывем по голубому простору воздушного океана. Вдали появились белые льдинки — перистые, причудливой формы.

Какой чудесник придумал вас? А вот и кучевые барашки — удивительное «зверье», на любую фантазию.

Воздушное пространство, словно расслоилось. Вверху — привычное нам небо с легкими полупрозрачными облаками, а ниже море, по которому плывем мы и льдины кучевых облаков. А под этим необыкновенно чистым синим простором наша красавица Земля.

Я глаз не могла оторвать от иллюминаторов, жалко вбирая в себя эту красоту.

Господи, как же много ты дал людям, какую планету подарил!

Проходим через густую облачность и приземляемся. Здравствуй, земля. Мой город встретил меня солнечным днем, начавшими желтеть деревьями и удивительно сочной по-весеннему зеленой травой.

Спасибо за такой подарок!

Я заканчиваю свой дневник. В заключение хочу сказать о том, что поняла во время своего путешествия.

Частица Бога в нас — это не только большие возможности. Это, я думаю, проснется в свое время. Прежде всего, мы должны понять: Бог в нас — это ЛЮБОВЬ со всеми ее составляющими: нежность, ласка, сострадание, доброта, забота.

Именно это и есть частица Бога, именно это и было вложено в нас, когда мы пришли на эту Землю с желанием излить этот Дар на наш мир.

О том, что с нами произошло, я не хочу говорить. Но очень хочу, чтобы мы все вспомнили любви огромной, сильной, прекрасной, дарованной нам.

Дар этот для всех, включая каждого, и для каждого, как для всех.

Пятнадцать лет назад я неожиданно для себя начала писать стихи.

Одним из первых (оно было опубликовано в местной газете) моих стихотворений было:

Я к вам пришла и говорю:

— Примите песнь любви мою,

Как Дар Небес, как сердца зов.

Я вас люблю, я вам пою,

Я душу вам свою даю.

Я думаю, мы все пришли сюда, чтобы сказать что-то свое. Пусть это будут слова о любви.

У музыки любви волшебные мотивы.

Она поет сама, и ей не надо слов.

Раз музыка звучит,

то мы живем, мы живы,

И слышится в душе ее сердечный зов.

Мы встретили с вами прекрасную осень,

В которой так много осталось от лета.

(Не знаю, друзья, почему только просим?)

Спасибо за это, СПАСИБО за ЭТО!

Счастья вам, люди, и мудрости.

Песня «Огромное небо»

История песни. Авторы. Текст песни. Исполнители

Борис КАПУСТИН

Юрий ЯНОВ

В очередной раз в городе что-то бабахнуло, и, как и многим другим жителям, на ум практически сразу и бессознательно пришли строчки «...А город подумал: ученья идут!..» Даже многие мои сверстники, знающие, что это слова «какой-то песни», затрудняются правильно озвучить её название, тем более, рассказать историю появления широко и часто цитируемой строки из этого произведения. Вместе с тем, представители старшего поколения знают точно, что песня «Огромное небо», о которой пойдёт речь сегодня, основана на реальных событиях, а именно героическом поступке двух советских лётчиков.

В не очень погожий весенний день, а именно 6 апреля 1966 года, лётчики (668 авиационного полка бомбардировщиков 132 бомбардировочной дивизии - 24 Воздушной армии, дислоцировавшейся тогда в немецком городке Финов (Finow) командир экипажа капитан Борис Владиславович Капустин и штурман старший лейтенант Юрий Николаевич Янов получили приказ перегнать самолет-истребитель Як-28 на другой аэродром. Пролетая над Берлином, у самолёта, в результате помпажа, отказали оба двигателя, и машина стала падать на жилые кварталы Берлина. В безуспешных попытках запустить двигатели, лётчику всё-таки удалось отвести самолёт от густонаселённых кварталов за черту города. Экипаж принял решение посадить самолёт в лесу, который виднелся неподалёку, но, к несчастью, это было всего лишь немецкое кладбище, на котором в тот Пасхальный день было много людей. С аэдрома поступила команда катапультироваться. А лётчики всё ещё старались максимально обезопасить мирных жителей, которые случайно могли оказаться в зоне взрыва многих тонн горючего, остававшихся в баках самолёта. Пилоты решили не покидать падающую машину — этим волевым решением они полностью отрезали себе все варианты спасения, поскольку сам выстрел катапульти мог уменьшить и без того критически малую высоту полёта. Показавшиеся вдали озеро Штёссензее вполне могло подойти для экстремальной посадки самолёта на воду, но возникшая впереди дамба с шоссе, на котором было много автомобилей, вновь заставила командира экипажа Капустина неминуемым физическим усилием

приподнять неуправляемый самолёт, и перелететь через дамбу. После этого манёвра машина с большим креном вошла в воду, затем в толстый слой ила на дне озера...

Полторы сотни слов — минута чтения, — описывающих всего лишь 30 последних секунд жизни пилотов.

Самолёт упал в английском секторе ответственности западного Берлина, свидетелем чего был единственный рыбак, а наша служба ПВО о точном месте падения не знала. На место падения весьма резко прибыли английские водолазы и сапёры, которые сразу же занялись подъёмом некоторых особо важных частей разбившегося самолёта. Тела лётчиков-героев для них не представляли никакого значения в отличие от уникальной РЛС «Орёл-Д» («Skipspin» по НАТОвской классификации), которую им удалось демонтировать и позже вместе с деталями двигателей за 2 дня исследовать в Фарнборо (Farnborough). Корреспондент британской газеты «Telegraph», вообще горделиво назвал эту вопиющую провокацию одной из самых «поразительных шпионских операций «холодной войны».

Только на третьи сутки, 8 апреля 1966 года, когда всё, что хотели, НАТОвцы с разбившегося самолёта изучили, состоялась передача останков советских лётчиков представителям Группы Советских войск в Германии.

Мирные граждане обеих частей Германии по достоинству оценили подвиг героев — каждый город ГДР прислал свою делегацию для участия в траурной церемонии, а из Великобритании даже прибыл королевский оркестр. Тогдашний бургомистр Западного Берлина, будущий канцлер ФРГ Вилли Бранд, сказал: «Мы можем исходить из предположения, что оба они в решающие минуты сознавали опасность падения в густонаселённые районы, и в согласовании с наземной службой наблюдения повернули самолёт в сторону озера Штёссензее. Это означало отказ от собственного спасения. Я это говорю с благодарным признанием жертве, предотвратившей катастрофу».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10.05.1966, за мужество и отвагу, проявленные при исполнении воинского долга, капитан Капустин Борис Владиславович и старший лейтенант Янов Юрий Николаевич были посмертно

награждены орденами Красного Знамени. Именем Бориса Капустина, похороненного в Ростове-на-Дону, названы улица Ворошиловского района города и школа №51. Юрий Янов похоронен на родине, в Вязьме, на Екатерининском кладбище, и в его честь 1 сентября 2001 года на здании Вяземской средней школы №1 установлена памятная доска.

Также 30 марта 2001 года, к 35-летию подвига лётчиков, в Берлине прошли торжественные мероприятия, а в авиационном музее на аэродроме Финова, созданном после вывода наших войск, воздвигнут обелиск на котором написано:

*«В память всем жертвам холодной войны
Они отдали свои жизни, чтобы спасти
других людей»*

*Старший лейтенант Янов. Капитан
Капустин.*

6 апреля 1966 г.»

*Служивцы лётчиков-героев сложили
такие стихи об их подвиге:*

*«Ценой нечеловеческих усилий
Агонию машины поборов,
Ушли в бессмертье сыновья России,
Лишь только став на жизненный порог.
Им бы любить, держать в просторе вольном.
Но долг суров, а сердце горячо.
Гордись, страна! Гордись, хотя и больно.
Теснее строй, друзья, к плечу плечо!»*

Об этом событии написали крупнейшие печатные издания СССР: «Правда», «Известия», «Красная Звезда», а сам подвиг не мог не стать посылком к созданию поэтических строк.

Практически ровесник лётчиков, молодой поэт Роберт Иванович Рождественский в 1967 году написал стихотворение и обратился к композитору Оскару Фельцману с просьбой положить его на музыку. Вот как позднее вспоминал об этом сам Оскар Борисович:

«Несколько лет тому назад поэт Роберт Рождественский рассказал мне о замысле новой песни. Толчком к её созданию послужило подлинное жизненное событие. О нём писали в газетах, говорили по радио. Я знал об этом подвиге, но рассказ Рождественского воскресил его с новой силой. На следующий день нами была написана баллада «Огромное небо».

Свою песню Оскар Фельцман вначале предлагал исполнителям-мужчинам — Юрию Гуляеву, Муслиму Магомасву, и, конечно же, Иосифу Кобзону, с которым композитора связывали давние творческие отношения. Но затем песня «Огромное небо» в аранжировке Александра Александровича Броневникова «зазвучала» в исполнении его жены, Эдиты Станиславовны Пьехи, а один музыкальный критик даже сказал, что её исполнение стало самым мужским исполнением.

Уже в 1968 году в рамках IX Всемирного фестиваля молодёжи и студентов в Софии, песня получила несколько наград: золотую медаль и первое место на конкурсе политической песни, золотую медаль за исполнение и стихи, а также серебряную медаль за музыку. Так случилось, что в день награждения Эдита Станиславовна отмечала свой день рождения, и лучшего подарка, чем первая в её жизни золотая медаль, трудно было ожидать.

Интересна история двух женщин: вдовы капитана Капустина Галины Андреевны Капустиной и Эдиты Пьехи. Вот что рассказала Галина Андреевна в одном из недавних интервью:

«Специально съездить на съезды я

из-за этой песни не могла, потому что я не могла её слышать. У меня, знаете, всё перестраивалось, всё сразу наплывало, как говорится, все воспоминания... Я её проживала, эту песню, не просто слушала».

Звезда сама разыскала вдову и лично пригласила на концерт: второй ряд, партер. Эдита Станиславовна не раз признавалась: так проникновенно, как в тот день, она не пела никогда.

«Вдруг она объявляет о том, что в зале присутствует жена. И эта песня — реальные события, посвящается Капустину, Янину. И начинает петь эту песню»...

Даже 43 года спустя Галина Андреевна не может сдерживать слёз при звуках «Огромного неба»...

Для Оскара Борисовича Фельцмана песня «Огромное небо» стала ещё одним звёздным часом. Ну, а для ровесников и потомков эта песня — напоминание о подвиге двух простых русских парней и вечный памятник несрукотворным героям нашей Родины.

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Огромное небо

*Об этом, товарищ,
Не вспомнить нельзя,
В одной эскадрилье
Служили друзья,
И были на службе
И в сердце у них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих.*

*Дружили, летали
В небесной дали,
Рукою до звёзд
Дотянуться могли,
Беда подступила,
Как слёзы к глазам —
Однажды в полете, однажды в полёте,
Однажды в полете мотор отказал...*

*И надо бы прыгать —
Не вышел полёт!..
Но рухнет на город
Пустой самолет!
Пройдет, не оставив
Живого следа,
И тысячи жизней, и тысячи жизней,
И тысячи жизней прервутся тогда!*

*Мелькают кварталы,
И прыгать нельзя...
«Дотянем до леса!» —
Решили друзья.
«Подальше от города
Смерть унесём.
Пусть мы погибнем, пускай мы погибнем,
Пусть мы погибнем, но город спасём!»*

*Стрела самолёта
Рванулась с небес,
И вздрогнул от взрыва
Берёзовый лес!..
Не скоро поляны
Травой зарастут...
А город подумал, а город подумал,
А город подумал: «Ученья идут!»*

*В могиле лежат
Посреди тишины
Отличные парни
Отличной страны...
Светло и торжественно
Смотрит на них
Огромное небо, огромное небо,
Огромное небо — одно на двоих!*
По материалам Интернета.

Елена ТРУХАН

Живая память

В литературной среде города Новокузнецка ходит легенда о том, что у прозаика, члена Кемеровского отделения Союза писателей России Владимира Максимовича Неунывахины есть два солидных чемодана. В них разместился богатый авторский архив: памятные записочки, заготовки, наброски, будущие сюжеты, лаконичные пометки – мимолетные впечатления по какому-либо поводу. Все они ждут своего урочного часа, когда из наскоро записанных строк превратятся в полноценные произведения. Подошла очередь для некоторых из них: Владимиром Максимовичем подготовлена и уже увидела свет десятая по счету книга «Всполохи памяти...», в которую вошли повесть, рассказы, зарисовки.

Характерной чертой прозы Неунывахины является внутреннее тематическое единство. Сборник «Всполохи памяти...» – не исключение. «Повторность тем – развитие задачи, рост ее», – замечала о таком свойстве художественного мира Марина Цветаева.

Можно сказать, что из книги в книгу Владимир Неунывахин разрабатывает несколько магистральных тематических пластов, параллельно развивающихся в его творческом сознании. Первый связан с профессиональной деятельностью литератора, почти тридцать лет посвятившего системе исправительно-трудовых учреждений МВД России. Второй пласт навеян хобби – общением с природой, охотой и рыбалкой, ставшими, по его признанию, настоящей «страстью». В этом смысле Владимир Неунывахин старается сохранить лучшие традиции русских писателей XIX–XX вв.: Сергея Аксакова, Егора Дрианского, Михаила Пришвина, Константина Паустовского, Виталия Бианки и др. Третий пласт – социально-исторический. Пожалуй, самый мощный, включающий в себя все: от глубоких размышлений об исторической судьбе страны, какой-либо семьи или отдельной личности до забавных случаев из жизни, мимолетного, но почему-то запомнившегося, разговора попугайчиков.

Но к какой бы теме не обращался Владимир Максимович, главный категорией его художественного мироощущения была и остается живая память. Память природная и человеческая, историческая и семейная, короткая и вечная, утраченная и внезапно вернувшаяся, профессиональная и генетическая, растревоженная и лечащая, память-рана, память-вспышка, память-набат. Неслучайно именно это слово органично влилось в емкий образ – «всполохи памяти», ставший названием и одноименной лирической зарисовки, и книги в целом.

Память-всполох, отблеск далекой грозы на ночном или вечернем небосклоне, «растворена» в структуре книги и составляющих ее произведениях.

Семантическое значение образа «всполохи памяти» многогранно. Это яркие мгновенные вспышки света и огня – от реальных, в деревенской печи и на таежной охотничьей поляне (разделы «Байки у костра», «Охота – страсть моя»), до социальных, зримых в своей метафоричности – война, репрессии, преступность в обществе (разделы «Избранное», «Из блокнота бывшего сотрудника ИТУ»). Это отблески «северного сияния»

– необъяснимых логических явлений, которые наблюдал сам писатель или описал по рассказам очевидцев – своих собеседников (раздел «Невероятное-рядом»). Всполохи памяти – это наши бытовые тревоги, повседневная суматоха, суета сует, бестолковый переполох, беспокоество по мелочам (раздел «Эпизоды из жизни») и тревожный набат, оповещающий о вселенском бедствии, созывающий народ на бой против человеческого равнодушия, забвения, отсутствия теплоты и сочувствия, нелюбви к ближнему, протии в политического террора (разделы «Избранное», «Из блокнота бывшего сотрудника ИТУ»).

В целом же, сама человеческая жизнь, мелькнувшая летней ослепительной зарницей где-то на небосклоне бренного и вечного, это и есть тот самый всполох, который так живо интересует писателя Владимира Неунывахины. Откуда взялся он? Почему так стремительно исчезает? Вернется ли? Над этими и другими мучительными вопросами быстротечности земного гадает автор на страницах книги «Всполохи памяти» и одноименного лирического рассказа-зарисовки.

Главный персонаж зарисовки «Всполохи памяти» – умудренный опытом и убежденный сединой писатель, вспоминающий свое детство. Воспоминания приходят к нему внезапно и ярко, как молнии. Образ вспышки, то и дело озаряющей прошлое, запечатлен В.М. Неунывахиным даже в структуре произведения. Движение текста осуществляется

«от всполоха к всполоху», обрастает дорогими сердцу подробностями, ассоциациями и новыми деталями. Интенсивная вспышка памяти – отдельный поворот судьбы, особый жизненный эпизод.

В художественном тексте смыкаются два периода человеческой жизни – детство и старость. Их встреча помогает раскрыть сущность жизненных явлений. Воспоминания лирического героя и интуитивно-чувственное познание реальности ребенком дополняют друг друга: то, что дитя не могло выразить словами, но запечатлело в памяти, теперь зрелый состоявшийся человек спустя десятилетия может объяснить простым и понятным языком.

Силой воспоминания автор возвращает нас к своим истокам – уютному деревенскому дому родителей в небольшом поселке Абагур-Лесной, своим делам, первым опытам общения с природой, поездкам на коне, рыбалке, закармливанием друзей-приятелей, ко времени становления личности. Образ дома в деревне, символа стабильности, ассоциируется с заботливой и терпеливой матерью, трудолюбивым отцом-отчимом.

Погружение в прошлое сопровождается у Владимира Неунывахины грустью, элегическими нотами невозвратимости ускользающего времени. Но, несмотря на это, в воспоминании мир далекого детства удается сохранить неприкосновенным: он всегда легок, безоблачен, свеж во всей полноте красок, звуков и запахов, бесконечно счастлив и беззаботен.

Иногда детское воспоминание ранит

лирического героя, вызывает огорчение и боль. Эти ощущения настолько сильны, что передаются и читателям произведения. Горечь утраты, как правило, вызвана глубокой внутренней травмой, нанесенной отцом семье и ребенку как неотъемлемой ее части. Знаменитые слова классика XIX века Ф.М. Достоевского о «слезинке ребенка» и нашего современника Ю.В. Трифонова о ранимой, «алой, сочащейся плоти детства» в каком-то смысле могли бы стать эпиграфом к автобиографическим творениям В.М. Неунывахины: «Шерстяные перчатки», «Мой любимый отчим», «А помнишь, Витёк», «Всполохи памяти». В них детство становится тем индикатором, по которому автор проверяет реальность на гуманность и справедливость. Детская обида на отца смыкается с исчезновением жизненной опоры и становится предвестником более серьезных потерь – родительского дома и кузбасской деревни в целом.

Травма от вероломства и самовольства отца, непонимание и детская растерянность, жгучая обида, поиск сострадания и духовного родства, неизбежная разлука родственников и многолетние тяжёлые испытания для семьи – эти и другие автобиографические моменты впоследствии появятся во многих литературных произведениях Владимира Неунывахины. Они возникнут уже не вспышками, а неизгладимыми бороздами живой, протянувшейся из детства, памяти.

Жизнь как единое и необъятное русское поле, а человек с его незамысловатой судьбой – особая борозда, идущая по нему сквозь пласты десятилетий, сквозь исторические этапы развития страны и мира. Такова, наверное, модель художественного мира Владимира Неунывахины.

Понять себя и осмыслить свое время, уловить его «дух», в котором таятся причины и следствия многих современных социальных явлений – одна из первоочередных задач автора книги «Всполохи памяти». Для ее решения он впервые прибегает к новому для себя творческому материалу – эпохе сталинских репрессий. В сборнике главной социальной проблеме 30-х годов XX века посвящена повесть «Репрессированные», а также рассказы: «Из дневника тети Поли», «Не дай Бог испытать такое никому», «Из огня – в поляны», «Мой любимый отчим». Живая память против забвения – так можно определить глубинный призыв автора этих произведений.

«Репрессированные» – одно из самых пронзительных социально-исторических творений В.М. Неунывахины. В повествовании, без каких-либо витиеватых закруток сюжета, соединились жанровые особенности повести и документальной хроники. Воплощение событий в этих двух стиливых потоках придает художественному произведению большую достоверность и эстетическую яркость. Видно, насколько глубоко автор погрузился в материал: изучал архивы и статистические данные, дневниковые записи очевидцев, встречался с участниками событий – спецпереселенцами родного поселка Абагур, прибывшими из разных уголков страны с позорным и незаслуженно присвоенным клеймом – «враги народа».

В центре повести, как и в опубликованном ранее романе «Проклятые», – история одной семьи. Теперь это многолетние Сергей и Серафима Федоренко, на долю которых выпал тяжелый путь вынужденного переселения в Сибирь из средней полосы России и бремя репрессий. Старший сын Федоренко Никита «отрекся от отца и всех родственников, вступил в колхоз и остался на родине. А их вот выгнали из родной хаты, лишили всего, что было нажито за долгие годы

каждодневным трудом, и гонят, как собак, неведомо куда. Господи, за что?».

«За что?» - этот вопрос, уже звучащий в одноименном сборнике Владимира Неунывахины, как эхо, возникает в писательском художественном сознании, но уже на другом уровне, и пронизывает каждую строчку повести. «За что?» - вопрошают персонажи, и их вопрос, переходящий то в стон, то в крик, застревает комом в горле читателя. «За что?» - вторит персонажам автор, пытается найти правильное решение в парадигме социального времени, но не находит однозначного и верного ответа. Ему только остается констатировать, что потомки репрессированных, также как их отцы и деды, до сих пор встречаются в обществе непонимание и зависть из-за того, что государство спустя годы признало ошибку и предоставило семьям, подвергнутым террору, минимальную поддержку, определенные льготы. «Как коротка человеческая память!», - с горечью восклицает писатель. И этот возглас, призванный успокоить сознание общественности, звучит как тревожный набат. Акт воспоминания о былом становится для литератора Неунывахины этическим, нравственным поступком.

На всем протяжении повести Владимир Максимович старается донести до современников внутреннее содержание слова «репрессированные», которое за короткий промежуток времени истерлось, превратилось в пустую оболочку. Для этого вместе со своими персонажами он проходит «по этапам»: через серию последовательных унижений, невыносимых физических и нравственных мучений. Он живописует страшные картины получеловеческого существования, изнурительного труда, пыток и надругательств над взрослыми и детьми. С беспощадной правдивостью и подчеркнутой простотой автор обнажает перед нами линии искореженных судеб и подробные детали жизни каждого члена семьи Федоренко, попавшего в мясорубку истории. Он показывает, как история и политические решения присутствуют в сегодняшнем дне обычного человека, старается исследовать преломление социально-исторических процессов через призму отдельно взятой семьи. Социальное время главенствует, берет всех в подчинение, кардинально меняет земной путь. В одночасье оно может возвысить или низвергнуть, убить или отправить в глухую тайгу. Таким образом, в повести «Репрессированные» создается образ эпохи и человека в ней - одновременно объекта и субъекта минувшего времени.

Социально-исторический взгляд на вещи, начавший формироваться в романе «Проклятые», дает в «Репрессированных» другой художественный результат: В.М. Неунывахин раскрывает себя в качестве летописца, свидетеля текущего о современности как о продукте истории, о малой Родине - как обо всей России.

Бесспорно, тема репрессий не нова в современной русской литературе. С появлением художественных произведений и публицистических размышлений Александра Солженицына, Варлама Шаламова, Лидии Гинзбург, Анатolia Рыбакова, казалось, все уже исчерпано. Но в прозе Владимира Неунывахины тема обрела новое «региональное» звучание. Вслед за кузбасским журналистом Юрием Пановым, автором книги «Сиблаг ГУЛАГа», писатель старается запечатлеть подробности жизни друзей и знакомых - семей спецпереселенцев из поселка Абатур, показать их в узловой момент русской истории, где каждый проявляет свои личностные качества и пытается сделать самостоя-

тельный осознанный выбор. Но открытым остается вопрос: а может ли время предоставить такую возможность личности? Не является ли она цепкой и безумным водоворотом истории?

Поиски живой исторической памяти объединяют кузбасского прозаика Владимира Неунывахины со многими русскими писателями-современниками, среди которых: Юрий Трифонов, Виктор Астафьев, Валентин Распутин. В конечном счете, они сопряжены с поисками человеческого в человеке: душевного тепла, любви, понимания, сочувствия. И какой бы исторический «фон» ни выбирал писатель для своего произведения, будь то репрессии 30-х годов, годы Гражданской войны, суровое военное время или послевоенное лихолетье, для него, как и для этих авторов, остается актуальной проблема взаимной ответственности личности и общества, в том числе -- ответственности за отдельную человеческую жизнь.

По мысли Неунывахины, человек держит персональный ответ за свои поступки, ведь из них складываются его собственная история, история близких, народа и страны. А общество, в свою очередь, не может и не имеет права калечить судьбу человека или пренебрегать им. Этому посвящены такие рассказы и зарисовки В.М. Неунывахины как: «Петров день», «Опозорил династию», «Преступный совет родителя», «Когда гуманность во вред», «Мразь! Такого человека загубил!», «Умирая, он плакал», «Сочувствие», «Простите! Тут человек плохо!», «Мой любимый отчим» и другие.

Правдиво отражая исторические факты и реалии современности, природные и неопределимые в их природе явления, Владимир Неунывахин стремится отыскать их причины. В этом ему помогают врожденная наблюдательность и обширный профессиональный опыт: инспектора, много лет переселитывавшего заключенных в учреждениях государственного управления исполнения наказаний, и журналиста, работавшего в печатных изданиях МВД СССР. Особенно привлекает в этом смысле пять произведений, непознанными всполохами озаряющие нашу повседневность: «Банная нечисть», «Наваждение каюк-то...», «Съездил за водочкой», «Если не лесной, то кто?», «Праздник наяд». Здесь автору удается, оставаясь в рамках реалистического повествования, сохранить остроту ощущений от неизведанного, «фантастичность» события. Вот почему эти рассказы и зарисовки тревожат генетическую память читателей, затрагивают древние корни коллективного рода - кладовую сказаний, верований и примет.

Анализируя произведения Неунывахины, нетрудно заметить, что в его художественный мир активно проникают легкие зарисовки - картинки современного быта с их семейными ссорами и неурядицами, походами по магазинам, «детским лепетом», былями и небылицами, работой и увлечениями, охотничьими блеснями у костра и прогулками по лесу. На первый взгляд - это мелочи, не достойные внимания настоящего литератора. Но если приглядеться, «эпизодики из жизни» - те же всполохи, расцвечивающие прошлое, передающие ощущение того реального потока времени, который пытается ухватить писатель. Фиксируя незамысловатые истории, Владимир Неунывахин доносит до нас важную мысль: все глобальное, бытийные проблемы не возникают в безвоздушном пространстве. Быт и есть тот воздух, в котором рождается бытие и событие. Тот воздух, в котором хранится живая история и живая память.

Акт веры Сергея Ерофеева

11 сентября 2012 года вышла в свет повесть-притча «Акт веры» известного в Новокузнецке автора, преподавателя кафедры экономики и управления производством СибГИУ Сергея Сергеевича Ерофеева, которому, пользуясь случаем, мы решили задать несколько вопросов о его литературной деятельности, новой книге и дальнейших творческих планах.

- **Здравствуй, Сергей Сергеевич. Прежде всего, как долго Вы занимаетесь литературной деятельностью, и как Вы к этому пришли?**

- Добрый день. Уже довольно давно. Обычно я называю в качестве отправной точки 2003 год, хотя это не совсем правда, все началось гораздо раньше, соответственно стаж уже более 10 лет. А в качестве побудительного импульса можно назвать, скорее всего, давнюю мечту... или стремление разобраться в том, что в действительности происходит в нашем мире. В процессе композиции текста, так или иначе, выстраиваются занятные логические цепочки.

- **«Акт веры»... Почему такое название?**

- В примечаниях я отчасти затронул этот вопрос. Вера, на мой взгляд, один из основополагающих столпов человеческого существования, и я не только о религии сейчас говорю. Вера в той или иной мере присуща каждому живущему; и то, что человек совершает, все его поступки и действия обусловлены особенностями, силой и, если можно так выразиться, общей направленностью его веры: в Бога ли, в какие-то сущности, в себя, во всеобъемлющий счастливый исход... во что-то иное... И акт - действие, на которое человек готов во имя своей веры.

- **Как бы Вы ответили на вопрос потенциального читателя: «О чем эта книга?»**

- Я полагаю, каждый вдумчивый читатель, найдет в ее тексте что-то свое. В повести несколько ярко выраженных смысловых уровней, и на подобный вопрос можно ответить по-разному. Проще всего сказать - о любви; так как жанр - религиозная мистика, этот текст не может быть не о любви.

- **Кому Вы посоветовали бы прочитать повесть.**

- Если с юмором, то можно ответить так: посоветовал бы прочесть любому новокузнецкому, готовому, при равной стоимости, предпочесть в книжном магазине новую книжку земляка томам классиков. Почему новокузнецкому? Небольшой тираж навряд-ли разодется слишком широко. Всем тем, кому интересны скрытые смыслы, чужие верования и смелые предположения; всем, кто не любит мыльные детективы; всем, кто, как и я, считает, что литературная работа должна быть, прежде всего, работой или даже - сорботой автора и читателя.

- **Каковы Ваши дальнейшие творческие планы?**

- В первую очередь, это презентация книги. Помимо этого, я уже более года работаю над небольшим стихотворным сборником, посвященным истории нашего региона. Ее я рассматриваю как свой вклад в подготовку к празднованию 400-летия Новокузнецка. Должна получиться весьма небанальная книжка. Предварительный вариант названия - «Анданты для комуся и струнных». Как и нынешняя, она планируется в твердой обложке.

Чистый поток понимания

В издательстве «Союз писателей» вышла вторая книга новокузнецкого поэта и прозаика Сергея Ерофеева «Акт веры (повесть)». Сергей, старший преподаватель кафедры экономики и управления производством ФГБОУ ВПО «Сибирский государственный индустриальный университет».

В свободное от работы время он занимается изучением истории родного края, истории вообще, философией... этот список можно продолжать и продолжать. Разносторонне образованный человек, Сергей обращается в своих произведениях к читателю, предлагая ему не «легкое» чтение, рассчитанное на людей прозябающих в безделье и скуке, а многоуровневое произведение. Его работы заставляют читателя задуматься о вечных ценностях: любви, ответственности перед собой и перед теми, кто оказался рядом в то мгновение жизни, которое и является настоящим.

Автор создает яркие образы событий и героев, каждый из которых проживает перед взором читателя свою, полную надежд и страстей, жизнь.

В одном из рассказов есть такие слова: «Пляшущий дервиш... Хоровод кружащихся стрелок... долгое и краткое на вечном... Вечное... Вечные вопросы и вечные ценности - пыль под подошвами поколений, пыль, удушающая андабатов на арене в Эль-Джеме, попираемая копытами монгольских орд, рвавшихся к Иерусалиму, оседавшая и на карманном ноже Байрона, и на сапогах Хейсрдала... Пыль... она должна быть пририта и смыта, сметена потоком ответов, ясным и чистым потоком понимания и памяти...»

В этом отрывке такие глубины смысла, что можно писать романы и трактаты, а можно вот так сказать, как это делает Сергей - несколько емких строк мудреца. Сегодня развелась масса быстро пишущих авторов. У тех, что ни день, то новый роман готов. Одни и те же слова, схожие сюжеты, слезливо-агрессивные диалоги... Пишутся легко, еще легче читаются, только не запоминаются. Вроде бы читал, а вроде бы и нет. Прозу Сергея нельзя приравнять к таким работам-однодневкам. Он пишет для мыслящих, думающих и любящих.

Открывает книгу статья члена Союза писателей России Татьяны Николаевой «Стиль души». В ней размышления не только о произведениях автора, но и о русской «молодой» литературе. Вот как она говорит об этом: «В современной «молодой» прозе очень редко можно встретить хорошо поставленный русский язык, попасть на образную, сложносочиненную, интеллигентную речь...»

О воздействии произведений Сергея Ерофеева Татьяна высказывает свое особое мнение: «Ипущий смыслов задумается, примерится плечом к слову автора, говорящего устами героев; не поленится прочесть авторские примечания - своеобразную интеллектуально-топографическую карту. Ипущий Сергей Ерофеев найдет своего читателя».

Обращаясь к читателю в начале книги, Сергей представляет себя, как равного, как земляка. Для кого же он пишет? «Я работаю для людей, которые устали от новомодной пустой литературы,... для людей, которые в детстве верили в Деда Мороза, кто зачитывался Стендальем и Сабатини, коротал вечера с Хейсрдалом и Сенкевичем, учился читать по Зикмунду и Ганцелке. ... Я работаю для Вас».

Людмила ТАНКОВА.

Литературный калейдоскоп «Усятской россыпи»

Немногом менее одного года (девять месяцев) прошло после выхода в свет предыдущего номера №8 «Усятской россыпи», с одной стороны срок немалый и в то же время – небольшой. Кажется, что вчера только закончили сбор материалов вошедших в него, вёрстку... И, вот заканчивается уже сбор материала и монтаж очередного девятого номера Альманаха.

Не без гордости хочется сообщить, что по предыдущему номеру, как никогда, было много отзывов со стороны читателей и коллег. И это, наверное, естественно, поскольку от номера к номеру растёт профессионализм людей делающих газету, повышается и её качество. Соответственно растёт к газете и интерес со стороны читателей. В связи с чем, хочется озвучить некоторые из отзывов.

Отзывы

Первой («27» декабря 2011 года, буквально через день или два после выхода номера) позвонила редактору прокопчанка Людмила Николаевна Черченко, ветеран городской системы образования и пионерского движения города, историк и краевед.

Она сказала буквально следующее: «Газету получила, прочитала. Отдельные моменты статьи «...о Прокопьевской школе» - по несколько раз. По датам есть некоторые несовпадения, но это не страшно... Спасибо за статью, столько и так о Прокопьевской школе никто ещё не писал. Статья воодушевляет, вдохновляет — крылья за спиной растут, жить хочется... Спасибо!»

После встречи Нового года, 10 января 2012 года, из Сарбалы позвонил один из авторов вновь вышедшего номера, новокузнецкий художник и поэт Геннадий Ильич Елин, поздравил с наступившим Новым годом. А, что касается газеты, сказал: «Газету получил, прочитал всю. Номер хороший...»

Спасибо всем кто над ним работал. И не только за номер, но и за ваш гражданский подвиг.

Очень понравился материал Рагима Мусаева, особенно заметка «Кто вернул историю?». Поскольку по первому своему образованию я педагог, этим вопросом интересуюсь. Когда учился в пединституте, мы изучали историю педагогики. Действительно, в двадцатые годы в образовании была такая же чехарда, как и теперь. Но теперь остановить её некому... Интересно, откуда автор взял такой материал, из какого источника?..

Относительно вашего «Отзыва...» о книге Владимира Неунывакина «Проклятые», в части касающейся описания, роли и оценки отряда Рогова Г.Ф. Согласен с позицией редакции, поскольку Рогов Г.Ф., как историческая фигура и личность очень разносторонний.

Считаю, что так односторонне, как говорит о нём Владимир Неунывакин, судить нельзя...

Относительно критики идущей в ад-

рес редакции и газеты, и в качестве пожеланий на будущее Геннадий Ильич, сказал следующее: «Если я гореть не буду, если ты гореть не будешь, если мы гореть не будем... Так кто же здесь разгонит тьму?» - сказал давным-давно поэт и философ древнего Востока Назым Хикмет».

16 января на сайте «Одноклассники» свой отзыв выложила прокопчанка Людмила Сергеевна Мордвина:

«...Праздники отпугнули, вся моя шумная орава разбежалась, и у меня, наконец-то, появилось время не спеша почитать ваши воспоминания «...о школе», рассказ «Изгой»...

Сказать, что мне это понравилось — это ничего не сказать. Мне очень понравилось!.. За каждой фамилией стоят люди, которых я хорошо знала или знаю... Такое замечательное свидание с детством... Спасибо!..»

Немногом позднее по «Интернету» же прислала свой отзыв прокопчанка Галина Макаровна Швецова, которая высоко отозвалась о документальной повести «Брагины», автором которой является Зоя Николаевна Гулишевская: «В отдельных местах я плакала...», - сообщила Галина Макаровна.

Приблизительно такого же содержания о названном произведении были многочисленные отзывы представителей прокопьевской «диаспоры Брагиных» из Краснодарского края и Питера.

Кроме того питерцы, как и прежде, высоко оценили прозаическое произведение Людмилы Танковой на педагогическую тему «Песнь соловья в пустыне каменной», высказали пожелание на продолжение её на страницах газеты. Приблизительно такое же пожелание, об освещении обозначенной педагогической темы - в дальнейшем, высказывали и некоторые работники Прокопьевского Управления образованием.

Немало добрых слов прозвучало от читателей - любителей поэзии, в адрес: киселевского поэта Николая Подсевалова за его подборку стихов под общим названием «Шахтёрская тема»; новокузнецких поэтов Сергея Ажиганича и Сергея Ерофеева.

Читатели, в прошлом - кадровые военные, почти единодушно, советуют редактору больше публиковать своих рассказов на военную (армейскую) тему: «Сегодня это очень актуально», - сообщили они.

Не обделили своим вниманием читатели и публикацию «Домик в деревне», за необычность и ироническую правдивость повествования, автором которой является Виктор Шабалин, сельский школьный учитель из Прокопьевского района, села Михайловка. Высказали свои пожелания встречаться с автором и в дальнейшем на страницах газеты.

Это — кратко, что касается отзывов на «восьмой» номер «Усятская россыпь».

Литературная жизнь

Начиная же разговор о литературной жизни в Южно-Кузбасском литературном регионе и в области за прошедший «межномерной» период хочется сказать следующее:

Текущий 2012 год високосный, год аномально засушливого лета...

Тем не менее, жизнь продолжается и течёт и в високосном году.

Одним из главных событий в литературной жизни Кузбасса, которое широко освещается на страницах главного областного литературного журнала «Огни Кузбасса», пятидесятилетие со дня образования Кемеровской областной писательской организации (областного отделения «Союза писателей России»).

В связи с чем 29 марта, в областной библиотеке для детей и юношества прошла региональная научно-практическая конференция «Литература Кузбасса и её роль в гуманитарном воспитании и образовании детей и молодёжи»...

18 мая писатели Кузбасса, члены СП России были приглашены на торжественный Губернаторский приём, посвящённый 50-летию юбилею Областной писательской организации. Многие были отмечены высокими наградами областной администрации, грамотами департамента культуры и национальной политики Кемеровской области, грамотами и денежными премиями администрации

Кемеровского государственного университета, кафедры гуманитарных и художественно-эстетических дисциплин Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, а также две кемеровские областные библиотеки — научная библиотека имени В.Д. Фёдорова и библиотека для детей и юношества...

Активное участие в конференции приняла делегация из Новокузнецка, состоящая из профессиональных и начинающих литераторов, руководителей музеев и городских литературных студий, воспитанников православной духовной семинарии».

Кроме новокузнецкой делегации, из немалоого нашего общего областного региона («литературного областного региона» или территории), по всей видимости, на конференцию больше никто не приглашался. Хотя несомненно, в каждой отдельно взятой территории литературная жизнь также идёт.

Как бы то ни было, в общей областной литературной жизни принимают участие и эти первоначальные писательские и поэтические организации. Поэтому-то в общем «Литературном слове Кузбасса» должны звучать голоса и этих малых организаций. Иначе, какое же это «литературное слово Кузбасса?», это «литературное слово города Кемерово».

О литературной же жизни, которая течёт у нас, и литературном слове, которое звучит у нас, пойдёт разговор далее.

Встреча друзей

25 декабря 2011 года на базе Прокопьевской средней общеобразовательной школы № 1 состоялась творческая встреча литераторов (в основном поэтов) южно-кузбасского региона (городов Прокопьевск, Новокузнецк и Междуреченск). Вечер был посвящён памяти прокопьевского поэта Виктора Ивановича Савинкова (годовщине со дня его смерти). На встрече были выставлены для реализации выпуски стихов Савинкова (с целью сбора средств на сооружение памятника умершему поэту).

Кроме того, на встрече были представлены (общая презентация) пять поэтических сборников кузбасских поэтов (в ос-

новном южно-кузбасского региона): «Минута памяти», «Люблю я город свой с рожденья», «Не отрекаются любя», «В сахарном инее гроздь калины» и «Избранное».

К слову сказать, изначально встречу планировали провести как литературный марафон, но затем провели как театрализованную книжную ярмарку. Значительную часть мероприятия заняли выступления учащихся школы. Ребята читали стихи Виктора Савинкова, рассказывали о его жизненном пути.

Организатором встречи, как и выпуска названных поэтических сборников (которых на сегодняшний день вышло уже восемь, готовится к выпуску девятый) является учитель русского языка и литературы школы №1 Города Прокопьевск Людмила Павловна Лукьянова. Людмила Павловна является одним из авторов сборников, занимается изучением и исследованием творчества кузбасских поэтов.

О сборниках и авторах с выборочной публикацией произведений некоторых из них говорилось в Калейдоскопе предыдущего выпуска газеты. Поэтому сегодня разговор будет вестись лишь о самом мероприятии, отзывах о нём и сборниках участников встречи:

Выпуск новой книги – всегда праздник

По этому поводу в Прокопьевской первой школе собрались гости из городов: Междуреченск, Мыски, Новокузнецк, Прокопьевск, Ленинск-Кузнецкий.

Всех поэтов объединили общие поэтические сборники. В них вошли стихи о родном крае, о любви, о Родине...

Много добрых слов на встрече было сказано в адрес и организатора встречи, и организатора выпуска книг Людмилы Павловны Лукьяновой.

Присутствовавшие на встрече поэты читали свои стихи. Почтили минутой памяти товарищей ушедших в мир иной.

«Выражаю от имени всех коллег поэтов благодарность Людмиле Павловне Лукьяновой за то, что собрала и объединила нас любителей и ценителей поэзии». Так сказала Людмила Иванова из Новокузнецка.

Александра Кульбинская, руководитель литературного клуба «Литератор», город Междуреченск.

«О встрече в Прокопьевске 25 декабря 2011 года у меня остались самые восторженные воспоминания и самые тёплые чувства. Впечатление такое, что встречалась после долгой разлуки с близкими, дорогими мне людьми. Эта россыпь стихотворных откровений, ярких образов, необычность видения мира у многих поэтов – просто праздник для души.

Посвящённая Виктору Савинкову поэтическая композиция как бы возобновила встречу с ним. От этого было чувство, что поэт присутствовал на нашей встрече.

В продолжение всего вечера приятно было видеть хозяйку, организатора нашего литературного слёта Людмилу Лукьянову.

Она хорошо всех знает, излучает тепло и дружелюбие. Отраднo, что жизнь приводит нас к таким бескорыстным сподвижникам поэзии. Очень хочется, чтобы такие встречи повторялись».

Евгений Боровков, город Междуреченск.

член литературных клубов «Литератор» и «Полифон»:

«Встреча прошла как и проходят встречи близких друзей, единомышленников по вопросам развития культуры, коллег по литературному творчеству и просто хороших людей.

Пусть достанет у Людмилы сил продолжать организацию таких встреч и выпуск поэтических сборников».

20 лет «Вдохновению»

В апреле текущего года исполнилось двадцать лет со дня образования прокопьевского литературно-поэтического клуба «Вдохновение». Свой юбилей вдохновенцы отметили выпуском очередного

(четвёртого) сборника стихов «Вдохновение», в который вошли подборки стихов двадцати восьми авторов, прокопчан (за исключением одного).

Организатором, составителем и редактором выпуска выступила руководитель клуба «Вдохновение» Любовь Геннадьев-

на Руденко, которая в сборнике опубликовала стихи шестерых умерших прокопьевских поэтов, в прошлом членов клуба «Вдохновение»: Михаила Ивановича Глушкова, Григория Васильевича Маслова, Натальи Михайловны Миллер, Сергея Афанасьевича Рекунова, Виктора Ивановича Савинкова и Щербачевой Екатерины Никаноровны.

Среди ныне здравствующих авторов сборника известные читателям «Усвятской россыпи» прокопьевские авторы (не один раз публиковавшиеся в газете), есть и неизвестные: Вера Александровна Бажнова, Виталий Андреевич Баяджис, Тамара Ивановна Бушкова, Виктор Николаевич Крещетов, Любовь Ефимовна Сбытова, Нелли Алексеевна Смирнова.

27 апреля состоялась презентация вновь вышедшего сборника и чествование юбиляра и юбиляров (всех прокопьевских авторов опубликовавшихся в сборнике). Праздник поэзии прошёл в читальном зале Центральной городской библиотеки Прокопьевска.

На презентации и чествовании присутствовали представители администрации города и городского управления культуры, во главе с руководителями: В.А. Гараниным и И.А. Дьяконовым, руководство и представители Центральной городской библиотеки города. Последние являлись одними из организаторов торжества.

В своём выступлении глава города Валерий Анатольевич Гаранин дал высокую оценку деятельности клуба «Вдохновение» в культурной жизни города, выразил свою признательность и благодарность всем вдохновенцам. Всем прокопьевским литераторам (авторам) опубликовавшимся в сборнике вручил ценные памятные подарки и денежные вознаграждения по три тысячи рублей (в каче-

стве членов клуба «Вдохновение»), выпуск которого и презентация состоятся до конца года.

Работа в обозначенном направлении началась и хочется верить, что даст хорошие всходы в будущем.

Поэтический Междуреченск

В конце 2011 года в Междуреченске, общественной организацией города «Литературная студия «Полифон», издан «Литературно-художественный альманах (журнал) №4 «Полифон».

Журнал состоит из пяти разделов: поэзия, дебют, проза, памяти собрата по перу, гости города.

«Поэзия» представлена работами двенадцати двух междуреченских авторов. Среди которых известные читателям «Усвятской россыпи» поэты: Валерий Берсенёв, Евгений Боровков, Зинаида Дубодёл. Среди неизвестных читателям, но известных членам редакции газеты «Усвятская россыпь»: Сергей Меринов, Анатолий Копылов, Людмила Сагайдак, Ольга Серверова, Валентин Сорокопудов. «Дебют» прошёл у Алевтины Константиновой и Андрея Урюпина (детские стихи).

«Проза» представлена четырьмя авторами: Светланой Богдановой, Еленой Воробьёвой, Ларисой Галкиной, Валентином Сорокопудовым.

«Памяти собрата по перу» опубликованы стихи четырёх авторов: Евгения Берсенёва, Татьяны Благодарьевой, Михаила Завьялова, Лёнида Костылёва.

«Гости города» представлены четырьмя авторами: Иваном Абиным, Натальей Ерёмовой, Михаилом Кривошисным, Георгием Кусурганцевым, Юлией Ташкиной.

В редакционную коллегия издания вошли Валерий Берсенёв, Лариса Бобылёва, Евгений Боровков, Елена Воробьёва, Валентина Круглова, Валентин Сорокопудов. Объём издания 152 страницы формата А-4.

В предисловии к изданию Валентин Сорокопудов говорит:

«В Междуреченске 15 лет назад группой любителей поэзии была создана литературная студия «Полифон». «Полифон» – это многозвучие, радушие слов, дел.

Литературная студия «Полифон» подготовила и выпустила несколько номеров литературно-художественного альманаха, книгу стихов и графики о Междуреченске и несколько книг отдельных авторов.

Книги и альманахи передавались в школы, краеведческий музей, высылались в библиотеки страны.

Уже несколько лет студия проводит «Международный день поэзии».

«Поэзия, – говорится в решении 30-й сессии, генеральной конференции международной организации «ЮНЕСКО», состоявшейся 21 марта 1999 года, – может стать ответом на самые острые и глубокие духовные вопросы современного человека, но для этого необходимо привлечь к ней как можно более широкое общественное внимание».

Кроме того, Всемирный День поэзии должен дать возможность шире заявлять

стве компенсации личных финансовых издержек авторов на выпуск сборника).

Валерий Анатольевич сказал, что его встреча с литераторами города не последняя, горадминистрация запланировала выпуск более «солидного» сборника стихов прокопьевских поэтов (и не только

о себе малым издательствам, чьими усилиями, в основном, доходит до читателей творчество современных поэтов; литературным клубам, возрождающим извечную традицию живого звучания поэтического слова».

Организация «ЮНЕСКО» решила отметить Всемирный день поэзии 21 марта. Этот День, призван послужить созданию в средствах массовой информации позитивного образа поэзии как подлинного современного искусства, открытого людям.

В Междуреченске много творческих людей, не входящих в нашу организацию, но также создающих свои произведения, привлекающих внимание горожан и жителей Кузбасса. Это поэты, писатели и журналисты, художники и музыканты, изобретатели.

Мне думается, что и нашим современникам, и людям в будущем — историкам, литературоведам, филологам, краеведам — будет интересно изучать наши работы.

Этот четвёртый номер альманаха «Полифон» создавался длительное время, с большим трудом. И, наконец, он издан.

Во всём этом немалая заслуга и Администрации города, и работников Центральной городской библиотеки, и Детской художественной школы, и, конечно, редакционной коллегии альманаха.

В одном из стихотворений Евгения Евтушенко сказано:

*«Когда ты, словно в небесах,
Дышишь грозою,
И на строительных лесах
И над лозою,
И взглянешь ты в глаза веков,
В глаза страны по-честному —
Тогда настанет день стихов,
Настанет День Поэзии!»*

Ах, фестиваль, фестиваль...

4 августа, в Междуреченске, на базе спортивного лагеря «Металлурги» состоялся

Новокузнецкое писательство представили Наталья Палаткина, Татьяна Цыганкова, Инна Ким и Людмила Танкова. Большинство же составили междуреченцы — хозяева и организаторы торжества: руководитель клуба «Литератор» Александр Кульбицкая, руководитель клуба «Полифон» Валерий Берсенев, Светлана Кочарина (Кульбицкая), Сергей Меринов, Владимир Волокитин, Ольга Северова, Любовь Папкова, Елена Фролова и другие междуреченцы.

Всего на фестивале присутствовали более сорока человек. Программа фестиваля была рассчитана на два дня. Первый рабочий день форума включил в себя литературный конкурс, вечерний костёр с праздничным маскарадным карнавалом и конкур-

десятый «Ежегодный литературный фестиваль», посвящённый 70-летию образования Кемеровской области.

Фестиваль берёт своё начало в далёком 2002 году. Инициаторами и организаторами его проведения тогда были Елена Платонова Фролова, Елена Пархоменко и Евгений Боровков.

В 2012 году организаторами фестиваля выступили Междуреченские городские литературные клубы «Литератор» и «Полифон».

Были приглашены коллеги с южно-кузбасских территорий области.

Прокопьевскую делегацию представляли руководитель прокопьевского литературного клуба «Маяк» Галина Бабушкина, Геннадий Ионов, Николай Клочков, Лилия Клапачун, Эльвира Шелестовская, Татьяна Гарбузова (Мульева), Геннадий Алхонин и Анатолий Гуляев.

сом бардовской песни. Второй рабочий день — литературный конкурс.

Открывая фестиваль, руководитель управления культуры города Междуреченска Лариса Викторовна Турчук говорила о том, что ежегодные междуреченские фестивали вписали яркую страницу в культурную и литературную жизнь Кузбасса, и этот, юбилейный, будет не менее значимым.

Лариса Викторовна передала слова благодарности и поздравления всем присутствующим на фестивале от главы администрации Междуреченска В.А. Шамолина и вручила благодарственные письма 18-ти участникам фести-

валя. Среди которых были представители Прокопьевска и Новокузнецка. В жюри литературных конкурсов вошли: Сергей Меринов, Александра Кульбицкая, Лариса Турчук и Светлана Кочарина. Роль ведущей была возложена на Любовь Панкову.

Конкурсную программу открыл прокопчанин Геннадий Алхонин, стихотворением и песней о шахтёрах. Песни (в том числе и авторские) звучали на протяжении всего литературного конкурса и как музыкальные паузы. Прокопчанин Николай Клочков исполнил Гимн Кузбасса (авторские слова и музыка) посвящённый 70-летию образования Кемеровской области, междуреченка Любовь Папкова исполнила песню о Междуреченске.

В итоге победители были награждены дипломами, грамотами, ценными подарками и сувенирами.